

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство о регистрации *ПИ № ФС 77-21093*)

*Журнал включён ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук
(ред. от 19.02.2010 г.).*

2010

Ежеквартальное издание

№ 4

Основан в 2001 г.

Проблемным Советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»

**Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО «Ивановский государственный университет»**

Редакционная коллегия

доктор исторических наук, профессор **В. С. Меметов** (*главный редактор*)

доктор политических наук, профессор **Ю. М. Воронов**

доктор философских наук, профессор **Г. С. Смирнов**

доктор исторических наук, профессор **С. М. Усманов**

(*заместитель главного редактора*)

кандидат исторических наук **А. К. Калинин**

кандидат исторических наук, доцент **В. В. Комиссаров**

кандидат исторических наук, доцент **Н. Г. Юркин**

(*ответственный секретарь*)

*Издается НИИ интеллигентоведения
при Ивановском государственном университете*

Журнал награждён дипломом

**V Международного конкурса «Университетская книга — 2010»
в номинации «Лучшее вузовское периодическое издание»**

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.
Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

*Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com*

Подписные индексы:

Почта России 60320

Пресса России 41533

© НИИ интеллигентоведения при ИвГУ, 2010

© ГОУ ВПО «Ивановский государственный
университет», 2010

INTELLIGENTSIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

Registered by Federal Service for Control of Observation of the Law
on Mass Communication and for the Preservation of Cultural Heritage
(Registration License *ИИ № ФС 77-21093*)

*The journal is peer-reviewed and recommended by the Supreme Attestation Commission
of the Russian Federation to publish main results of Doctors
and Candidatas of Sciences' dissertations (issued on 19/02/2010)*

2010

Quarterly

№ 4

**Founded in 2001 by the Council of the Russian Federation
on the Problem of Intelligentsia, Culture and Power**

**Ministry of Education and Science of the Russian Federation
State Educational Establishment of Higher Professional Education
Ivanovo State University**

Editor-in-Chief Prof. **Valery S. Memetov**, Dr. of History

Editorial Board

Prof. **Yury Voronov**, Dr. of Politics

Prof. **Grigory Smirnov**, Dr. of Philosophy

Prof. **Sergey Usmanov**, Dr. of History (*Deputy Editor-in-Chief*)

Alexander Kalinin, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Vladimir Komissarov**, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Nikolay Yurkin**, Cand. of Sc. (History) (*Secretary of the Board*)

*Edited by the Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University*

**The journal is awarded the diploma
of the Vth International contest «University Book — 2010»
in the nomination «The best university periodical»**

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

---

*The e-copy of the issue can be accessed at
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com*

Subscription indexes
The Post of RF 60320
Press of RF 41533

© Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University, 2010
© Ivanovo State University, 2010

Редакционный совет

В. С. Меметов, Ивановский государственный университет (председатель Редакционного совета); **А. И. Аврус**, Саратовский государственный университет; **Амвросий (Щуров)**, Архиепископ; **В. Р. Веселов**, Костромской государственный университет; **В. С. Волков**, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург); **Ю. М. Воронов**, Ивановский государственный архитектурно-строительный университет; **М. Е. Главацкий**, Уральский государственный университет (Екатеринбург); **А. А. Данилов**, Московский педагогический государственный университет; **В. Н. Егоров**, Ивановский государственный университет; **Э. Б. Ершова**, Государственный университет управления (Москва); **С. С. Загребин**, Челябинский государственный педагогический университет; **О. В. Золотарев**, Коми государственный педагогический институт (Сыктывкар); **А. В. Квакин**, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; **Г. Н. Кныш**, Днепрпетровский национальный университет (Украина); **И. В. Кондаков**, Российский государственный гуманитарный университет (Москва); **М. И. Кондрашёва**, Уральская государственная юридическая академия (Екатеринбург); **Г. В. Корзенко**, Институт истории Национальной Академии наук Беларуси (Минск); **В. А. Мансуров**, Институт социологии РАН; **И. И. Осинский**, Бурятский государственный университет (Улан-Удэ); **В. А. Порозов**, Пермский государственный педагогический университет; **В. Г. Рыженко**, Омский государственный университет; **И. В. Сибиряков**, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск); **Ф. Х. Соколова**, Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск); **В. Л. Соскин**, Сибирское отделение ИРИ РАН; **Талгат Таджуддин**, Центральное Духовное Управление мусульман России и Европейских стран СНГ; **С. А. Филатов**, Конгресс интеллигенции РФ; **Р. Г. Яновский**, Институт социально-политических исследований РАН.

Editorial board

V. S. Memetov, Ivanovo State University (Chairman of the Editorial Board); **A. I. Avrus**, Saratov State University; **Amvrosiy (Tshurov)**, archbishop; **V. R. Veselov**, Kostroma State University; **V. S. Volkov**, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg); **Y. M. Voronov**, Ivanovo State Architectural University; **M. E. Glavatskiy**, Ural State University (Ekaterinburg); **A. A. Danilov**, Moscow State Pedagogical University; **V. N. Egorov**, Ivanovo State University; **E. B. Ershova**, State University of Management (Moscow); **S. S. Zagrebin**, Chelyabinsk State Pedagogical University; **O. V. Zolotaryov**, Komi State Pedagogical Institute (Syktyvkar); **A. V. Kvakin**, Moscow State University named after M.V. Lomonosov; **G. N. Knysh**, Dnepropetrovsky State University (Ukraine); **I. V. Kondakov**, Russian State Humanitarian University (Moscow); **M. I. Kondrasheva**, Ural State Academy of Law (Ekaterinburg); **G. V. Korzenko**, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk); **V. A. Mansurov**, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **I. I. Osinsky**, Buryat State University (Ulan-Ude); **V. A. Porozov**, Perm State Pedagogical University; **V. G. Ryzjenko**, Omsk State University; **I. V. Sibiryakov**, South Ural State University (Chelyabinsk); **F. H. Sokolova**, Pomorsky State University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk); **V. L. Soskin**, Siberian Branch of Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; **Talgat Tadguddin**, Central Religious Department of Muslims of Russian and the European Part of CIS; **S. A. Filatov**, Kongress of Intelligentsia of Russian Federation; **R. G. Yanovsky**, Institute of socio-political research of the Russian Academy of Sciences.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

- Филипповская Т. В.* Перспективный тупик или новое качество интеллигенции? 7

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Кочешков Г. Н., Сараева Е. Л.* Исторические корни западной интеллигенции 15
- Золотарёв О. В.* Первое объединение коми интеллигенции 39

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

- Гилевская Л. П.* Социологический анализ состояния социального самочувствия белорусской интеллигенции 47

ДИСКУССИЯ

- Иванова Л. Г.* Книжная культура современного студенчества 68

ДЕБЮТ

- Белова Н. А.* Учительская интеллигенция в 1920—30-е гг.: повседневная жизнь в условиях социалистического строительства 80
- Борзов А. В.* Консервативные католические интеллигенты США в 1970—80-е гг. и администрация Р. Рейгана 91
- Борзова И. С.* Оппозиция, интеллигенция и политическая борьба в постсоветской Белоруссии 104

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

- Порозов В. А.* Образ интеллигенции российского провинциального города второй половины XX века в книгах серии «Пермь как текст»: молотовский коктейль. Статья первая. 118

ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

- Пронин А. А.* Отзыв официального оппонента на диссертацию К. В. Средняк «Писатели третьей волны эмиграции: проблемы взаимодействия с советской и западной интеллигенцией в 1960—80-е гг.» 137
- Польвянный Д. И.* О кирилло-мефодиевской традиции и «дегенерации смыслоформ» 144
- Аннотации* 152
- Содержание журнала за 2010 г.* 158

CONTENTS

ACTUAL PROBLEMS OF CONTEMPORARY INTELLIGENTSIA STUDIES

- Philippovskaya T. V.* Perspective impasse or the new quality of intelligentsia? 7

FROM THE HISTORY OF INTELLIGENTSIA

- Kocheshkov G. N., Saraeva E. L.* Historic roots of Westernist intelligentsia 15
- Zolotaryov O. V.* The first unification of Komi intelligentsia 39

INTELLIGENTSIA IN THE CONTEMPORARY WORLD

- Gilevskaya L. P.* Sociological analysis of conditions of social general state of Belorussian intelligentsia 47

DISCUSSION

- Ivanova L. G.* The book culture of contemporary students 68

DEBUT

- Belova N. A.* Teachers' intelligentsia in 1920—1930: everyday life in the conditions of socialistic building 80
- Borzov A. V.* Conservative catholic intelligentsia members in the USA in 1970—1980 and administration of R. Reagan 91
- Borzova I. S.* Opposition, intelligentsia and political struggle in the post-Soviet Belorussia 104

MAKING CONCLUSIONS

- Porozov V. A.* The image of intelligentsia of a Russian provincial town in the second half of the 20th century in the books of the series "Perm as a text": molotov's cocktail. Article number one 118

REVIEWS AND RECENSIONS

- Pronin A. A.* The official opponent's review of the dissertation by K. V. Srednyak «The Writers of the Third Wave of emigration: problems of interaction with Soviet and Western intelligentsia in 1960—1980» 137
- Polyvyanny D. I.* On Cyrillo-Methodian tradition and «degeneration of meaning forms» 144
- Annotations* 152
- Reviews of the articles published in the journal in 2010* 158

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

ББК 60.543.132.1

Т. В. Филипповская

ПЕРСПЕКТИВНЫЙ ТУПИК ИЛИ НОВОЕ КАЧЕСТВО ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ?

Социокультурный или интегральный подход к определению понятия «интеллигенция», заложенный школами Л. Н. Когана¹, В. С. Меметова², позволяет рассматривать интеллигенцию как особую общность, сущностным критерием которой является реализация функции субъекта духовного воспроизводства социокультурных практик. Значимость подобной субъектности в реальной жизнедеятельности достаточно подробно осмыслялась в работах К. Г. Барбаковой, Г. А. Будник, В. В. Возилова, М. Е. Главацкого, В. А. Мансурова, Е. И. Самарцева, Г. С. Смирнова, Ф. Х. Соколовой, В. Л. Соскина и др. Перманентно актуальными остаются исследования исторических аспектов генезиса интеллигенции, её места в современном мире, роли в региональном и национальном развитии, функций в системе образования, взаимодействия с властью и религией, что подтверждает даже беглый обзор публикаций последних трёх лет на страницах журнала «Интеллигенция и мир».

© Филипповская Т. В., 2010

Филипповская Татьяна Владимировна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры социологии и управления общественными отношениями Уральского государственного экономического университета. ftatyana@mail.ru

Однако вне сферы внимания специалистов в интеллигентоведении остаётся то, что определялось К. Манхеймом как регрессивная мобильность интеллигенции³, то есть инновационный для нас социологический ракурс исследования общности, кардинальным признаком которой должна являться её духовная сущность. Здесь следует подчеркнуть, что речь идёт об общности, не самопорождающейся, не самовоспроизводящейся, всецело зависящей от остального социума и отражающей в той или иной форме все, присущие социуму, культурные травмы, потери и обретения.

Если, согласно известному утверждению С. Я. Елпатьевского⁴, интеллигенция — это общественно думающая и общественно чувствующая часть общества, а развитие интеллигенции, по К. Манхейму, соответствует завершающей фазе становления социального самосознания⁵, то какие формы сегодня может обрести регрессивная мобильность этой уникальной группы?

Как известно, интеллигенция, вступившая в регрессирующую страту, «резко отброшенную назад, на свои первоначальные позиции, не стремится соперничать с высшими классами»⁶. Это, согласно Е. Ледереру, порождает демонстративный критицизм, подпитываемый самовосхвалением и тенденциями к изоляции. Проявляется особая, специфическая неспособность поддерживать сложившийся стиль жизни, становясь источником разочарования.

К. Манхейм причисляет к «отброшенным» на первоначальные позиции тех, кто оторвался от своих корней (оказался в ситуации расхождения между изменившейся позицией и былым положением, утратив прежние функции) или был резко остановлен в «процессе возвышения на полпути». Ностальгия «по старым добрым временам» далее сопровождается отрицанием изменившейся ситуации, «доведённым до крайних пределов»⁷.

Особый интерес для нас в последующих рассуждениях К. Манхейма может представлять концепт о неспособности «отброшенных» воспринимать новые факты, что, в свою очередь, формирует соответствующую идеологию, в рамках которой эта неспособность перерастает в открытое нежелание что-либо делать и, таким образом, становится источником главных сил реакции.

Распад приверженности реакции может начаться в следующем поколении, а в предыдущем — только «с лиц, не утративших свободу выбора». Поэтому именно следующее поколе-

ние, отходя от страты «отброшенных», позиционирует «типичные симптомы диссоциации: независимой, продиктованной внутренними убеждениями критикой и скептицизмом по отношению к старшим представителям группы».

Детально анализируя далее социальный генезис скептицизма, К. Манхейм делает вывод о том, что образ действия интеллигенции и характер её мышления зависят от условий, в которых она осознаёт и выражает себя. «Относится ли интеллигенция к вытесненной или восходящей группе, или к страте, продвижение которой заблокировано, она стремится выработать нормы и условия, предназначенные господствовать в том обществе, где она живет». То есть, мы видим механизм выхода из духовного тупика, но только через поколение интеллигенции, когда на смену «питательной среде» реакции приходит новая страта, способная к продуцированию востребованных обществом ценностно-смысловых инноваций. Правда, остаётся вопрос, каким будет нравственно-этический уровень этих инноваций, предопределённых общей культурой социума, в сравнении с традиционно оцениваемым в качестве позитивного.

В таком случае, анализируя современное позиционирование интеллигенции и перманентную остроту спора о её существенных характеристиках и функциях, мы можем предполагать некий перспективный тупик её самопрезентации в социуме. Это связано с тем, что актуальные практики повседневности, в которых формируются жизненные миры поколения «пехт», призванного, по К. Манхейму, к «выведению» интеллигенции, а далее и общества из духовного тупика, подтверждают наличие феномена, определённого нами как отторжение знаний.

Культура отношения к знанию, актуализированная в обществе, является и социальным, и культурным фактом. Она становится результатом опыта коммуникаций индивида с социальными институтами и, одновременно, механизмом индивидуальных стратегий и практик повседневности, предопределяя мотивацию образования, социальной мобильности и изменения статусных ролей, карьерных амбиций, труда и отдыха, социокультурного воспроизводства и потребления. Прежде всего, это касается тех детерминант, которые предписывает обществу интеллигенция в роли субъекта духовного контекста социальной жизни.

В связи с этим актуальность осмысления различных аспектов отношения к знанию на уровне индивида, социальных институтов и, в целом, на социетальном уровне — перманентна. Поэтому закономерны и вопросы, предопределённые социокультурными практиками: что считается знанием в современном социуме, но, в большей степени, что представляют собой негативные стратегии интериоризации знания, объединённые феноменом его отторжения, и, в связи с этим, каков коммуникативный базис интеллигенции, сформированной в этих условиях, то есть — её новое качество.

Структурно *отторжение знаний* описывается через две составляющие подсистемы: отказ от знаний и отчуждение знаний.

Отказ от знаний — поведенческая стратегия действия, связанная с неприятием рутинных, традиционных, проверенных научной практикой, декларируемых институциональными структурами или «чужими», а также новых знаний. Это — конструкт социальной реальности, в котором скоррелированы «субъективные смыслы» и «объективная фактичность».

Отчуждение знаний — действия, направленные на исключение индивида, общности из числа пользователей ресурсами знания. Так могут воздействовать властные или корпоративные институты, не желая допускать «прозрачности» информации о каком-то направлении собственной деятельности и развития у индивидов навыков её критической оценки и интериоризации, вхождения в профессиональные корпорации «чужаков», демонстрируя *esprit de corps* (цеховую солидарность). Это может быть моббинг «чужаков», барьеры, дистанцирующие закрытость профессионального пространства. Например, сопротивление науки новому знанию, описанное Б. Барбером⁸, а позже развитое Р. Мертоном⁹, Т. Дж. Шеффом¹⁰, сегодня уже перешло с уровня чисто академических проблем на уровень обыденного сознания.

Отторжение знаний обладает феноменальностью в контексте жизненного мира и реализации особой формы обыденного коллективного знания, названного С. Московичи социальным представлением, связанным с иррациональным и алогичным в традиционных научных оценках знания действием.

Таким образом, отторжение знаний рассматривается нами как «сквозной» процесс в социокультурной динамике общества

реализации механизма социального переустройства, опирающийся на отказ и отчуждение знаний.

Представляется, что допустимо рассматривать отторжение знаний как антидеривацию — ответное действие акторов и общностей на социокультурные последствия провалов государства, подкреплённых ложной идеологией. Антидериваты так же, как и дериваты, являются производными от чувств, коренящихся, по В. Парето, в пластах человеческой психики, предопределяя социальное поведение человека. Однако здесь речь идёт не об иррациональных пластах, а о жёстко детерминированной мотивации на отторжение знаний, связанной с опытом индивида, общностей, извлечённым из взаимодействия с социумом.

В этом же ракурсе не случайна констатация З. Бауманом того, что о нашем времени, которое пытаются обозначить множеством терминов типа поздней модернити, рефлексивной модернити или постмодернити, можно сказать, что оно поднимает до уровня нормы определённое состояние диссонанса с унаследованными и внутренне присущими людям качествами, состояние, представляющее патологическим с точки зрения природы человека¹¹.

Функциями отторжения знаний как процесса являются:

1. Интерпретация реальности, направленная на исключение:
  - «чужаков» из контекста социального взаимодействия;
  - знаний, ассоциируемых с социальными страхами;
  - действий, способствующих адаптации к новой информации и реализации индивидуальных статусных стратегий, не совпадающих с реальными властными диспозициями.
2. Снижение уровня рисков от неопределённости в социокультурном взаимодействии индивидов, групп, общностей и институций.
3. Сохранение стабильности и устойчивости индивидуальной и групповой структуры сознания.
4. Адаптация общностей к внешней среде через антидеривации.

Функциональными результирующими этого процесса в России и мире являются:

1) рост функциональной неграмотности, фрагментаризация процесса мыслительной деятельности, стимулирующие смену социокультурных технологий взаимодействия общностей как по горизонтали, так и по вертикали, почти беспрепятственное торжество менеджериализма, «глобальный тоталитаризм»¹², «глобальный терроризм»;

2) «потребительское сопротивление», когда поиск все более совершенных продуктов и услуг сопровождается растущим стремлением акторов к качественной, с их точки зрения, жизни, обогащению индивидуального опыта и «проектированию личных эмоциональных миров»¹³ за счёт дауншифтинга и анскулинга в практиках взаимодействия с институциями труда (для когорты родителей) и образования (для когорты детей);

3) усиление противоречий между общностями в связи с существованием в одной стране и в одном государстве растущих анклавов отсталого общества, власть в котором основана на насилии («Rule of Force»), и уменьшающейся части общества, управляемого властью, основанной на законе («Rule of Law»)¹⁴. Выходцы из стран традиции «Rule of Force», которые не сталкиваются с необходимостью ассимиляции, сохраняют «мягкую инфраструктуру» (моральные нормы, традиции) «базисного», «материнского» общества. Они не просто с трудом адаптируются к условиям власти закона и социокультурных ценностей принявшего их социума, но и зачастую не желают этого делать, выражая свой протест даже в нелегитимных формах, в то время как общности «Rule of Law» оказываются неспособными к легитимным и эффективным формам сопротивления этому.

Анализируя эти результирующие, можем констатировать и перспективный тупик, и, одновременно, новое качество интеллигенции. То есть, мы добавляем к известным, по К. Манхейму¹⁵, качествам (эстетический взгляд на жизнь, как основы «виртуозного сопереживания», способности жить ролями и мыслями других, экспертов «в области утончённых наслаждений и гуманистов»); способность к превращению «импульсов трансценденции и сомнений в надёжные источники рутинной практики, позволяющие обходить крайности основополагающих истин»; экстериоризация ролей «носителя иронии, сарказма, акробата esprit

(остроумия — фр.)») новое качество: подверженность и участие в процессе отторжения знаний. Однако хотелось бы надеяться на то, что способность интеллигенции к ролям «профессионального критика ограниченности и филистерства», к сохранению рационального зерна в скептицизме, непреклонному поиску истины «в процессе разоблачения лицемерия и самообмана» свидетельствует о позитивных перспективах участия этой значимой общности в минимизации последствий, оптимизации социокультурных рисков в социуме в связи с представленным нами в качестве социального факта феноменом.

Феномен отторжения знаний не просто присутствует в практиках повседневности, но и уже активно «приносит свои плоды». Поэтому его дальнейшее осмысление может стать новым поворотом теоретико-прикладных концептов интеллигентоведения. Это позволит не только описать феномен отторжения знаний, методологию его исследования, но и разработать механизм минимизации отрицательных эффектов его проявления, принимая за основу ещё один тезис К. Манхейма о том, что радикальный отказ интеллигенции от иллюзий подобен дрожжам в хлебе, хотя теста они и не создают.

Примечания

- ¹ *Коган Л. Н.* Интеллигенция: слой специалистов или духовная элита общества? // Российская интеллигенция: XX век : тез. докл. и сообщ. науч. конф. Екатеринбург, 1994.
- ² *Меметов В. С.* О некоторых методологических подходах в изучении понятия «интеллигенция» в отечественной историографии // Интеллигенция и мир. 2008. № 2.
- ³ *Манхейм К.* Избранное : Социология культуры. М. ; СПб., 2000. С. 120.
- ⁴ См.: *Мансуров В. А., Барбакова К. Г.* Интеллигенция в структуре власти — миф или реальность // Интеллигенция и мир. 2008. № 1. С. 9.
- ⁵ *Манхейм К.* Указ. соч. С. 102.
- ⁶ Там же. С. 137.
- ⁷ Там же. С. 139.
- ⁸ *Barber B.* Resistance by Scientists to Scientific Discovery // Science. 1961. Vol. 134. P. 596—602.

- ⁹ *Merton R. K.* Behavior patterns of scientists // *American Scientist*. 1969. 58. P. 1—23.
- ¹⁰ *Scheff T. J.* Academic Gangs // *Crime, Law, and Social Change*. 1995. № 23.
- ¹¹ *Бауман З.* Цена университета? Узнайте на рынке! // Первое сентября. 2002. 12 окт.
- ¹² *Ракитская Г. Я., Очкина А. В.* Два «капитализма» в России : по материалам научной конференции // *Мир России*. 2009. № 1. С. 169—170.
- ¹³ *Scheff T. J.* Op. cit.
- ¹⁴ *Яновский К. и др.* Кризис института семьи в постиндустриальном обществе: анализ причин и возможности преодоления. М., 2007.
- ¹⁵ *Манхейм К.* Указ. соч. С. 154.

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ББК 63.3(2)-283.2

Г. Н. Кочешков, Е. Л. Сараева

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ ЗАПАДНИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Феномен русского западничества сороковых годов XIX века определялся социокультурным развитием общества в Новое время, теми историческими реалиями, когда вопрос о судьбе России стал предметом интереса не только государства, но и социума. В трактовке исследователями причин происхождения западнической интеллигенции есть расхождения. В литературе темы существует традиция объяснения возникновения западничества усилением охранительных начал в политике Николая I, противоречиями российской действительности. Многие историки видят истоки русской мысли сороковых годов в философской культуре романтизма. Осмысление темы в свете теории цивилизации представляет западничество как интеллектуальное течение, сформировавшееся под влиянием культуры Модерна. Рассматривая деятельность интеллектуалов сороковых годов в контексте становления либеральной цивилизации, историки интер-

---

© Кочешков Г. Н., Сараева Е. Л., 2010

Кочешков Геннадий Николаевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. (4852) 72-74-71

Сараева Елена Леонидовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. (4852) 44-53-27

претируют западничество и славянофильство как реакцию на процесс модернизации России в форме европеизации¹. Россия — страна с запоздалой и встретившей сопротивление модернизацией. Антимодернистские теории XVIII—XIX вв. были критикой деструктивных последствий современной рационализации. По мнению итальянского философа В. Страды, западники — деятели русской мысли и культуры, противостоявшие антимодернистским силам². Возникновение западничества ведущие специалисты рассматривают в свете теории Модерности, которая историческую обусловленность западничества связывает с необходимостью поддержки «западнизации» — заимствования материальных и духовных инструментов либеральной цивилизации. Генетическую связь западничества с европеизмом прослеживает В. Г. Щукин, отмечая, что оно возникло в результате разрушения патриархального уклада и формирования общества нового времени, а также всемирной экспансии западноевропейской культуры³. С европеизацией русской культуры связывают становление новых мировоззренческих систем в России XVIII — первой половины XIX в. Л. П. Репина, В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова⁴.

Эти ракурсы осмысления происхождения западничества — один в контексте модернизации общества, другой в свете политической и социокультурной ситуации 30—40-х гг. XIX в., третий в рамках философского движения — необходимы для понимания исторической обусловленности этой идеологии, интерпретирующей процесс развития общества на этапе его модернизации.

Становление нового общества в петербургский период включало в себя такой важный компонент, как формирование различных систем ценностей, определявших содержание идеологий, обосновывавших пути движения страны. *Осмысление модернизации российского общества может быть осуществлено с позиций признания или отрицания взаимодействия России с другими народами, на основе либеральных или консервативных ценностей, в рамках системоцентристского или персоноцентристского сознания.* По убеждению А. В. Оболонского, исторические явления важно оценивать сквозь призму интересов государства, больших социальных групп и индивида. Определение аксиологи-

ческих основ социокультурных процессов позволяет выявить их направленность⁵.

Ориентация на общечеловеческие ценности, воспринимавшиеся в России как духовное содержание цивилизации Запада, вела к становлению сообщества русских европейцев — сторонников взаимодействия с другими культурами. Поборники культурной унитарности доказывали самодостаточность духовного потенциала русского народа, способного обеспечить движение нации к нравственному идеалу. Они заняли позицию ограничения контактов с другими культурами. Эти различия в ориентациях обусловили идейный раскол общества на «русских европейцев» и «истинных патриотов». Выбор между традициями и инновациями определил распад общества на консерваторов-традиционалистов и либералов — сторонников реформ. Признание государственных интересов как приоритетных — условие формирования системно-центристской картины мира. Примат интересов личности — основное утверждение обладателей индивидуалистического, персонцентристского сознания.

Петровские реформы обусловили появление прозападной части общества, расширение пространства русского европеизма. С XVIII в. европеизм как умонастроение, признававшее цивилизующее значение западного влияния, определял поведение политической элиты и светского общества. В этом смысле западничество имело глубокие социокультурные основания в общественной жизни XVIII — первой половины XIX в. Прозападная ориентация общества поощрялась государством, допускавшим личное и книжное знакомство с европейским историко-культурным миром. Однако правительственная политика европеизации страны была крайне противоречивой, поскольку базировалась на имперских интересах авторитарной власти. Внешне покровительственное отношение государства к вестернизации страны, однако, не означало допущения свободы культурного самоопределения общества. Государство стремилось контролировать общественную жизнь. Социуму была отведена роль аудитории, воспринимающей идеи императорского двора. Петр I обязывал общество усваивать новый тип поведения, когда подданный, оставаясь в зависимости от власти, должен был проявлять инициативу, осведомлённость, компетентность, готовность служить монархии.

Внутренне противоречивый идеал личности, созданный в петровскую эпоху, — просвещённой, но не несвободной — должен был формировать тип культуры светского круга. В русской исторической мысли с XIX в. обращалось внимание на конфликтность смыслов типа культуры личности, предопределённого петровским государством: человек, поработщённый властью, оставаясь рабом, должен действовать сознательно, свободно, проявлять самодеятельность. Это противоречие между личностным и государственным началами в новой культуре В. О. Ключевский оценивал как неразрешимую загадку совместить несовместимое — деспотизм и свободу⁶.

Важные последствия петровских преобразований — импорт западных технологических и культурных образцов, повышение жизнеспособности самодержавной власти, крайний авторитаризм, наступление власти на ценности людей, снижение благосостояния народа⁷. Создание в эпоху Петра I отдельных образовательных учреждений не сопровождалось появлением культурной элиты, сформировавшейся позднее — в период Просвещения в результате расширения свободы дворянства. А. В. Оболенский доказывает, что Петр I, не признававший права человека на жизнь, самостоятельность, свободу, счастье, не был западником, стремившимся цивилизовать Россию. Мнение о Петре I как реформаторе, создавшем цивилизацию на основе новых духовных ценностей, — это миф, считает А. В. Оболенский. В его трактовке целевая ориентация петровского государства — повышение функциональной эффективности системы управления⁸.

Усилия власти были направлены на развитие государственного сознания людей, что соответствовало решению задачи строительства сильной империи, содействовало преодолению стереотипов традиционной жизни, формированию национальных идей. В сознании общества петровского периода произошло укоренение системоцентристских ценностей, утверждающих приоритет государственных интересов над личными. Это поднимало авторитет монархии и препятствовало становлению личности.

Открытый характер российского общества петербургского периода не позволял государству жёстко контролировать процесс знакомства с иными культурами, а требования к образованности и насильственная ориентация на европейские образцы поведения,

создание культурных объектов обусловили необратимость процесса саморазвития общества. В петровскую эпоху социокультурные изменения ещё осуществлялись по воле самодержца, а дворянство не испытывало потребности «оевропеиться». Незаинтересованность авторитарной власти в появлении независимой просвещённой личности в стране доказывается медленным развитием новой культуры, утверждающей ценность человека. Европеизация в петровский период не равнозначна процессу развития индивидуального сознания. Расхождения в осмыслении социокультурных последствий петровской модернизации настолько значительны, что изучение социальных процессов того времени сохраняет свою актуальность.

Процессы европеизации, модернизации и цивилизации общества не были тождественными. Различия смыслов этих явлений не сознавали уже многие современники тех событий. Они недостаточно определены и в научной литературе, в трактовке некоторых историков одно из этих явлений совмещалось с другим. *Европеизация — заимствование опыта Запада — содействовала модернизации, понимаемой как изменение форм и смысла движения общества, признававшего развитие значимой ценностью. В процессе модернизации шла цивилизация общества — освоение гуманистических ценностей, развитие сознания человека, расширение его духовных потребностей, рост правовой защищённости, расширение знаний, включение его в гражданскую деятельность. Цивилизация общества — одно из направлений модернизации страны.* Взаимно обусловленные процессы европеизации, модернизации, цивилизации имели в российской реальности и общие конструкции, и не сочетаемые компоненты. Деспотическое государство содействовало копированию отдельных образцов культуры Запада, модернизировало разные сферы жизни страны, но ограничивало свободу личности.

Концепция западного Просвещения формировала идейно-аксиологические основы культуры Нового времени (периода Модерна) с её утверждением прав человека. Самодержавие, уверенное в подконтрольности ему общественной и культурной жизни, до 90-х гг. XVIII в. благосклонно воспринимало ученическое заимствование компонентов образа жизни европейской аристократии и восторженное их воспроизведение в России. Екатерина II

цивилизowała отношения с подданными, однако она оставила за государством право опекать социокультурную жизнь в стране. Воспитание у дворян представлений о чести и достоинстве, немислимое в жестокие петровские времена и ставшее новым направлением политики Екатерины II, вело к формированию новой личностной культуры. Просветительские идеи нашли понимание в образованном обществе. Однако не было целостного восприятия идей Просвещения. Существенные различия в интерпретации текстов французских мыслителей говорят об идейном многообразии в русской культуре. В публицистике и художественной литературе зазвучала тема личности, центральной в идеологии русского Просвещения. Вместе с тем, слабо поддержанная общественным мнением и не свойственная просветительскому дискурсу политической элиты, она не приобрела приоритетного значения в дворянской культуре второй половины XVIII в.

Прочной основой движения нового общества стало формирование культурной среды — совокупности социокультурных учреждений (учебных заведений, театров, библиотек, музеев, клубов, салонов и др.), включавших людей в познание мира, содействовавших расширению их запросов, обеспечивавших трансляцию ценностей и идей, создание системы культурной коммуникации. Культурная среда обеспечивала устойчивое саморазвитие общества, ослабление зависимости его жизни от государственной политики. Приобретение обществом относительной свободы деятельности — важнейшее последствие его духовного развития в екатерининское время. Образование, литература были признаны высшим слоем общества значимыми ценностями. Чтение, бывшее сначала модным занятием, становится характерной чертой культуры образованного человека. Языки, литература, прежде всего европейская, оказались мощной моделирующей мир системой⁹, открывающей неограниченные возможности для познания. Круг идей, понятий, усвоенный читающей публикой, стал мозаично разнообразным, широким. Образованное общество было открыто для различных влияний. Культурное развитие людей благодаря образованию и литературе вышло из-под контроля власти. Культура русской публики была типологически связана с культурой Европы.

Раздвоенность начал культуры русского Просвещения — признание ценностей авторитарной власти, с одной стороны, и естественных прав личности, с другой, — вела к формированию разнонаправленных тенденций развития образованного общества. Сориентированные на службу монархии слои общества демонстрировали преданность престолу и признание интересов власти. Часть просвещённого общества, ценившая свободу личности, включилась в независимую интеллектуальную деятельность. Масса дворянства после освобождения от обязанности служить государству предпочла праздный помещичий быт.

Раскол общества был порождён различными идейно-политическими и культурными ориентациями людей. Исследователи преимущественно выделяют две конфронтационные тенденции: между либеральным меньшинством и консервативно настроенным большинством, между прозападной частью общества и сторонниками самобытности России¹⁰. Распад общества был обусловлен и различным отношением к правам человека. Ориентация высокообразованных людей на идеи Просвещения определила становление гуманистической культуры, основанной на ценности свободной самостоятельной просвещённой личности.

Новым значимым компонентом творчества историков, публицистов, литераторов второй половины XVIII — начала XIX в. стала национальная рефлексия. Начавшееся осмысление политических, социальных и нравственных основ развития России закрепляло за культурной элитой миссию духовных учителей общества, сумевших снизить роль государства в формировании картины мира. Проблематика русской мысли выявляла конфликт между традиционными и модернизационными процессами в стране. Центральный круг вопросов, вызвавших дискуссии интеллектуалов в конце XVIII в., — влияние традиционной русской культуры на исторический выбор России, причины отставания страны, последствия петровских реформ, отношение к европейской цивилизации, пути преодоления отсталости, идейно-нравственные начала движения общества. Ознакомление с богатой культурой других народов привело интеллектуалов к убеждению в необходимости понять российскую историю, что позволяло воспитывать людей¹¹. Показательно сопоставление Н. М. Карамзиным двух точек зрения на направления развития

России. Сторонники самобытности были встревожены возможным изменением характера русского народа и его нравственных установок в результате подражания Европе. Полемизируя с традиционалистами, Н. М. Карамзин обосновывал обращение к опыту развитых народов необходимостью преодоления отсталости страны. В арсенале его аргументов была мысль о просвещении как основном пути прогресса, одинаковом для всех народов. С грубостью, невежеством, праздношью, скукой Петр боролся, просвещая умы, считал Карамзин.

Идеология Просвещения влияла на определение смысла культуры, позволяла воспринимать отношения между Россией и Европой в новом ракурсе — видеть общечеловеческие и национальные начала в жизни. «Все *народное* ничто перед *человеческим*. Главное дело быть *людьми*, а не славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно для русских... я человек!»¹² Усвоенную из просветительской идеологии мысль о достоинстве человека Карамзин развивал в «Письмах русского путешественника». Внимание публики к этому сочинению Карамзина сохранялось и в сороковые годы XIX в. «Письма» воспитывали интерес к иной культуре, передавали восторженное отношение автора к Франции как культурному центру Европы. В интеллектуальных кругах конца XVIII в. началась полемика о реформах Петра I, основные аргументы её участников Карамзин воспроизвёл в своём сочинении. На критику реформ как исключительно подражательных, не имевших смысла, лишь искоренявших русские традиции и изменявших «нравственную физиономию» народа, Карамзин ответил обоснованием необходимости преобразования культуры личности. Он оценивал реформы с точки зрения интересов развития личности. Закоснелые традиции русской жизни были грубы, препятствовали восприятию нового. Монарх своей «деятельной волей и беспредельной властью» смог победить «упорство в невежестве». В этой оценке деятельности Петра просматривается особенность взглядов Карамзина — акцентирование внимания на просвещении как основном пути совершенствования человека и общества.

Западное Просвещение, формирующее представление об универсальных интересах людей, определяющее константы цивилизационного движения, создавало определенный идеал общественного развития. Восприятие Европы в контексте абстрактно-

го социального идеала содействовало созданию в русской культуре образа Запада, где ценности личности соединяют людей, формируют общее культурное пространство, ядром которого являются просветительские идеи. Этот ракурс зрения на европейскую цивилизацию был одной из основных причин идеализации образованными людьми Запада. В эпоху русского Просвещения главным стал вопрос о духовной сущности человека¹³. Новые образы людей, созданные деятелями русской культуры, помогали человеку творить свою личность. Н. М. Карамзин завещал русской культуре идеи уважения к истории народов, воспитания потребности в любви, интереса к внутреннему миру человека¹⁴.

Просветительская идея формирования гражданского общества, получившая развитие в книге А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву»¹⁵, содействовала становлению интеллектуального течения, обосновывавшего необходимость уничтожения рабства и развития личности не только дворянина, но и крестьянина. Не будучи центральной в русской мысли периода Просвещения, она определила направленность деятельности декабристов, а затем западников.

Интеллектуалы эпохи Просвещения обсуждали проблемы формирования нового дворянства, культурных основ его деятельности, особенностей европеизации форм поведения и общения дворян. Контрасты российской действительности получили различные трактовки в трудах просветителей. В образованных кругах возникла полемика о смыслах и формах рождающейся культуры общества периода Модерна. Однако русская культура XVIII в., как пишет И. В. Кондаков, не обнималась категориями и идеалами Просвещения, да и «не могла быть представлена в одной непротиворечивой смысловой системе»¹⁶. В рамках культуры дворянства выделялись субкультуры, различавшиеся по своим ценностям и идеалам.

В первой трети XIX в. продолжалось «вызревание русского общества, обретение им самостоятельности и собственного лица», апробирование различных видов общественной деятельности в условиях относительной свободы печатного и почти полной свободы устного слова, отмечает В. М. Бокова¹⁷. Общество александровского времени проявило значительный интерес к политическим проблемам. В молодёжной культуре сочетались мировоз-

зренческие ценности Просвещения и романтические идеалы. Формирование национального самосознания в александровскую эпоху, о котором много пишут историки¹⁸, хотя и не сопровождалось основательными теоретическими изысканиями, содействовало включению в культурное пространство многих социально-политических, нравственных идей. Основной легальной формой интеллектуальной деятельности того времени была литература. Русская классическая литература с её глубоким интересом к внутреннему миру человека, вобравшая ценности, идеи, идеалы, присущие гуманистической мировой культуре, представляя все стороны русской действительности, обогатила духовную жизнь образованных людей, приобщая к рефлексии, увлекая в размышления над проблемами бытия. Творчество Карамзина, Пушкина, Грибоедова было художественной формой осмысления многообразия культуры нации, национально-исторического самосознания¹⁹. В русской культуре выявляются бинарные смысловые структуры: абсолютизм и свобода, охранение и модернизация. Культурное меньшинство постепенно усиливало своё влияние на духовную эволюцию общества.

Свободомыслие, широкий государственный взгляд на проблемы России, желание служить отчизне, «души прекрасные порывы», честь и благородство — идейно-нравственные основы жизнедеятельности культурной элиты первой трети XIX века²⁰. Общечеловеческое содержание жизни, внутренняя красота человека и лелеющая душу гуманность, делающая из героев людей, — черты картины мира, созданной Пушкиным в своих сочинениях, и привлекая мыслящих людей, так объяснял В. П. Боткин сосредоточенное внимание к творчеству поэта²¹. Испытавшие на себе благотворное влияние поэзии Пушкина, деятели западноевропейского круга писали, что чтение его произведений способствовало воспитанию человека в человеке²². Внимание Пушкина к «маленькому человеку», его идея «самостоянья человека», всечеловечность прививали уважение и интерес к внутреннему миру личности. Гуманистическая русская культура формировала новый тип человека — независимого, уважающего свое достоинство и свободу духовной жизни. Научная мысль воспитывала потребность в рефлексии, в познании истины.

Победа России в войне с армией Наполеона, обеспеченная патриотическим единением русских людей, дала импульс к осмыслению судьбы России в рамках бинарной оппозиции «Россия — Запад». Важно уточнить, что идейные основы русских либералов Александровской эпохи принципиально отличались от правительственного западничества XVIII — первой четверти XIX в. Различия в ценностных позициях власти и независимой от неё интеллигенции обусловили оппозиционность последней, отчётливо проявившуюся в последние годы царствования Александра I. Однако оппозиционность мыслящего меньшинства была гибкой, так как интеллигенция того времени с одобрением относилась ко всем преобразованиям на основе просветительских идей. Осознав неспособность александровской бюрократии провести либеральные реформы, радикально настроенные офицеры, убеждённые в актуальности модернизации политической и социальной структуры в стране, начали самоотверженную борьбу за права человека. Декабризм свидетельствовал об окончательном расколе между независимо мыслящим меньшинством, видевшим своё назначение в отстаивании суверенитета личности, и самодержавием. Значение декабристов для духовного развития общества А. В. Оболонский видит в расшатывании традиционалистской системы моральных стереотипов и утверждении персоноцентристских ценностных ориентиров²³. Тактика военной революции, к которой обратились декабристы, показала свою несостоятельность в тех условиях российской действительности.

Многостороннее осмысление судьбы России, как убедительно доказывают ученые, стало ведущим направлением в интеллектуальной истории последекабристского периода²⁴. В. Г. Щукин пишет, что связующим звеном между «поколением победителей» и поколением кружков 1830—40-х гг. стал П. Я. Чаадаев, создавший первую историософскую концепцию западнического характера. В первой половине 30-х гг. приобрела популярность ранняя, романтическая разновидность западничества²⁵, одной из форм которого стала статья И. В. Киреевского «Девятнадцатый век»²⁶. Наследники Чаадаева обратились к проблемам русской и западной истории и современности, заимствовав отдельные идеи у «басманного» философа. Чаадаев был сторонником усвоения духовных основ западно-

европейской культуры²⁷. Содержание последекабристской мысли Е. Л. Рудницкая определяет как «поиск путей России»²⁸. Интеллектуалы последекабристского времени были увлечены историко-философским осмыслением особенностей социокультурного развития России. Работа мысли пронизывает литературно-художественное творчество, критику и публицистику участников этого умственного движения. Выявляя смысловое содержание теоретической деятельности интеллектуалов первого последекабристского периода, Е. Л. Рудницкая отмечает сосредоточенность на «поиске типа развития, отвечающего национальным интересам»²⁹. Возникает традиция осмысления судьбы России в контексте мировой истории. Своеобразие идейного течения этого времени Е. Л. Рудницкая видит в его нравственно-этическом компоненте и в либерально-консервативном характере.

В литературе обсуждается вопрос о влиянии исторических условий последекабристского периода на развитие русской мысли. По мнению ряда исследователей, дискуссия западников и славянофилов была предопределена *идейной и социокультурной ситуацией николаевского времени*. Западничество было реакцией на националистическую политику николаевского правительства и стремлением вернуть отношение к России как европейской стране, полагает Н. И. Цимбаев³⁰. И. В. Кондаков и А. В. Оболонский противопоставляют власти и интеллигенции связывают не столько с ориентацией Николая I на самобытность, сколько с различными системами ценностей. Оппозиционная контркультура персонистов оказалась способной к выживанию в условиях пустоты общественной жизни³¹. Споры западников и славянофилов были стимулированы Николаем I, утверждает И. В. Кондаков³². Идеалу самодержавного государства западники противопоставили идею свободы. *Фундаментальное противоречие российской цивилизации мыслители видят в конфликте между стремлением личности к свободе и имперской державностью*³³. Дилемма между ценностями государства и свободного просвещенного человека стимулировала идейный поиск интеллектуалов. Русский персонизм благодаря мужественным личностям обладал жизненной силой. В новой русской культуре сложилась традиция духовного творчества во имя человека.

Согласно устойчивой историографической традиции осмысления деятельности западников и славянофилов, культурное меньшинство обратилось к интеллектуальному творчеству из-за невозможности участвовать в политической жизни. По мнению Иванова-Разумника, оспаривавшего это утверждение, мировоззрение эпохи нельзя выводить исключительно из условий социальной жизни и среды³⁴. В начале тридцатых годов существовали политические и философские кружки.

Доминантным условием развития русской мысли в сороковые годы исследователи называют знакомство мыслящего меньшинства с *немецкой философией*. В литературе существуют различные оценки причин углублённого изучения западниками философии. По мнению британского историка Джеффри Хоскинга, интеллектуалы хотели понять самих себя и своё место в социальном организме России. «Это неизбежно поднимало другой вопрос: что такое Россия и каково её место в мире?»³⁵ Философско-историческая и этическая проблематика работ немецких мыслителей, полагает Хоскинг, вызвала огромный интерес у образованных людей и во многом обусловила их научный поиск. Д. И. Чижевский объясняет интерес образованных людей к философии желанием найти в ней теоретическое разрешение насущных политических и социальных вопросов³⁶. Философский энтузиазм русских мыслителей сороковых годов Р. А. Хестанов связывает с их стремлением найти универалистские философии, которые могли бы подчеркнуть дистанцию между политикой российского правительства и европейскими образцами. Р. А. Хестанов полагает, что обращение дворянской и разночинской оппозиции к философской и историцистской риторике было поиском сильного оружия критики социально-политической действительности в России³⁷.

А. Валицкий назвал упрощённым мнение, будто настоящим предметом идейных поисков были вопросы, связанные с практической общественной деятельностью. Он отмечает, что поворот в сторону общественной практики наступил позже, по мере разочарования в философии. Философскую горячку объяснять чисто теоретической страстью к познанию недостаточно, так как молодых людей интересовали проблемы освобождения личности, утверждает А. Валицкий. Историк рассматривает интеллектуаль-

ную деятельность членов кружка Н. В. Станкевича как *органичное включение в орбиту европейской культуры Нового времени*. Отличительной чертой этой культуры он считал формирование рационализированного самосознания личности. По его мнению, в России этот процесс принял характер борьбы за освобождение личности от готовых истин³⁸. К осознанию потребности в освобождении личности интеллигенты 1830—40-х гг. шли через осмысление вопроса о назначении человека.

Как сами «русские европейцы» сороковых годов обосновывали свой интерес к философии? Романтики тридцатых годов, будущие западники, изначально ставили интересовавшие их вопросы в философской плоскости. В. Г. Белинский и Т. Н. Грановский, пройдя сложный путь идейных исканий в кружке Станкевича, усвоили мысль своего друга о необходимости осознания истины бытия, назначения человека, чтобы самостоятельно определить свои жизненные задачи, цель деятельности³⁹. Задача самосознания увлекла друзей в изучение философии, открывающей законы развития мира.

Одновременно с членами кружка Станкевича в тридцатые годы интерес к проблеме смысла жизни проявили А. И. Герцен и его друзья. Как писал Герцен, в студенческие годы стимулом к интеллектуальным занятиям было желание «понять явление жизни»⁴⁰. Цель своих идейных поисков в сороковые годы он видел в стремлении «уразуметь жизнь», понять истину⁴¹. Свою работу «С того берега» Герцен начал с размышления о значимости саморефлексии, об обязанности человека понять себя. Необходимо «углубление в себя, в жизнь»⁴². *Главным внутренним мотивом идейного творчества западников было стремление к самопознанию и постижению бытия.*

Принципиальные разногласия в суждениях исследователей мы усматриваем по вопросу о внутренней обусловленности возникновения западничества. В ряде работ западничество трактуется лишь как воспроизведение русской интеллигенцией идей европейских учёных. Существует мнение, что западники сороковых годов не были самостоятельными мыслителями, т. к. они не оставили оригинальных исследований в области философии, политической мысли, социологии⁴³. В других исследованиях западниче-

ство представляется итогом развития идейной жизни, вызванной *внутренними потребностями* образованных людей.

Современная методология открывает возможность интерпретации западной мысли в новом поле «диалога культур». В. С. Библер, понимая диалог культур как *сферу произведений*, уточняет, что это возможно во времени, когда автор, творивший в одну историческую эпоху, был прочитан читателем, жившим в более позднее время. Осмысление, доработку читателем *послания* автора В. С. Библер оценивает как продуктивный диалог. «Каждый *автор* новой культурной эпохи, создавая свое произведение (художественное, философское, теоретическое, нравственно-религиозное), всегда... оказывается в смысловой перипетии *смыслового...* общения с произведением или автором новых культурных эпох, с их вопросно-ответными смыслами. В каждом новом произведении *автор* диалогизирует с иным автором (авторами)»⁴⁴. Осмысление западничества в поле «диалога культур» позволяет раскрыть творческое начало в создании новой культуры, проследить идейные влияния, формирование общественно-культурной среды.

Важной *чертой единства культуры* является *одновременность создания произведений*. С этой точки зрения классическое западничество представляет собой единую культуру с присущими ей общими идеями, разделяемыми всеми авторами. В то же время создание мыслителями оригинальных произведений стало условием диалога внутри круга западников. Восприятие, интерпретация, развитие мыслей, высказанных интеллектуалами, создавали диалог идей внутри сообщества, который вёл к кристаллизации позиций и вызывал различные суждения по ряду вопросов. Формирование западной культуры как диалога идей внутри «микросоциума», между кружками интеллектуалов, культурами разных эпох позволяет рассматривать её как творчество мировоззренческой системы, пласт идей, востребованных мыслящей частью общества в 30-х — начале 50-х гг. XIX в.

Западники органично включили в свою историко-философскую концепцию идеи различных культур (от Античности до Нового времени), развивая их в новой смысловой системе. В. С. Библер считал закономерным и позитивным процесс формирования «социума культур», точнее — поля культур⁴⁵. Запад-

ники создали общее информационное пространство. Для их интеллектуальной деятельности характерен живой обмен сведениями. Культурное поле русских мыслителей того времени было исключительно широким. Они фактически вступили в диалог со всеми выдающимися учёными-гуманитариями, творчески включая их идеи в свою картину мира. Круг чтения западников был неограничен какой-либо отраслью знания и определёнными учениями. «Ни в одной области ведения, ни в одной литературе, ни в одном искусстве не было значительного явления, которое не попало бы кому-нибудь из нас и не было бы тотчас сообщено всем», — характеризовал сферу интересов своих друзей-западников в сороковые годы А. И. Герцен⁴⁶. Он называл друзей Т. Н. Грановского талантливыми, развитыми, многосторонними, чистыми людьми⁴⁷. Повседневное общение и обмен информацией вели к становлению определенного типа культуры западников с присущей ей системой ценностей, представлений о мире, своим знаковым механизмом, дискурсом. Дружеское общение, обсуждение интересовавших их проблем, по свидетельству Герцена, способствовало выработке общего воззрения в кружке Т. Н. Грановского: «Наш небольшой кружок собирался часто, то у того, то у другого, чаще всего у меня... шел самый деятельный, самый быстрый обмен мыслей, новостей, знаний; каждый передавал прочитанное и узнанное, споры обобщали взгляд, и выработанное каждым делалось достоянием всех»⁴⁸. Интеллектуальная деятельность западников стала творчеством новой культуры.

Наличие базовых положений, признаваемых западниками, даёт основание реконструировать их систему идей развития российского общества. Выявление смыслового содержания западничества возможно на основе анализа текстов его ведущих представителей. Использование этого метода анализа мировоззренческой системы единомышленников доказано специалистами по типологии культуры. Ю. М. Лотман, исследуя формирование типа культуры, пришел к выводу, что он создаётся в ходе эквивалентного обмена информацией между адресантом и адресатом: «При всем разнообразии вытекающих из этой предпосылки конкретных интерпретаций, у них есть устойчивая общая черта: предполагается, что передающий и принимающий пользуются общим для обоих, данным заранее или возникающим в процессе обмена кодом»⁴⁹. По

мнению Ю. М. Лотмана, отвлекаясь от случайности конкретного функционирования данной знаковой системы, можно создать основную модель коммуникации, характеризующуюся взаимным равенством переданного и полученного сообщения.

Изучение взаимоотношений западников, их способов обмена сведениями и текстами позволяет утверждать, что они пользовались общим кодом. Формы общения западников были достаточно разнообразными: выступления в журналах, публичные лекции с кафедр Московского университета, дружеские контакты, объёмные письма-«диссертации», издание художественных и научных произведений. В ситуации заинтересованности в обсуждении определённого круга вопросов, полной свободы идейного выбора, самостоятельного восприятия элементов иной культуры формирование системы ценностей и идей было актом совместного творческого осмысления исторических, социальных и духовно-нравственных проблем. Западники стремились к самостоятельной трактовке культурных явлений и эмпирической реальности, переосмыслению полученной информации. Их коллектив включал в себя яркие индивидуальности, имевшие широкую общую эрудицию и глубокие специальные знания в различных областях науки и искусства. Это определило создание общего культурного поля и наличие некоторых расхождений в интересах и сферах деятельности.

Важным условием развития исторической и общественной мысли западники считали *теоретическое осмысление* фактов прошлого. Поиск истины бытия обусловил их глубокий интерес к философии. Обладая широчайшей эрудицией, они считали необходимым ознакомление с культурным наследием человечества и новейшими научными разработками. Они смогли выполнить сложную интеллектуальную задачу — с философско-исторических позиций интерпретировали развитие российской цивилизации, духовное становление русского общества. Осмысление западнического учения в контексте диалога культур позволяет выявить оригинальность проблематики русской мысли — рефлексии российской действительности. В трансформации идей европейских учёных применительно к специфическим условиям России В. Страда видит своеобразие мировоззрения западников⁵⁰, искавших ответы на вопросы национальной действительности. Культурная жизнь на

Западе, профессиональная деятельность «людей умственного труда» и интеллектуальная атмосфера в обществе содействовали расширению западниками задач своих идейных поисков. Их заинтересовали вопросы развития народов и человечества.

Теоретическую основу размышлений «русских европейцев» сороковых годов составили идеи многих западных философов и русских мыслителей. Они были хорошо осведомлены практически обо всех течениях западной историографии и социальной мысли. Западники знали идеи Просвещения, но непосредственно их восприняли из работ немецких философов. Либерализм западников, по мнению В. Г. Шукина, восходил к гуманистическим традициям Ренессанса и Просвещения, которые формировались в оппозиции к средневековой христианской религиозности и провозглашали эмансипацию человеческой личности от разного рода надличностных авторитетов как на земле, так и на небе⁵¹. Из философии Просвещения западники заимствовали рационалистический взгляд на мир, идею прогресса как постепенного совершенствования человечества, освобождения разума от суеверий, постулат о направленном развитии общества, теорию о влиянии климата на историю людей и другие идеи⁵². В философско-исторической литературе высоко оценивается влияние немецкой философии на развитие русской мысли 1830—40-х гг. Оно определяется как значительное воздействие учений германских мыслителей на тип мышления абстрактными категориями и расширение круга историософских интересов русских образованных людей. «Наши мыслители искали и находили в европейской философии базу для создания самостоятельных концепций. ... Европейские теории позволяли выявить основные базисные проблемы, точки отсчёта для сравнений и противопоставлений»⁵³. П. П. Гайденко считает значимой для развития русской мысли идею немецких философов о целеполагающей деятельности людей⁵⁴.

Необходимо отметить, что западники никогда не придерживались взглядов только одного мыслителя. Их воззрение складывалось в широком поле философско-исторических, социальных, нравственно-эстетических идей. Так, в 1839 г. Грановский разделял точку зрения Гердера на общество и источники его развития, учение Шеллинга о тождестве законов природы и человечества, мысли Канта о возможности развития способностей чело-

века только при совершенном государственном устройстве, он признавал верными законы диалектики Гегеля (одновременно отказываясь считать истинными его представления о содержании исторической науки). Источниками знаний западников были не только философские идеи европейских мыслителей, но и исторические исследования учёных всех предшествовавших эпох. Они были хорошо знакомы с идеями Юма, Робертсона, Вико, Гиббона, Гизо, Тьера, Мишле, Баранта, Тьерри, Нибура, Лео, Роттека, Шлоссера. Представители «старой» школы выдвигали задачу изучить «природу человека», его страсти, чтобы понять природу общества. «Новая школа» предлагала изучать образ мыслей, нравы, общество на определенной стадии развития.

Работы западников свидетельствуют об их критическом отношении к идеям многих учёных. Западники стремились к самостоятельному творческому осмыслению процесса трансформации русского общества в петербургский период. Когда Грановского обвинили в несамостоятельности взглядов, заимствовании им философских и исторических идей, он ответил на этот вызов в конце одной из лекций: «Далее, меня обвиняют в пристрастии к каким-то системам; лучше было бы сказать, что я имею мои личные убеждения. Да, я их имею и только во имя их явился я на этой кафедре...»⁵⁵ Русские западники знакомились с идеями других интеллектуалов, но не ограничивались ролью учеников и комментаторов чужой мысли. Они возражали против оценки их философско-исторического учения лишь как воспроизведения мыслей европейских учёных. Герцен считал, что даже восприятие философских систем невозможно без известной степени эволюции самозмышления⁵⁶.

Развитие идейной жизни в 30—40-е гг. XIX в. имело и нравственные мотивы — *любовь к отечеству*. Идейным поиском русских интеллектуалов руководило не честолюбие, а сознание неотложной необходимости понять все последствия развития страны под влиянием чужой цивилизации, гуманизации жизни в стране. Любовь к России, по искреннему заверению Чаадаева, помогает представителям идейных школ — западникам и славянофилам — «работать единомышленно и добросовестно в поисках его (естественного пути России. — *Е. С.*), каждый по своему разумению. Для этого никому из нас нет необходимости отречься

от своих убеждений»⁵⁷. По Чаадаеву, осмысление развития России в период её европеизации должно содействовать пониманию дальнейшего направления движения страны. Искажённое восприятие исторического процесса западники связывали, главным образом, с патриотическими чувствами. Не случайно Белинский преимущественно называл славянофильское учение патриотизмом, добавляя такие определения, как «квасной», «мнимый». Его позиция — ничто в истории не может быть возвышено или унижено по пристрастию⁵⁸.

Диапазон решаемых западниками интеллектуальных задач был исключительно широким: поиск истины бытия, овладение всем кругом идей, выработанных мыслителями предшествовавших эпох; объяснение целей, факторов, направления и результатов развития человечества и России; осмысление модернизационных процессов в стране, самосознание, определение смысла своей жизни, целей деятельности культурных людей; выработка новой картины мира. Называя себя «европейцами», западники акцентировали внимание на общечеловеческих ценностях. Они создали практическую философию, которая позволяла им выявлять тенденции и динамику модернизации общества. Увлечённые не столько философскими, сколько общественными проблемами, они преимущественно находили решение социальных задач в историческом контексте. В процессе модернизации западники прослеживали утверждение личностного начала, создание нового поля культуры, содействовавшей гуманизации социальных отношений. Философско-исторические искания западников поначалу совершенно не связывались с проблемой России и Европы, их интерес к общественным вопросам был вызван неудовлетворённостью положения личности в России, формированием системы ценностей, полагает А. Валицкий⁵⁹. В. К. Кантор, не соглашаясь с ошибочным мнением о западничестве как учении о насаждении европейской культуры в России, развивает идею *творчества новой культуры*: «Настоящее западничество — это вера культуры в свои силы, в то, что, научившись, она окажется способной состязаться, соревноваться с Западом, не стараясь, однако, навязать ему свою волю»⁶⁰.

Оригинальные мыслители, отстаивавшие человеческое достоинство, независимость воззрения, западники являлись яркими представителями русской интеллигенции.

Итак, западничество было порождено совокупностью историко-культурных условий. Его возникновение связано со *спецификой модернизационного процесса* в России Нового времени. Трансформация общества сопровождалась его расколом на социальные слои с разными ценностными ориентирами. Сохранение основ политической и социальной систем, успешно адаптировавшихся в условиях модернизации, было главным препятствием цивилизации государства. Мыслящие люди осознали необходимость изменения идейно-ценностных основ трансформации общества, потребность в создании новой культуры, картины мира. Различное осмысление ими проблемы взаимоотношений личности и государства усиливало интерес к созданию новой концепции развития России.

Европейски ориентированные круги общества воспринимали элементы культуры Запада. Дискурс светского общества представлял собой модифицированный вариант ментальности российского дворянства, почитавшего монархическую власть и заботившегося о своих правах и привилегиях. Культура европейской цивилизации эпохи Просвещения глубоко заинтересовала лишь мыслящих людей. Под её влиянием шло становление новой русской культуры — «русской европейскости», содержание которой определялось идейно-нравственным выбором её носителей. *«Русская европейскость»* XVIII — первой половины XIX в. стала культурной средой, порождавшей интерес к вечным проблемам и идеям становления гармоничной личности и общества. *Русская мысль и литература* этого времени открыли новые ракурсы национальной рефлексии, воспитывали новое поколение интеллигенции с развитыми духовными запросами.

Создание светской *культурной среды* способствовало росту числа образованных людей, признававших ценности науки, искусства, литературы. Широкие культурные контакты с Западом, творчество русских интеллектуалов обуславливали *формирование нового информационного пространства* — важнейшего условия становления западнической интеллигенции. Ознакомление

с идеями разных мыслителей создавало возможность понять смысл культур.

Этатизм, навязываемый обществу самодержавным государством на этапе, когда власть далеко не в полной мере учитывала потребности модернизации страны, вызывал критику независимых интеллектуалов, сознававших необходимость изменить взаимоотношения между политической системой и социумом. Формировавшаяся в николаевскую эпоху идеология национальной исключительности, соответствовавшая имперской модели модернизации, отрицала автономность личности. Утверждение на официальном уровне приоритета самодержавной власти над личностью вело к расколу сознания.

Расширение культурного потенциала образованного общества, создававшегося путём творческого усвоения идей предшествовавших и современных культур, стало идейно-аксиологической основой формирования круга западников в сороковые годы XIX в. — «русских европейцев», либералов, персоноцентристов, сознававших необходимость самоопределения общества, анализа содержания его духовного багажа, осмысления форм общественной деятельности, влияющей на ценностные ориентиры различных социальных общностей.

Примечания

¹ *Цимбаев Н. И.* Европеизм как категория национального сознания (к пониманию западничества и славянофильства) // Очерки русской культуры XIX века. М., 2003. Т. 4 : Общественная мысль. С. 457—496 ; *Уткин А. И.* Запад и Россия: история цивилизаций. М., 2000 ; *Balicki A.* A History of Russian Thought: from Enlightenment to Marxism. Oxford, 1980 ; *Шукин В. Г.* Русское западничество: генезис, сущность, исторические корни. Lodz, 2001 ; *Страда В.* Западничество и славянофильство в обратной перспективе // Вопр. философии. 1993. № 7. С. 57—63.

² *Страда В.* Указ. соч.

³ *Шукин В. Г.* Западничество // Русская философия : малый энцикл. слов. М., 1995. С. 197.

⁴ *Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю.* История исторического знания. М., 2004. С. 150.

- ⁵ *Оболонский А. В.* Драма российской политической истории: система против личности. М., 1994.
- ⁶ *Ключевский В. О.* Сочинения : в 9 т. М., 1989. Т. 4. С. 203.
- ⁷ *Оболонский А. В.* Указ. соч. ; *Ахиезер А. С.* Россия: критика исторического опыта. М., 1997. Т. 1. С. 151—185.
- ⁸ *Оболонский А. В.* Указ. соч. С. 55.
- ⁹ *Жидков В. С., Соколов К. Б.* Десять веков российской ментальности: картина мира и власть. СПб., 2001. С. 257.
- ¹⁰ *Кондаков И. В.* Культура России. М., 2000. С. 157—187.
- ¹¹ *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника ; Повести. М., 1980. С. 353—354.
- ¹² Там же. С. 355.
- ¹³ *Лотман Ю. М.* Сотворение Карамзина. М., 1987. С. 223.
- ¹⁴ *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении. М., 1991.
- ¹⁵ *Радищев А. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. М., 1939.
- ¹⁶ *Кондаков И. В.* Указ. соч. С. 182.
- ¹⁷ *Бокова В. М.* Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой трети XIX в. М., 2003 ; *Она же.* Русские общественные объединения первой трети XIX в. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2002.
- ¹⁸ *Познанский В. В.* Очерк формирования русской национальной культуры, первая половина XIX в. М., 1975 ; *Федоров В. А.* Декабристы и их время. М., 1983 ; *Оболонский А. В.* Указ. соч.
- ¹⁹ *Кондаков И. В.* Указ. соч. С. 190—191.
- ²⁰ *Пушкин А. С.* К Чаадаеву // И будет вечен вольный труд... М., 1988. С. 136—137 ; *Якушкин В. Е.* Матвей Иванович Муравьев-Апостол // Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988. С. 100—114.
- ²¹ *Боткин В. П.* Письмо Белинскому от 22 марта 1842 // Боткин В. П. Литературная критика ; Публицистика ; Письма. М., 1984. С. 242.
- ²² Там же.
- ²³ *Оболонский А. В.* Указ. соч. С. 86.
- ²⁴ *Рудницкая Е. Л.* Поиск пути. Русская мысль после 14 декабря 1825 года. М., 1999 ; *Шукин В. Г.* Русское западничество... С. 56—62.
- ²⁵ *Шукин В. Г.* Русское западничество... С. 56—85.
- ²⁶ *Киреевский И. В.* Девятнадцатый век // Полн. собр. соч. : в 2 т. М., 1911. Т. 1. С. 85—108.
- ²⁷ *Шукин В. Г.* Русское западничество... С. 82.
- ²⁸ *Рудницкая Е. Л.* Указ. соч. С. 4.
- ²⁹ Там же. С. 8.
- ³⁰ *Цимбаев Н. И.* Указ. соч. С. 457—496.

- ³¹ *Оболонский А. В.* Указ. соч. С. 102.
- ³² *Кондаков И. В.* Указ. соч. С. 207.
- ³³ *Федотов Г.* Судьба и грехи России. СПб., 1992. Т. 2. С. 161—162 ;
Кондаков И. В. Указ. соч. С. 216.
- ³⁴ *Иванов-Разумник.* История русской общественной мысли : в 3 т. М., 1997. Т. 1. С. 286.
- ³⁵ *Хоскинг Дж.* Россия: народ и империя (1552—1917). Смоленск, 2000. С. 281.
- ³⁶ *Чижевский Д. И.* Гегель в России. Париж, 1939.
- ³⁷ *Хестанов Р. А.* Александр Герцен: импровизация против доктрины. М., 2001. С. 146—147.
- ³⁸ Славянофильство и западничество: консервативная и либеральная утопия в работах Анджее Валицкого. М., 1991. Вып. 2. С. 156—160.
- ³⁹ *Станкевич Н. В.* Избранное. М., 1982 ; Переписка Николая Владимировича Станкевича. М., 1914. С. 447—449.
- ⁴⁰ *Герцен А. И.* Собрание сочинений : в 30 т. М., 1954—1966. Т. 3. С. 93.
- ⁴¹ Там же. Т. 6. С. 19.
- ⁴² Там же. С. 20—21.
- ⁴³ *Чижевский Д. И.* Указ. соч.
- ⁴⁴ *Библер В. С.* О логической ответственности за понятие «диалог культур // Библер В. С. На гранях логики культуры : кн. избр. очерков. М., 1997. С. 208.
- ⁴⁵ *Библер В. С.* Культура. Диалог культур // Там же. С. 232.
- ⁴⁶ *Герцен А. И.* Указ. соч. Т. 9. С. 113.
- ⁴⁷ Там же. С. 112.
- ⁴⁸ Там же. С. 113.
- ⁴⁹ *Лотман Ю. М.* История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 63.
- ⁵⁰ *Страда В.* Указ. соч. С. 62.
- ⁵¹ *Щукин В. Г.* Русское западничество... С. 116, 149.
- ⁵² *Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю.* Указ. соч. С. 137.
- ⁵³ *Самошина Н. В.* Проблема «Россия и Европа» в русской общественной мысли второй четверти XIX века // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М., 2002. Вып. 2. С. 226.
- ⁵⁴ *Гайденок П. П.* История новоевропейской философии в её связи с наукой. М., 2000. С. 380, 388.
- ⁵⁵ Цит. по: *Ветринский Ч.* Гуманист сороковых годов (Т. Н. Грановский). М., 1906. С. 37.
- ⁵⁶ *Герцен А. И.* Указ. соч. Т. 3. С. 8.
- ⁵⁷ *Чаадаев П. Я.* Письмо Ю. Ф. Самарину от 15 ноября 1846 г. // Полн. собр. соч. и избр. письма. М., 1991. Т. 2. С. 196—197.

- ⁵⁸ *Белинский В. Г.* Собрание сочинений : в 9 т. М., 1976—1982. Т. 5. С. 240.
- ⁵⁹ Славянофильство и западничество: консервативная и либеральная утопия в работах Анджея Валицкого... С. 146, 179.
- ⁶⁰ *Кантор В. К.* «...Есть европейская держава». Россия : трудный путь к цивилизации : историософские очерки. М., 1997. С. 36—37.

О. В. Золотарёв

ПЕРВОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ КОМИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

До Октябрьской революции коми национальной интеллигенции практически не существовало. В Зырянском крае группа людей, занятых умственным трудом, была невелика и состояла из чиновников и учительства. И только единицы из них являлись местными уроженцами.

Однако вскоре после установления новой власти началось развитие коми национальной литературы, искусства, науки. Стала зарождаться и коми национальная интеллигенция. Этому процессу весьма способствовало то, что после окончания гражданской войны значительная часть интеллигенции была настроена на сотрудничество с Советской властью и содействовала ей в возрождении страны. Да и само государство проводило миролюбивую политику: руководство большевистской партии пыталось сдерживать стремление к диктату в сфере научного и творческого труда. Это обстоятельство в определённой степени развязывало инициативу интеллигенции.

В Коми крае создание Зырянской автономии в августе 1921 года значительно усилило интерес общества к национальным традициям и культуре. Общественность региона понимала, что именно культура является тем фундаментом, на котором основывается рост национального самосознания коми народа. Подобное стечение обстоятельств создавало весьма благоприятные условия для ускорения процесса становления зырянской интеллигенции. Деятельность литературных кружков, издание газет и журналов на родном языке, создание Института народного образования, краеведческого музея — все это способствовало сплочению коми интеллигенции. Но самые активные её

© Золотарёв О. В., 2010

Золотарёв Олег Васильевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и экономической теории Коми государственного педагогического института. (8212) 21-44-81

представители видели, что нужна организация, которая могла бы объединить их усилия.

Между тем, во многом развитие местной интеллигенции, выработка национальной самоидентификации основывались на значительном внимании общества к местной истории и культуре, что было характерно в этот период для многих регионов страны. Интерес к краеведению поддерживался в основном и благодаря неординарной личности лидера краеведческого движения В. И. Гревса.

Именно это обстоятельство объясняет тот факт, что первое объединение коми интеллигенции произошло именно на почве осознания важности краеведческой работы. В октябре 1921 года группой усть-сысольских интеллигентов было организовано собрание, участники которого приняли решение учредить Общество изучения Коми края. Впрочем, организационные трудности не позволили Обществу сразу начать свою работу.

Более успешной была вторая попытка — в мае 1922 года. Цель созданного Общества виделась в «изучении Коми края в историко-археологическом, этнографическом, лингвистическом и других отношениях и объединении лиц, научно работающих в области изучения этих вопросов». Общество изучения Коми края (ОИКК), согласно принятому в 1923 году Уставу, состояло из историко-этнографического (в нём были секции: историческая, этнографическая, литературных работников и лингвистики) и экономического отделов. В планах были организация научных командировок и экспедиций, лабораторий, экскурсий, выставок, публикация краеведческих трудов, подготовка докладов, создание научной библиотеки. На первых порах Общество возглавлял профессор А. Н. Грен. Благодаря поддержке краеведов со стороны областного руководства и активной работе самого ОИКК происходит быстрый рост популярности краеведческого движения, растут его ряды. Открываются отделения (кружки) краеведов во многих селах автономии (Айкино, Ижма и др.), к движению присоединяются землячества коми студентов в вузах Москвы, Ленинграда, Перми, Вятки. Так, в апреле 1923 года создаётся Московское отделение общества, организуются подобные филиалы и в других крупных университетских городах. В них состояли в основном коми студенты, обучающиеся в местных вузах. К концу 1920-х годов Общество объединяло уже свыше 500 человек.

В рядах ОИКК были как краеведы-любители (А. А. Чеусов, А. М. Мартюшев и др.), так и учёные-профессионалы (А. С. Сидоров, В. И. Лыткин и др.) и общественные деятели (Я. Ф. Потапов, А. И. Бабушкин и др.).

Общество не ограничивалось объединением усилий только краеведов. В нём состояли многие известные деятели культуры, педагогические работники, люди, которые не могли равнодушно смотреть на развитие Коми края. Таким образом, оно фактически соединило всю национальную интеллигенцию автономии.

Главной сферой деятельности ОИКК были, конечно, научные изыскания. В течение нескольких лет Общество изучало изменения в общественной и экономической жизни края, природные ресурсы земли Коми, содержало на свои средства краеведческий музей, вело метеорологические наблюдения.

Особенно активно проводились лингвистические исследования. Во многом такое внимание объяснялось тем, что национальная интеллигенция осознавала, что объединяющим началом коми народа, основой развития национальной культуры является именно зырянский язык. Члены ОИКК инициировали бурные дискуссии о коми алфавите, литературных нормах коми языка и иных проблемах в местной печати, на проводимых научных конференциях. Тон в них задавали В. И. Лыткин, А. Н. Грен, В. А. Молодцов. Действовала и Комиссия по собиранию словаря коми языка. Первые опыты делало в автономии литературоведение. Было начато научное изучение наследия основателя коми литературы И. А. Куратова, подготовлено к печати собрание сочинений известного коми учёного К. Ф. Жакова.

Весьма многосторонней была и историко-краеведческая деятельность Общества. Главное внимание членами ОИКК уделялось проблемам, связанным с расселением народа коми, вхождением территории Зырянского края в состав Русского государства. Подобный интерес был легко объясним в период становления Коми государственности, определения границ автономии.

Конечно, рассматривались и иные вопросы, связанные с историей Коми земли: деятельность Сереговского и Кажимского заводов, строительство Северо-Екатерининского канала, положение коми крестьянства и т. д.¹

Немало сил краеведы затратили на поиск новых источников по истории Коми края. В частности, А. А. Цембер опубликовал несколько документов XVII—XVIII веков, ряд статей был посвящён анализу таких материалов, как «Житие Стефана Пермского», записок А. Бранда и др.²

В нескольких публикациях рассматривалась история религии, причем особый интерес вызывали вопросы, связанные с языческими верованиями коми народа. Не были обойдены вниманием эпохальные события 1917 года в Коми крае³.

Появились первые библиографические и историографические работы. В частности, А. А. Чеусов опубликовал исследование «Из “Классификационного перечня печатных трудов по истории коми народа”»⁴.

Довольно серьёзно осуществлялся подход к этнографическим исследованиям. Был организован ряд экспедиций, давших материалы, которые положили начало изучению хозяйственных занятий, быта, культуры и верований народа коми. Наибольшее внимание уделялось сбору и изучению коми фольклора.

Однако некоторые шаги Общества были весьма неосторожны. В журнале «Коми му», издаваемом при участии ОИКК, в 1926—1928 годах публиковался ряд материалов из Финляндии. Их автором был И. Мосшег (И. Мошегов), белоэмигрант, по национальности коми-пермяк. В статьях И. Мосшега, впрочем, лишённых даже намёка на антисоветизм, все же явно видна антирусская направленность, сделана попытка возродить миф о древнем могущественном государстве Биармия, до прихода русских якобы объединившем северные народы, шла речь о «древнем величии и культуре народа коми». Особенно характерны в этом плане работы «Свидетельства о древнем величии и культуре народа коми», «Пермь Великая в теории А. Ф. Теплоухова и по историческим данным», хотя многие публикации («Из прошлого финской народной литературы», «Коми народ как участник в мировой торговле в прошлом» и др.) были весьма любопытны для коми читателя в познавательном отношении и в целом укладывались в рамки тех споров, что велись исследователями в период подготовки обобщающего труда по истории народа коми⁵. Однако позднее публикация именно этих работ ставилась в вину многим членам Общества и стала поводом для обвинений ОИКК в национализме.

Всего в рамках своих научных изысканий члены Общества подготовили 64 книги, посвящённые истории, природе и экономике Коми края. Издавались и «Записки Общества изучения Коми края» (вышло 5 номеров).

Активная научно-пропагандистская и организационная работа велась и филиалами ОИКК, возникшими в крупных университетских городах. Они объединили, как мы помним, коми студенчество, обучавшееся вне пределов автономии. Исследовательская деятельность ставилась фактически в обязанность каждому коми студенту. Ежегодно член подобных филиалов должен был выступить на собрании с докладом. Велась и другая работа: так, Московское отделение ОИКК (наиболее активен среди коми москвичей был В. И. Лыткин) составило указатель литературы о Коми крае, куда вошла тысяча наименований. Планировалось и издание социально-экономического атласа Коми области. Издавался коми москвичами и рукописный журнал. Московское отделение было, пожалуй, самым активным и в плане сотрудничества с другими научными сообществами. Его члены приняли участие в работе Угро-финской комиссии, вошли в состав Объединения угро-финских краеведческих обществ. Не отставали от московского отделения и другие филиалы.

Конечно, члены Общества понимали, что они делают пока первые шаги на пути научного изучения родного края. Поэтому они придавали огромное значение установлению прочных научных связей со своими коллегами из Академии наук СССР, сообществами учёных. ОИКК поддерживало и международные связи (Эстония, Финляндия, Венгрия, США, Англия, Германия, Канада, Китай и др.). Всего Общество имело постоянные научные связи с более чем 50 научными учреждениями в СССР и 15 заграничными⁶.

Разрабатывались и далеко идущие планы научных исследований. В 1926 году тогдашний Председатель Общества Д. А. Батиев предложил проект создания Коми промышленно-исследовательского института, который бы находился в ведении Главнауки. Звучали и другие предложения. Но эти проекты так и не были осуществлены по весьма прозаической причине — отсутствию средств.

Но все же именно благодаря научной деятельности Общества были заложены основы для организации Коми научно-

исследовательского института. Без подготовительной работы ОИКК его создание (а он был организован в 1931 году) вряд ли было бы возможным.

Помимо научно-исследовательской деятельности, представители коми интеллигенции, входившие в состав Общества, вели и значительную культурно-просветительскую работу. Прежде всего, ОИКК оказало немалую помощь школам в освоении краеведческого дела. Краеведы участвовали в адаптации ГУСовских программ к местным условиям, содействовали организации в образовательных учреждениях кружков, музеев и т. п. Это стимулировало интерес учащихся к знанию истории, географии и экономики родного края. Помимо работы с образовательными структурами, члены Общества читали лекции и доклады, выступали с научно-популярными статьями в местной прессе. Только за 1923 год ими было прочитано 11 докладов (в основном по истории, географии, экономике края). В целях привлечения населения области к краеведческой работе были созданы программы по археологическим, фенологическим и иным аспектам изучения Коми земли. Общество имело солидную библиотеку (2,2 тыс. томов, к концу 20-х годов она выросла почти до 10 тыс. томов), издавало свой журнал — «Коми му» («Коми край»). Этот журнал отмечался центральной прессой как «особо интересный и содержательный»⁷.

Благодаря усилиям ОИКК активизировал свою работу краеведческий музей в Усть-Сысольске. Он обрел статус областного, получил новое, гораздо более обширное помещение, шло активное пополнение музейных фондов. По заданию Общества А. А. Цембер совершает поездки в Яренск и Великий Устюг для приобретения экспонатов для Областного музея.

Стараниями краеведов (прежде всего, А. А. Цембера) в 1922 году был открыт Областной архив. По представлению ОИКК в мае 1924 года Коми облисполком издал постановление об охране памятников искусства, природы и старины на территории Зырянской автономии.

Таким образом, многое было сделано и в организационном плане.

Сплочению коми интеллигенции, координации ее усилий, направленных на становление национальной культуры и само-

сознания, способствовали и организованные ОИКК научные конференции. В 1925 году Общество проводит Коми областную краеведческую конференцию, в 1929 году — лингвистическую конференцию.

Однако к концу 20-х годов политический климат страны значительно изменился, активно шёл процесс усиления контроля над всеми сферами жизни, в том числе науки и культуры, что весьма негативно сказалось на краеведческом движении, поскольку власти стали настороженно относиться к творческой инициативе, самостоятельности масс. Развернулась борьба против «идеализации старины», особо агрессивный характер она приняла в национальных регионах. Краеведение пытались свести к изучению производительных сил регионов, а вопросы, связанные с местной историей, культурой и бытом, как полагали власти, только отвлекали людей от соцстроительства, а потому были ненужными и даже вредными. Учёных, которые пытались продолжать заниматься этими проблемами, нередко объявляли даже «вредителями». Кампанию усугубила и начавшаяся борьба с проявлениями местного национализма.

Эти веяния тут же сказались на положении Общества изучения Коми края. Руководство ОИКК отстранили от участия в журнале «Коми му» (весной 1930 года журнал был совсем закрыт), прекратилось издание «Записок» ОИКК. В результате остались неопубликованными многие подготовленные солидные научные труды (в частности, «История коми народа» А. А. Чеусова). Предчувствуя надвигающуюся грозу, руководство Общества в мае 1931 года приняло решение о его самоликвидации. Однако это не спасло от репрессий многих членов ОИКК.

В 1933 году по «делу СОФИН» был осуждён один из активистов Московского отделения Общества В. И. Лыткин, в 1937—1938 годах арестованы А. С. Сидоров, В. А. Молодцов, Е. М. Мишарин, А. И. Бабушкин и др. Погибли в лагерях Д. А. Батиев, В. А. Савин, А. А. Чеусов, В. Т. Чисталев и т. д.

Уже после роспуска Общества в журнале «Советское краеведение» появилась разгромная статья о деятельности ОИКК. Движение коми краеведов характеризовалось как «оппортунистическое ликвидаторство»⁸.

Однако к тому времени благодаря деятельности Общества становление не только науки, но и национальной интеллигенции в Коми крае продвинулись далеко вперед. Большая объединяющая работа ОИКК имела значительное влияние как на становление научных исследований, так и на процесс культурного просвещения народа коми. Оно было первым союзом, соединявшим в своих рядах зарождающуюся коми интеллигенцию. Более того, можно говорить, что именно из Общества изучения Коми края фактически выросла коми национальная интеллигенция.

Примечания

- ¹ См., напр.: *Цембер А.* К истории основания сереговского солеваренного завода // Записки Общества изучения Коми края. 1929. Вып. 2 ; и др.
- ² *Цембер А.* Путешествия академика Лепехина в 1771—1772 гг. // Коми му. 1927. № 4—5 ; Разбойное дело 1777 года // Там же. № 6—7 ; и др.
- ³ *Цембер А. А.* 1917 год в Усть-Сысольске // Известия Коми ОК РКП(б). 1923. № 7—8, 9 ; *Он же.* К материалам по истории революции в Коми крае. Усть-Сысольск в 1918 году // Коми му. 1924. № 1—2, 4, 7—10 ; 1925. № 2, 12 ; и др.
- ⁴ *Чеусов А.* Из «Классификационного перечня печатных трудов по истории коми народа» // Коми му. 1927. № 4—5.
- ⁵ Статьи И. Мосшега см.: Коми му. 1926. № 4—8, 12 ; 1927. № 3—7 ; 1928. № 4.
- ⁶ Коми му. 1925. № 1. С. 51—53 ; № 4—5. С. 83 ; Коми просвещенец. 1927. № 1. С. 57.
- ⁷ Краеведение. 1925. № 4. С. 47.
- ⁸ *Озеров П.* За решительный перелом в краеведном движении в Коми области // Советское краеведение. 1932. № 2.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

ББК 60.543.132.1-60.028.132

Л. П. Гилевская

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ БЕЛОРУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Социологический аспект исследования интеллигенции интерпретирует данную социальную группу сквозь призму структурного подхода, в котором интеллигенция как слой или страта занимает определённое место и реализует исходя из своего особого социального статуса в обществе социально, политически, экономически и культурно значимые функции. Особое положение интеллигенции объясняется, главным образом, тем, что составляющие её врачи, учителя, преподаватели, инженеры, юристы и большая часть служащих определяют ещё и социальный «костяк» общества, который поддерживает социальный организм, обеспечивает общественную стабильность и способствует демократическим преобразованиям в обществе. Понятно, что речь идёт о среднем классе, значительной частью которого и является интеллигенция. Однако существует и абсолютно противоположная трактовка интеллигенции, реализованная марксистской концепцией. В данном варианте интеллигенция рассматривается как «социальная прослойка, состоящая из людей, профессионально

© Гилевская Л. П., 2010

Гилевская Людмила Петровна — преподаватель кафедры политологии и права Белорусского государственного педагогического университета им. М. Танка (Минск). ragneda-@mail.ru

занимающихся умственным трудом» и не являющаяся социальным классом, так как не занимает самостоятельного места в системе общественного производства¹. Марксизм выступал против той интеллигенции, которая генерирует и распространяет господствующую в капиталистическом обществе идеологию, внедряет в сознание масс капиталистическую мораль и идеологически оправдывает существующие порядки. Однако, согласно марксистской теории, в ходе культурной революции возникнет новая интеллигенция на основании перевоспитания старой. Новая интеллигенция была сформирована из рабочих и крестьян, получивших среднее и высшее образование, а также из среды практических работников, выросших на производстве, и новаторов производства.

В последнее время большую актуальность приобрели исследования, посвящённые рассмотрению функций, типов, индикаторов социального самочувствия населения и его различных социально-демографических групп. Так, в рамках исследовательского проекта «Евробарометр» проводится изучение состояния счастья, жизненной удовлетворённости, субъективного благополучия населения европейских и постсоветских стран; Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) исследует социальное самочувствие населения и различных его категорий. Однако следует отметить, что процесс вхождения термина «социальное самочувствие» в научный оборот протекал достаточно противоречиво и неоднозначно. Во многих работах философов, психологов, историков, социологов на рубеже XIX—XX веков осуществлялись попытки выявления значения и роли социального самочувствия как элемента общественного настроения в историческом процессе и его положение в общественном сознании и поведении населения и составляющих его групп. Такие аналитические «пробы» делались в рамках исследований политической, экономической и духовной жизни общества. Уже в то время указывали на значительность и существенность неповторимых индивидуальных моментов в настроении и самочувствии личности, подчёркивалась их социальная природа. Понятие «психологическое состояние» ввёл Н. Д. Левитов, понимая его как своеобразие процессов восприятия и интегрированного отражения внешних и внутренних стимулов, без отчётливого осознания их предметного

содержания². В социологической литературе данный феномен был разработан Т. Парсонсом. Он назвал его «рецептивно-респонсивной» характеристикой личности и связал её со стандартными переменными действия. Социальное самочувствие выступает в качестве базового элемента общественного сознания, природу которого составляют компоненты социально-психологических уровней. Так, например, Г. Спенсер рассуждал о том, что физическое и душевное благополучие человека составляет объективную сторону состояния удовлетворенности как субъективного переживания, и его не допустимо оценивать лишь по субъективному элементу. Дуализм рассматриваемого понятия — как взаимосвязь субъективного и объективного, психологического и социального — проявляется, с одной стороны, в том, что социальное самочувствие формируется объективными условиями жизнедеятельности индивида, его образом жизни, окружающей общественно-политической, экономической, религиозной обстановкой, что позволяет говорить о социальном аспекте социального самочувствия. С другой стороны, социальное самочувствие принадлежит психоэмоциональной сфере личности, чувства, эмоции, переживания которой возникают как следствие восприятия внутренних стимулов, а также субъективной интерпретации личностных обстоятельств и условий жизнедеятельности и оценок окружающей обстановки. В своём втором аспекте оно рассматривается как общее эмоциональное состояние личности, насыщенное — а иногда и отчуждённое — богатством переживаний, умонастроений и эмоционально-чувственных компонентов.

Социологическая модель описания структурных компонентов социального самочувствия строится на выделении трех базовых элементов — статического, динамического и функционального. Функциональная составляющая данного явления заключается в определении основных его функций, которые в сумме демонстрируют роль данного социально-психологического конструкта как фактора, обуславливающего психические процессы и поведенческие акты и реакции индивида. Динамический элемент включает компоненты, участвующие в механизме формирования и изменения социального самочувствия, отражающие сложный процесс «созревания», трансформации и трансляции изучаемого феномена общественного сознания. Статический уровень соци-

ального самочувствия состоит из относительно устойчивой структуры и предполагает расчленение его на психологический и социальный блоки, которые, в свою очередь, образуются компонентами соответствующих содержаний исходя из того, что собственно социальное самочувствие дуалистично по своей природе. Психологическое содержание включает самочувствие, чувства, эмоции, переживания, умонастроения; социальный уровень социального самочувствия — самооценки и оценки, социальную информацию, социальную память и социальные представления. Иными словами, статический компонент призван раскрыть социальную и психологическую сущность (природу) социального самочувствия. Динамическая структура характеризуется такими элементами, как восприятие, саморефлексия, социальное сравнение, самоидентификация. К функциям социального самочувствия отнесём регуляционную, познавательную, прогностическую, оценочную, интеграционную, когнитивно-констатирующую, функцию обратной связи.

Социологическое сопровождение теоретического и эмпирического анализа социального самочувствия демонстрирует родственные отношения данного феномена с понятиями жизненной удовлетворенности, субъективного благополучия, качества жизни, социального настроения и счастья. На современном этапе развития обществоведческого знания в изучении данной научной категории преобладают исследования социального самочувствия различных социальных групп — молодежи, женщин, студентов, пенсионеров, среднего класса, учителей, этнонациональных и религиозных общностей, а также населения в целом. Все это ярко демонстрирует не только социологическое сопровождение анализа социального самочувствия, но и важную его роль, игнорирование которой в социальной политике любого государства и общества может быть чревато негативными для него последствиями. Как чувствует себя интеллигенция? Как она оценивает собственную жизнь в контексте удовлетворённости? Что обуславливает её настроение и жизненный комфорт? Счастливы ли современные интеллигенты? Ответы на эти и многие другие вопросы помогут понять особенности самооценок жизненного благополучия значимой, на наш взгляд, социальной группы — интеллигенции. Итак, интеллигенция — это общественный слой людей, профес-

сионально занимающихся умственным трудом и имеющих высшее образование. Социальные функции интеллигенции в более широком аспекте связаны с генерированием и распространением знания и культуры. Соединив данную функциональную нагрузку интеллигенции с функциями среднего класса, можно говорить о более многочисленном и более важном функциональном сплаве: интеллигенция играет роль социального медиатора, через который осуществляется диалог между верхним и нижним классами; так как интеллигенция — это образованные люди, как правило, с хорошими доходами, достойным уровнем жизни, следовательно, они заинтересованы в том, чтобы сохранить такой порядок и выполняют функцию стабилизатора общества, сохранения порядка; так как интеллигенция — это хорошие профессионалы, они же являются и агентами НТП; немаловажная функция интеллигенции — это функция культурного интегратора, в развитых обществах она является распространителем своей культуры и образа жизни, стандартов потребления в обществе. Таким образом, интеллигенция выступает в качестве своеобразного ретранслятора базовых ценностных установок, моделей поведения, идейно-политических, в том числе электоральных, ориентаций.

Социологическое понимание интеллигенции как социальной группы позволяет говорить о таком направлении в социологической науке (именно о специальной социологической теории), как социология интеллигенции, объектом которой выступает собственно интеллигенция, а предметное поле включает вопросы следующего порядка: соотношение понятий «интеллигенция», «интеллектуалы», «народ»; проблемы интеллигенции; роль интеллигенции в эволюционных и революционных преобразованиях; особенности сознания интеллигенции; интеллигенция как феномен культуры; ментальность и идеология интеллигенции; интеллигенция как социальная группа. Социология интеллигенции формировалась на стыке ряда научных отраслей — от социологии политики М. Вебера до социологии знания К. Мангейма, — которые стали основой данной социологической отрасли. Можно сказать о том, что социология интеллигенции в силу своего статуса скорее растворяется, нежели гармонично взаимодействует, в социологии науки, социологии образования, социологии молодежи, а сам феномен интеллигенции описывается в рамках теории

социальной структуры и стратификации. В плоскости социологии науки изучалась специфика науки как социального института, её социальные функции, взаимодействие науки и общества, профессиональные, деловые и межличностные отношения в научных сообществах и организациях, формы организации научной деятельности, место и роль учёного в обществе, социально-психологический портрет личности учёного и др. В шестидесятые годы двадцатого столетия возникают первые подходы к анализу интеллигенции в рамках теории социальной структуры и стратификации. Отмечают, что именно в то время появилось формальное её определение как прослойки. Интеллигенцию интерпретировали как социальную группу, слой, состоящий из лиц, профессионально занимающихся высококвалифицированным умственным трудом, требующим специального, среднего или высшего образования. В. И. Добренков и А. И. Кравченко употребляли понятие интеллигенции в трёх вариантах исходя из его этимологического значения — «понимающий», «мыслящий», «разумный»: 1) общественный слой людей, занимающихся умственным, преимущественно сложным, творческим трудом, развитием и распространением культуры; 2) родовое понятие, определённый социокультурный тип; 3) определённый социальный слой. Термин «интеллигенция» был введён в 60-е годы XIX века и обозначал, прежде всего, образованный слой русского общества. Следует отметить, что время рождения данного понятия и самой интеллигенции, конечно же, не совпадает. Второй вопрос до сих пор является достаточно дискуссионным. Тем не менее, становление интеллигенции происходило как формирование маргинального слоя поляризованного общества XVIII века, в котором на одном полюсе сосредоточились низкие сословия (среди них также находились крепостные крестьяне), на другом — высший слой общества (главным образом, помещики), а достаточно условный свободный центр данной социальной структуры и заняла интеллигенция.

В структуре данных направлений можно выделить исследовательскую ориентацию на изучение социального самочувствия интеллигенции (в качестве её комплексной характеристики, интегрального образования), проявляющегося как результат восприятия окружающей действительности и собственного положения в обществе, реализации жизненных целей и ценностей, отра-

жающий также перспективы развития личности в социокультурной среде и основных общественных сферах (экономической, политической, социальной и духовной).

На основании факторной операционализации выделим соответствующие индикаторы социального самочувствия:

- 1) оценка экономической и политической ситуации в стране;
- 2) оценка проблемного поля в стране (актуальных проблем);
- 3) самооценка собственного экономического положения и благополучия семьи;
- 4) удовлетворённость жизнью;
- 5) ощущение счастья (внутреннее эмоциональное восприятие собственной жизни);
- 6) перспективы изменения собственного положения в обществе (экономического, образовательного, профессионального статуса).

Логика построения индикаторов социального самочувствия основывается на выделении основных блоков социального самочувствия, а затем показателей, позволяющих их измерить (схема 1).

Приступая к эмпирическому анализу социального самочувствия интеллигенции, приведём результаты социологического исследования, осуществлённого в Республике Беларусь в июле—августе 2009 г. по национальной репрезентативной выборке³. Необходимо уточнить, что в данной работе под интеллигенцией понимается группа респондентов, выделенная по признаку образования. А именно, предполагается исследование ответов на вопросы о социальном самочувствии наиболее образованного слоя белорусского общества, т. е. людей с высшим образованием. Данная группа среди всего опрошенного населения (численность которого составила 2068 человек) составляет 13,6 % и включает следующие социальные и демографические общности: по полу — 45,6 % мужчин и 54,4 % женщин; по социальному положению — 5,9 % руководителей высшего звена (директор, председатель и т. д.), 12,6 % руководителей среднего звена (начальник цеха, отдела и т. д.), 5,9 % руководителей низшего звена (мастер, бригадир и т. д.), 5,8 % предпринимателей, самозанятых (индивидуальная трудовая деятельность), 13,5 % служащих, специалистов производственной сферы (инженеров, технологов и т. д.), 25,1 % служащих, специалистов непроизводственной сферы (учитель,

врач и т. д.), 0,3 % служащих без специального образования, 3,9 % рабочих, 1,9 % военнослужащих, 1,5 % безработных, 1,4 % домохозяйек, 4,5 % работающих пенсионеров, 11,1 % неработающих пенсионеров, 0,3 % учащихся, студентов.

Схема 1

Социальное самочувствие: блоки и индикаторы

Итак, при оценках собственного настроения, характерного в последние дни, респонденты с высшим образованием прибегают в основном к положительным характеристикам, так как более половины опрошенных в этой группе обладают прекрасным либо нормальным ровным состоянием; почти пятая часть респондентов с высшим образованием испытывает напряжение, раздражение,

страх и тоску; и примерно у 20 % опрошенных настроение разное и изменчивое (табл. 1). Сравним, как оценивают социальное самочувствие респонденты с высшим, средним специальным, средним общим и незаконченным высшим образованием. Так, прекрасным настроением обладают 8,5 % респондентов с высшим образованием, 10,1 % — с незаконченным высшим, 10,2 % — со средним специальным, 14,0 % — со средним общим; нормальное ровное состояние испытывают 47,5 % опрошенных с высшим, 40,7 % со средним специальным, 28,8 % с незаконченным высшим, 16,5 % со средним общим образованием; напряжение и раздражение в большей степени свойственны респондентам с незаконченным высшим образованием (22,5 %), затем со средним специальным (16,9 %), далее со средним общим (16,5 %) и 15,4 % — с высшим образованием; страх и тоску больше всего испытывают опрошенные с незаконченным образованием — 11,2 %, а меньше всего — со средним общим (2,7 %), с высшим образованием — 4,1 %.

Таблица 1

Распределение ответов респондентов с высшим образованием на вопрос о собственном настроении, %

Нет ответа	0,3
Прекрасное настроение	8,5
Нормальное, ровное состояние	47,5
Испытываю напряжение, раздражение	15,4
Испытываю чувство страха, тоски	4,1
Затрудняюсь ответить	3,2
Изменчивое состояние (разное)	21,0
<i>Всего</i>	100,0

При характеристиках жизненной удовлетворённости данной группе также присущи позитивные оценки. Так, например, 67,8 % опрошенных полностью либо скорее удовлетворены жизнью, чем нет, и почти четвертая часть населения с высшим образованием скорее не удовлетворена либо совсем не удовлетворена, причём по последней позиции полностью неудовлетворённых всего 3,6 % респондентов. Таким образом, меньше всего неудовлетворённых собственной жизнью находится именно в группе опрошенных с

высшим образованием по сравнению с другими группами; также в данной группе больше всего жизненно удовлетворённых, по сравнению с респондентами со средним специальным образованием почти на 15 %, по сравнению со средним общим — на 5 % (рис. 1).

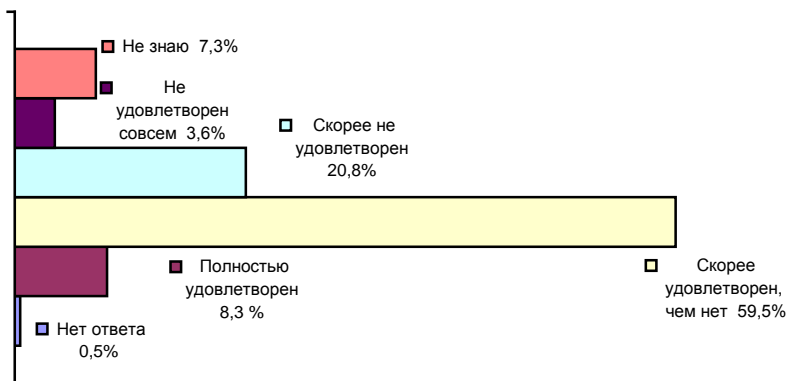

Рис. 1. Распределение ответов респондентов с высшим образованием на вопрос о жизненной удовлетворённости

Правомерно заключить, что уровень образования влияет на самооценки жизненной удовлетворённости, а именно, чем образованнее индивиды, тем в большей степени они удовлетворены жизнью в целом. Однако данная переменная оказывает довольно умеренное воздействие, но является все же необходимой, поскольку связана с другими причинами жизненной удовлетворённости. Бесспорным остаётся тот факт, что образование, а именно его достигнутый уровень, положительно влияет на удовлетворённость жизнью, ведь, как правило, оно является своеобразным социальным капиталом, способствующим росту дохода, получению работы, карьерному росту, т. е. всему тому, что в свою очередь обуславливает жизненное благополучие.

В данной сфере важным является еще и то, что определяет жизненную удовлетворённость, речь идёт о том, на что опираются, что оценивают или что принимают во внимание респонденты при характеристиках жизненной удовлетворённости. Следует отметить, что для людей с высшим образованием практически оди-

наковую значимость приобретают такие факторы, как оценка поставленных и достигнутых целей — эта позиция заняла первое место, на втором — оценка собственного ощущения счастья. Так, становится очевидным, что счастье как экспрессивный элемент социального самочувствия проявляет себя в качестве самостоятельного фактора, способного обусловить жизненную удовлетворённость белорусской интеллигенции. Ощущение или переживание счастья рассматривается в качестве индикативного показателя, характеризующего эмоциональную сферу (или состояние) индивида, а следовательно, выступает статическим компонентом психологического содержания социального самочувствия. Счастье, как правило, демонстрирует эмоционально-оценочное отношение индивида к собственной персоне в зависимости от определённых жизненных обстоятельств. М. Аргайл, исследуя психологию счастья, казалось бы, не открывает ничего нового, когда утверждает, что большинству людей, если не всем, свойственно желание быть счастливыми. На двух выборках респондентов-американцев он продемонстрировал, что счастье и смысл жизни значат гораздо больше для «хорошей жизни», чем деньги или нравственная добродетель, или даже возможность попасть в рай. По результатам социологического исследования можно сделать вывод, что среди опрошенного населения Беларуси в целом, отмечая причины различной степени своей жизненной удовлетворённости, четверть респондентов (25,4 %) подчеркнули, что в принципе оценивали собственный уровень счастья, второе место они отдали позиции «Я сравнивал собственное благополучие и уровень жизни с другими людьми» — 22,8 %, третье и четвёртое место заняли альтернативы «Я сравнивал собственный образ жизни с образом жизни других людей» (16,0 %) и «Я оценивал поставленные и достигнутые цели» (15,2 %). Из этого следует, что в подобных оценках важным индикатором для населения является экспрессивный (эмотивный) элемент, то есть в первую очередь опрашиваемые при ответе на вопрос о своей жизненной удовлетворённости ориентировались на самооценки характерного для себя эмоционального состояния. На наш взгляд, любопытным является то, что меньше всего опрошенных интеллигентов связывают свою жизненную удовлетворённость с такими факторами, как достижения на службе и престиж своей работы. Личные от-

ношения и семейное благополучие заняли четвёртое место по значимости в системе вышеперечисленных факторов.

Третье место с небольшим отставанием от предыдущих факторов жизненной удовлетворённости белорусской интеллигенции занимает сравнение собственного благополучия и уровня жизни с другими людьми. Действительно, согласно теориям социального сравнения, люди оценивают свои качества, уровень жизни, собственное благополучие, сопоставляя их с другими. Анализируя феномен социального сравнения в контексте социального обмена, Н. Ф. Наумова выдвинула тезис, что «с его помощью формируется оценка социальной ситуации индивидом (удовлетворённость) и уровень его социальных притязаний, т. е. определяется область возможных для него социальных целей и средств... В то же время социальное сравнение — очень гибкий, чуткий и динамичный механизм, в котором заложена возможность адекватного отражения социальной реальности... Это ориентир его (индивида. — Л. Г.) социального поведения... Социальное сравнение дает индивиду информацию, необходимую для целенаправленного поведения»⁴. Людям свойственно использовать окружающих в качестве своеобразного эталона для оценки собственного поведения, эмоций и установок. Прибегают к социальному сравнению в ряде случаев: во-первых, в контексте оценки — как хорошо я выгляжу по сравнению с другими людьми, является ли моё поведение или реакция уместной и желательной либо наоборот; во-вторых, сравнение как причина самоулучшения (самосовершенствования) — я сравниваю себя с другими людьми, лучше владеющими конкретными навыками, что позволяет мне улучшать собственные навыки; в-третьих, в процессе самооценки — индивид прибегает к сравнению с другими людьми, уступающими или превосходящими по определённым параметрам, что приводит либо к убеждению в собственной компетентности или к неполноценности. В любом случае, социальное сравнение (от англ. — *social comparison*) участвует и способствует самопознанию, именно поэтому его часто истолковывают как процесс узнавания людьми самих себя путём сопоставления своих убеждений, установок, способностей, социального положения с аналогичными компонентами других людей. Г. Е. Зборовский, например, отметил: «Социальное сравнение — необходимый

элемент повседневной жизни и повседневного поведения индивидов, неотъемлемый компонент идеологии общества и конкретных социальных общностей. Оно лежит в основе многих явлений и процессов, имеющих место на уровнях обыденного и теоретического сознания. От характера, содержания и направленности социального сравнения зависят социальные настроения и социальное самочувствие больших групп людей, их стремления, ожидания, надежды»⁵. Таким образом, социальное сравнение как сопоставление людьми собственных условий и качества жизни, благополучия в различных сферах (профессиональной, семейной и др.), форм и видов деятельности с их аналогами в прошлом, а также с теми, которые характерны для других людей, является важным фактором, способным повлиять не только на самооценку, но и на удовлетворённость жизнью.

Таким образом, следует отметить, что такой фактор, как уровень жизни, играет не последнюю, однако и не решающую роль в определении степени жизненной удовлетворённости белорусской интеллигенции. Остановимся на особенностях восприятия наиболее образованным слоем белорусского общества собственного экономического благополучия. Проанализируем то, как интеллигенция характеризует своё материальное семейное положение (рис. 2).

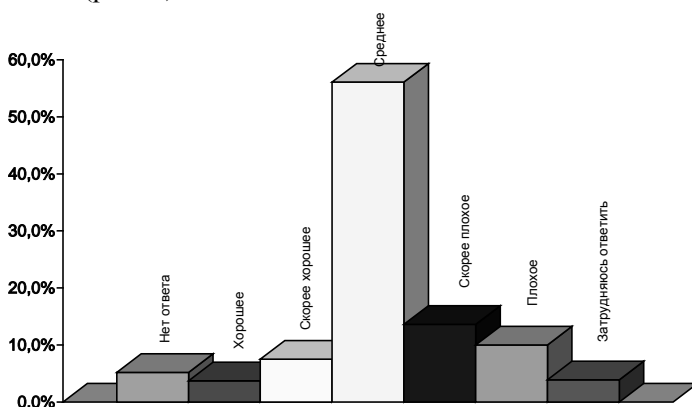

Рис. 2. Распределение ответов респондентов с высшим образованием на вопрос о материальном положении семьи

На рисунке видно, что большинство опрошенных интеллигентов (56,1 %) оценивают экономическое положение своей семьи как среднее, у 11,2 % материальный статус хороший либо скорее хороший, негативные оценки проявляются среди 23,6 % респондентов с высшим образованием, т. е. почти четвертая часть опрошенных интеллигентов рассматривает материальное положение как плохое либо скорее плохое.

Согласно нашей гипотезе, самооценки жизненной удовлетворённости населения тем выше, чем выше степень удовлетворения его социальных потребностей, которые, в свою очередь, являются производными от существующей в обществе системы социальных благ, их производства и распределения. Сведём данный тезис к предположению, что чем больше человек ощущает нехватку социальных благ, тем ниже самооценки жизненной удовлетворённости и, соответственно, хуже социальное самочувствие. Преимущество такого подхода заключается в том, что становится возможным опосредованное (латентное) измерение эмоционально-оценочного отношения человека к обществу. Итак, попытаемся построить шкалу денежной достаточности, оценки которой позволят сформировать представления соответственно и о доступности определённых социальных благ. Введём следующие показатели, характеризующие доступность социальных благ:

- 1) приобретение жилья;
- 2) покупка автомобиля;
- 3) покупка товаров длительного пользования (бытовой и домашней техники);
- 4) покупка продуктов и одежды, необходимых для жизни;
- 5) приобретение продуктов питания;
- 6) невозможность приобретения даже необходимых продуктов питания.

Продемонстрируем данные, которые характеризуют оценки личных денежных доходов (табл. 2).

Преобладающее большинство (43,7 %) в группе респондентов с высшим образованием отметили, что им денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, однако дорогостоящие покупки приходится откладывать на более поздний срок. Почти пятой части опрошенных интеллигентов (19,6 %) денег хватает только на приобретение продуктов питания, т. е. собственные

денежные доходы они могут тратить лишь на удовлетворение первичных потребностей, связанных с поддержанием жизни и воспроизводства своего биологического потенциала. 13,5 % респондентов указали, что им хватает денег на приобретение большинства товаров длительного пользования и у них не возникает, как правило, проблем с покупкой какой-либо техники, однако купить автомобиль для них оказывается невозможным на данный момент времени. Возможностью купить транспортное средство обладает 4 % респондентов, но покупка квартиры для них остаётся всё же нереальной. Денег даже на приобретение продуктов питания не хватает 4,3 % опрошенным с высшим образованием.

Таблица 2

**Распределение ответов респондентов на вопрос
об оценках личных денежных доходов, %**

Нет ответа	14,5
Денег достаточно для приобретения жилья	0,5
Денег достаточно для покупки автомобиля, но недостаточно для приобретения жилья	4,0
Покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор) не вызывает трудностей, однако покупка автомашины недоступна	13,5
Денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, однако более крупные покупки приходится откладывать на потом	43,7
Денег хватает только на приобретение продуктов питания	19,6
Денег не хватает даже на приобретение продуктов питания, приходится влезать в долги	4,3

Потребление благ, услуг, товаров, с которым каждый день сталкивается индивид, а точнее — его удовлетворённость сферой потребления, в значительной мере влияет на оценку жизненной удовлетворённости и выступает в роли качественной его характеристики. Для того чтобы жить, человеку необходимо удовлетворять витальные потребности — в пище, безопасности и др., а потребление выступает в качестве инструмента, с помощью которого осуществляется удовлетворение потребностей. Здесь важно

отметить, что потребление в определённой мере влияет на настроение и самочувствие человека, на его удовлетворённость жизнью, то есть от того, что и как он потребляет (уровень и качество потребления), — во многом зависит комфортность жизни. Человек как социальное существо стремится не только к тому, чтобы просто жить, питаясь и одеваясь, но как существу разумному ему также свойственно стремиться к самовыражению, жить так, как лучше для него, т. е. так, как ему комфортно. Понятно, что нет людей, жаждущих скуки, тоски, потери чувства реальности и иных отрицательных состояний, но они, тем не менее, случаются; также человеку не свойственно желать себе бедности, опасности, некачественных объектов потребления, пагубности, к чему может привести «сверхпотребление». Конечно, как утверждал Э. Фромм, «есть люди, наслаждающиеся повинованием, а не свободой, извлекающие удовольствие из ненависти, а не из любви, из эксплуатации, а не из плодотворного труда»⁶.

Характеризуя полученные данные, отметим, что, действительно, жизненная удовлетворённость тем выше, чем выше самооценки достаточности материальных благ, потребляемых респондентами с высшим образованием. Так, например, больше всех удовлетворены жизнью те опрошенные, кому денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, однако более крупные покупки приходится откладывать на поздний срок, таких оказалось 36,7 %; самыми неудовлетворёнными жизнью (10,5 %) оказались те, кому доход позволяет приобретать только продукты питания (табл. 3).

Остановимся на вариантах поведенческих стратегий, которые выбирают для себя респонденты с высшим образованием при определённых жизненных обстоятельствах. В случае ухудшения материального положения для белорусской интеллигенции свойственны активные поведенческие стратегии. Так, например, большинство респондентов с высшим образованием (65,0 %) указали, что если произойдут изменения уровня жизни в худшую сторону, то, прежде всего, им придётся находить дополнительные источники дохода. Данное утверждение свидетельствует о готовности искать дополнительную работу, что нередко сопровождается переобучением или повышением квалификации. На втором месте стоит альтернатива, связанная с сокращением расходов и

экономией средств (61,2 %); практически одинаковым успехом пользовались такие варианты, как «буду тратить сбережения», «буду отстаивать свои права» и «положусь на заботу со стороны других членов семьи, близких» (табл. 4).

Таблица 3

Влияние денежных доходов на жизненную удовлетворённость, %

Степень удовлетворенности	Какая из приведенных ниже оценок наиболее точно характеризует Ваши денежные доходы?						Всего
	Денег достаточно для приобретения жилья	Денег достаточно для покупки автомобиля, но недостаточно для приобретения жилья	Покупка большинства товаров длительного пользования не вызывает трудностей, однако покупка автомашины недоступна	Денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, однако более крупные покупки приходится откладывать	Денег хватает только на приобретение продуктов питания	Денег не хватает даже на приобретение продуктов питания, приходится влезать в долги	
Полностью удовлетворён	0,4	0,8	1,3	5,0	1,3	-	8,8
Скорее удовлетворён, чем нет	0,4	3,3	12,1	31,7	9,6	1,3	58,3
Скорее не удовлетворён	-	0,4	2,5	7,5	8,8	2,1	21,3
Не удовлетворён совсем	-	-	-	1,3	1,7	0,8	3,8
Не знаю	-	-	-	5,4	1,7	0,8	7,9
Всего	0,8	4,6	15,8	50,8	22,0	5,0	100

Таблица 4

Ответы респондентов на вопрос о вариантах поведенческих стратегий в случае ухудшения уровня жизни, %

Нет ответа	2,3
Постараюсь найти дополнительные источники дохода	65,0
Сокращу расходы, буду экономить	61,2
Положусь на заботу со стороны других членов семьи, близких	7,0
Возьму кредит в банке или в долг у близких, друзей	5,2
Обращусь за денежной помощью к моему работодателю	2,0
Обращусь за пособием от системы государственного социального страхования	0,5
Буду тратить сбережения	7,8
Продам часть имущества	5,4
Использую свою недвижимость для получения дополнительного дохода	2,9
Постараюсь получить возмещение по личной страховке	-
Заложу в ломбард какие-нибудь ценные вещи	1,6
Буду отстаивать свои права	7,2
Другое	1,8

Следующий индикатор, измеряющий социальное самочувствие интеллигенции, определяется самооценками эмоционального состояния, или личного самочувствия. Анализ ответов показал, что по данному вопросу в основном преобладают позитивные характеристики. Так, 32,9 % опрошенных с высшим образованием оценили свое самочувствие как хорошее, 36 % считают его удовлетворительным, почти шестая часть данной группы респондентов точно не может оценить свое самочувствие, и только 5,8 % респондентов с высшим образованием обладают плохим самочувствием (рис. 3).

Как правило, для всех опрошенных, независимо от уровня образования, при определении личного самочувствия характерно опираться на оценки состояния здоровья. Данный фактор приобрёл решающее значение и для интеллигенции, однако, в отличие

от других социальных групп, второе место ими было отдано такому фактору, как отношения с близкими людьми, третье и четвертое — материальному положению семьи и семейному благополучию. Аутсайдерами в системе факторов, определяющих самочувствие белорусской интеллигенции, оказались состояние личной безопасности и способность завоевывать доверие.

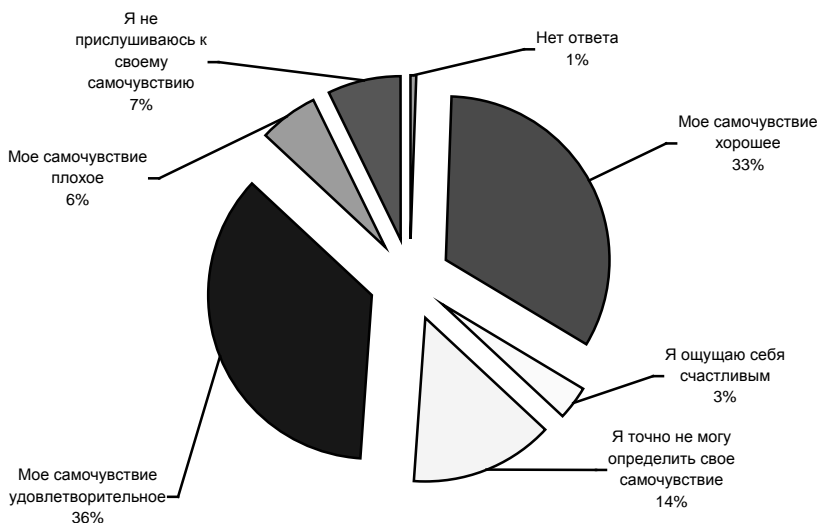

Рис. 3. Оценка респондентами своего эмоционального состояния в последнее время

При оценках удовлетворённости положением дел в стране для белорусской интеллигенции свойственны нейтральные значения. Так, в этой группе респондентов 47,3 % частично удовлетворены тем, что происходит в Республике Беларусь. Данный вопрос носит общий характер, т. к. имеется в виду состояние положения дел в целом — в политике, экономике, социальной сфере, в области духовного развития страны, — отражённое в зеркале общественного мнения. Наблюдается практически одинаковое количество опрошенных с высшим образованием среди тех, кто удовлетворён положением дел в Беларуси (24,6 %), и тех, кто высказал отрицательные ответы по данному индикатору социально-

го самочувствия (24,1 %). Следует отметить, что самыми недовольными оказались респонденты, обладающие незаконченным высшим образованием, так, например, 33 % не удовлетворены положением дел в стране, удовлетворены — 21,7 %, частично удовлетворены — 29,2 % (табл. 5).

Таблица 5

Ответы респондентов на вопрос об удовлетворённости положением дел в стране, %

Образование \ Степень удовлетворённости	Начальное	Среднее неполное	Среднее общее	Среднее специальное	Незаконченное высшее	Высшее	Всего
Нет ответа	8,3	6,7	4,7	3,9	16,1	4,0	5,1
Полностью удовлетворён	13,5	6,0	2,9	3,7	4,8	2,6	4,6
В основном удовлетворён	25,7	31,1	22,4	19,7	16,9	22,0	23,3
Удовлетворён частично	37,9	42,2	47,2	48,0	29,2	47,3	45,6
В основном не удовлетворён	11,5	10,0	15,6	19,1	33,0	18,1	15,8
Полностью не удовлетворён	3,1	4,0	7,3	5,6	-	6,0	5,6

На основании проведённого эмпирического анализа следует отметить, что в общественном сознании белорусской интеллигенции преобладают позитивные характеристики социального самочувствия, даже несмотря на мировой финансово-экономический кризис, затронувший и Республику Беларусь. Об этом свидетельствует тот факт, что по блокам восприятия собственного положения в обществе (которое рассматривалось через самооценки уровня жизни), восприятия возможностей реализации намеченных целей и жизненных ценностей (изучаемое посредством самооценок жизненной удовлетворённости и эмоционального состояния) проявляют себя характеристики с положительными значениями. Однако при высоких показателях социального самочувствия интеллигенции самооценки материального положения

смещаются с нейтральных значений в сторону негативных. В случае ухудшения материального положения для респондентов свойственны активные поведенческие стратегии, связанные с поиском новой более оплачиваемой или дополнительной работы. Были выявлены различия в факторах самочувствия и удовлетворённости белорусской интеллигенции, а именно, если опрошенные связывают жизненную удовлетворённость с личными целями, достижениями, состоянием счастья и материальным положением, то их самочувствие в основном определяется (впрочем, это характерно и для всего населения Беларуси) состоянием здоровья.

Примечания

¹ Пономарёва Б. Н. Политический словарь. М., 1958. С. 11.

² См.: Левитов Н. Д. О психических состояниях человека. М., 1964.

³ Следует отметить, что речь идёт об исследовании, проводимом в рамках совместного научного проекта — гранта «Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения регионов Северо-Западного федерального округа РФ и Беларуси», договор с БРФФИ НАН Беларуси № ГО9Р-031 от 15 апреля 2009 г.

⁴ Наумова Н. Ф. Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения. М., 1988. С. 18, 19.

⁵ Зборовский Г. Е. Социальное сравнение как повседневное явление и социологическая проблема // СОЦИС. 2005. № 12. С. 13.

⁶ Фромм Э. Человек для себя. Мн., 1992. С. 9.

ББК 74.43-83.09

Л. Г. Иванова

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНЧЕСТВА

Книжная культура сегодня находится в состоянии, при котором меняются её функции, размываются границы. Одним из актуальных векторов исследований является пространство книжной культуры, номинированное как городское книжное пространство. К изучению городских миров, включающих в себя различные его составляющие, будь то политические, экономические или другие, обращались и продолжают это делать представители различных отраслей научного знания.

В старой литературе, описывающей модернизационные процессы, степень овладения книжной культурой рассматривалась как один из важнейших индикаторов социального прогресса¹. Согласившись с этой точкой зрения, попытаемся посмотреть, как обстоит дело с книжной культурой в среде современной городской молодёжи. Ограничим исследовательское поле социальным пространством Перми — большого индустриального города, претендующего, по официальным материалам, на роль культурной столицы России². Городу свойственен «полифонизм» проявлений жизненных стратегий его обитателей, исследование которых открывает широкое поле для конструирования теоретических и прикладных моделей изучения городских реалий как отражения современных социальных процессов.

© Иванова Л. Г., 2010

Иванова Людмила Геннадьевна — заведующая редакционно-издательским отделом, соискатель кафедры культурологии Пермского государственного института искусства и культуры. luda3788@yandex.ru

Следует отметить, что культура чтения является институциональным элементом современной культуры. Она включает в себя профессиональную деятельность, нормы чтения, имплицитные ценности и приписываемые социальные роли. Например, акторы культуры чтения могут быть вовлечены в литературную деятельность. Можно также говорить об автономности культуры чтения, хотя наблюдается и некоторое взаимовлияние с другими институтами модернизации, такими как семья³.

Процессы урбанизации наиболее ярко могут обнажить проблемы, возникающие в современном обществе. Таким образом, *объектом* нашего исследования выступило городское сообщество, живущее в модернизированном мире с различными практиками, а *предметом* — городская книжная культура студенчества.

Целью исследования явилось определение места культуры чтения городского студенчества в общей культуре студенчества.

Для этого было изучено всё, что касается содержания общей культуры студенчества, выявлена специфика современной городской культуры чтения, охарактеризованы практики и обозначены нормы чтения, которым следует читающее студенческое сообщество. Было установлено, в чём заключается ценность книги для студенчества, и определён статус культуры чтения для студентов-горожан.

Приступая к исследованию, мы выдвинули следующие гипотезы, включающие ряд положений. Предполагалось установить, что содержание общей культуры студенчества отражает черты современной городской культуры: экономизм, стремление к комфорту, удовольствиям и т. д., а ориентируется культура чтения на потребительские ценности. Практики чтения студентов-горожан определяются рыночными практиками: доступностью, престижностью, таким образом, чтение для них становится элементом досуга. Предполагалось также, что в среде читающего студенчества нормой является чтение с нарушением условий приватности, а для читающего студенчества в современных условиях определяющими конструируемыми ценностями чтения являются интерес, удовольствие. Наконец, в условиях современной городской культуры, при смене жизненных статусов студенчество отказывается от книги как источника ответов на интересующие вопросы.

Итак, из городской молодёжи выделена группа студентов института искусства и культуры. Отбор и приглашение для интервьюирования респондентов осуществлялись в коридорах вуза в перемены и после занятий. В выборку были включены студенты I—V курсов, обучающиеся по следующим гуманитарным специальностям: «Менеджмент организации», «Менеджмент туризма», «Социально-культурная деятельность», «Культурология», «Народное художественное творчество», «Инструментальное исполнительство», «Библиотечно-информационная деятельность».

Для достижения объективности высказываний вопросы, касающиеся материального статуса респондентов, составлялись таким образом, чтобы у отвечающих не было возможности выдать желаемое за действительное.

Определим ряд признаков, по которым можно установить материальное положение: наличие личного автомобиля; наличие сотового телефона; отдых; посещение ночных клубов; гардероб; употребление спиртных напитков, курение, пользование косметикой. Эти признаки структурированы таким образом, чтобы можно было определить, к какому *студенческому слою* можно отнести участников данной группы. Таких слоёв было выделено три.

Студенческий слой	Признаки
Высший	Наличие личного автомобиля; дорогой сотовый телефон, который часто меняется; пользование дорогой косметикой; отдых за рубежом; регулярное посещение престижных ночных клубов, дорогие марки сигарет и спиртных напитков; брендовая одежда, купленная в дорогих бутиках
Средний	Наличие телефона, срок эксплуатации — 2—3 года; отдых на российских курортах; одежда, купленная в сетевых магазинах; пользование косметикой от распространителей; питание в кафе; курение сигарет, купленных по невысокой цене; недорогие спиртные напитки

Нижний	Отдых в городе; одежда, купленная на рынке; обеды в столовой или буфете; дешёвые марки сигарет и спиртных напитков, пользование косметикой, купленной на рынке
---------------	--

Таким образом, выясняем достаток через расходы. По результатам, полученным в ходе анализа ответов на эту часть вопросов, было выяснено, что большинство респондентов можно отнести к нижнему студенческому слою (см. прил. 1).

Были включены также традиционные вопросы, помогающие определить социальное происхождение респондентов через информацию о роде деятельности родителей. По месту рождения и проживания в настоящее время выяснялась информация о принадлежности участников исследуемой группы к городскому сообществу и т. д.

Методом исследования было выбрано глубинное интервью. Такой метод помогает, на наш взгляд, выявить потаённые, глубинные смыслы, которые вкладывают в процесс чтения представители интересующей нас группы. По представлениям, идеалам, стереотипам выбранной нами небольшой части студенческого сообщества мы можем судить о массовом сознании всего общества. При весьма ограниченных масштабах (в нашем случае — одиннадцать интервью) есть возможность обнаружить, почувствовать или заподозрить присутствие значительного числа существенных для нас сторон, свойств изучаемой книжной действительности. В тексте статьи дословные высказывания респондентов приводятся курсивом.

Для выяснения, чем является чтение для современных студентов, был подобран ряд вопросов, которые распределялись по трём блокам. В первый блок вошли вопросы, объединённые в общие проблемные для исследователя темы, касающиеся непосредственно культуры чтения. Во второй блок включены вопросы, помогающие установить общие ценностные ориентиры студенчества. Третий блок вопросов определяет статусные характеристики городского студенчества.

При описании результатов не уделяется особое внимание интересу респондентов к профессиональной литературе, необходимой

для приобретения специальных профессиональных навыков. Здесь наблюдается устойчивый интерес, не предполагающий свободы выбора, он существует благодаря нормативным установкам.

Первый блок	Второй блок	Третий блок
Что читаешь? Как читаешь? Кто читать научил? С кем обсуждаешь прочитанное? Для чего читаешь?	К чему стремишься? Чего хочешь добиться? На кого ориентируешься?	Кто ты такой?

Итак, проанализировав ответы респондентов на вопросы первого блока, мы выяснили, что студенты исследуемой группы предпочитают читать литературу, рекомендованную в рамках учебной программы, причём объём прочитанного напрямую зависит от объёма учебных часов, отведённых на предмет «Литература» на определённой специальности. Так, например, на специальностях «Культурология» или «Менеджер информационных ресурсов» количество учебных часов по литературе предусмотрено большее, чем на остальных специальностях. Соответственно респонденты демонстрируют знание разнообразных сведений об авторах, произведениях и жанрах современной литературы. Узнав об определённом авторе из учебного курса, респонденты данной категории уже самостоятельно проявляют интерес к более углублённому изучению рекомендованных авторов. Так, на вопросы «Что предпочитаете читать?» и «Откуда узнали об этом авторе?» встречаются высказывания: *...в последнее время открыла для себя такого итальянского автора, как Барикко. Сначала прочитала программное произведение, обсудили, затем заинтересовалась, стала сама искать другие его вещи. Доставала его книги* (интервью 11); *...в последнее время читаю рекомендованное по учебе. Раньше так много книг не читала, а сейчас даже увлеклась и нравится* (интервью 4).

Другая часть респондентов демонстрирует отсутствие интереса к современной художественной литературе. В ответах преобладают ссылки на классиков. К категории «Классика» оп-

рашиваемые относят шаблонный ряд русских авторов XIX — нач. XX в.: А. Пушкин, Ф. Достоевский, Л. Толстой и др. При уточнении конкретных произведений многие чаще затруднялись с ответами. Таким образом, у данной части респондентов книжные предпочтения не выражены, а книжный опыт ограничен знанием о классических произведениях, которые являются элементом культуры в её школьно-нормативном, а поэтому — универсально распространённом варианте.

При установлении читательских предпочтений по жанрам литературы удалось выяснить, что у большинства студентов наблюдается интерес к экзистенциальной, мистической литературе, особенно к популярной психологии. Упоминаются такие авторы, как В. Зеланд, З. Фрейд, материалы журнала «Psychologies» и др. Для подтверждения приведём высказывания: *...к такой литературе надо быть готовым. Она экзистенциальна(!), как бы внутренняя, прежде чем понять, надо подумать* (интервью 11); *Меня интересует литература, посвящённая психологии конфликтов: как их преодолевать, как находить контакт с человеком, это сейчас популярно* (интервью 1). По высказываниям большинства опрашиваемых, такие жанры, как приключения, фантастика, им были интересны до поступления в вуз. У многих респондентов появился или сохранился интерес к историческим, биографическим произведениям, хотя следует уточнить, что этот интерес удовлетворяется за счёт чтения публикаций в специальных рубриках популярных журналов, небольших по объёму и снабжённых иллюстративным материалом. Для подтверждения данного вывода приведём ряд высказываний: *...главное, чтобы было кратко изложено* (интервью 9); *Люблю журнал «Караван истории». Очень нравятся материалы, посвящённые известным людям* (интервью 10); *Увлекают исторические сюжеты, но не большие художественные произведения, а в форме кратких публикаций в журналах, например в «Биографии»* (интервью 4).

Интересные выводы можно сделать из установления отношения респондентов к поэзии. Большая часть опрошенных студентов поэзией не интересуется. Малая же часть связывает мотив обращения к ней с перепадами настроения, с возникновением сложных жизненных обстоятельств, с собственным взрослением. Данная категория опрашиваемых не допускает ситуации, когда

поэзия читается по принуждению. При этом авторский ряд представлен А. Пушкиным, М. Цветаевой, А. Ахматовой. Респонденты высказываются на эту тему так: *...раньше я её не понимала. Но случилась у меня тяжёлая жизненная ситуация, и именно в этот момент, когда внутренне тяжело переживала, я взяла книжку со стихами. Только тогда я поняла истинный смысл поэзии, когда на душе было тяжело. Считаю, что поэзию надо читать именно под настроение. Когда её заставляют читать, это, как правило, не производит впечатления* (интервью 11); *Меня привлекает поэзия. Могу, например, почитать Цветаеву, Ахматову. У меня дома много поэзии, я могу в любое время взять любой томик стихов, вернуться к своим же разноцветным закладкам, которые я оставляю на понравившихся стихах, почитать* (интервью 1); *Могу почитать поэзию Лермонтова, ещё в школе очень понравилось стихотворение «Мцыри», но Пушкина не люблю. Хотя все и говорят, что он гений, но меня ничего из его вещей не цепляет. Единственное его стихотворение, которое мне нравится — это «Утопленник», потому что оно «страшное». Для меня важно, чтобы эмоции были накалены* (интервью 7). Таким образом, поэзия как элемент книжной культуры может выступать для студентов только в качестве «релаксирующего», «эмоционально-разгрузочного» компонента, требующего для полноценного восприятия «особенного» настроения.

Примечательны результаты исследования, касающиеся отношения студентов к такой категории литературы, как «дамская проза». Подобные вопросы задавались только девушкам, для которых оказалась характерной резко негативная реакция. Самым «мягким» выражением было «не люблю». Встречалось также: *...не люблю ширпотреб* (интервью 4); *В дамской же прозе очень часто описываются грустные истории, а я по натуре позитивный, оптимистичный, весёлый человек, поэтому и не люблю «женские сюжеты»* (интервью 3); *Меня безумно раздражает дамская проза, совершенные пустышки* (интервью 5). Справедливости ради надо заметить, что присутствуют и нейтральные оценки «дамской прозы», но при этом респонденты «открещиваются» от инициативы приобретения подобного «чтива», указывая на то, что его покупают мамы: *Меня привлекают увлекательные сюжеты. У меня много книг Д. Донцовой. Мне всегда интересно,*

что будет дальше. Их покупает мама, а я после неё читаю (интервью 9); Я считаю, что такая литература необходима. Если бы их не читали, их бы не писали. О них говорят, их обсуждают, что-то же людей цепляет. Книги, которые расслабляют, имеют право на существование (интервью 1).

Для выяснения практик студенческого чтения респондентам были заданы вопросы, которые нами условно объединены в один, включённый в первый блок вопросов «Как читаете?». Установлено следующее. Большинство студентов исследуемой группы посещают библиотеки только с целью поиска необходимого материала к учебным занятиям. Для того чтобы найти иную информацию, например с целью удовлетворения досугового интереса, приобретают книги в магазине либо пользуются домашней библиотекой, реже обращаются к услугам Интернета. Обратим внимание на то, что ожидаемый результат, касающийся преобладания Интернета как средства для поиска книжной информации, не оправдался. Аргументами для отказа от его услуг выступали: отсутствие гарантий в качестве исполнения электронных изданий, физиологические трудности в восприятии, финансовые барьеры, неуверенность в пользовании и др.

Умение респондентов выбирать книги выражается в ориентации на рекомендации преподавателей. Достаточно авторитетным мнением, касающимся выбора книг, является суждение сокурсников. Большинство респондентов совсем не ориентируются на мнение друзей вне вуза. Иногда обсуждают прочитанное и следуют рекомендациям более молодых членов семьи (братьев, сестёр), реже — родителей. Приведём некоторые примеры высказываний: *...те книги, которые читаю я, мало кто из моих знакомых читает. Могу обсудить только со своим братом, с родителями не получается (интервью 5); С друзьями вне вуза о книгах совсем не говорим, они ничего не читают (интервью 9); ...обсуждаю в основном с одногруппниками, однокурсниками. Если затрагиваются серьёзные вопросы, то могу обсудить и с родственниками. Например, с мамой я могу обсудить любое из прочитанного (интервью 2); Они почти не читают. Бывает, что я делюсь впечатлениями о какой-либо понравившейся книге, они выслушивают, но не читают. Чаще всего они читают развлека-*

тельные журналы. Из друзей только я одна учусь в вузе, поэтому тему чтения мы не затрагиваем (интервью 4).

Благодаря тому что на большинстве специальностей данного вуза преподаётся курс «Информационная культура», где студентов обучают технологиям поиска информации в библиотеке, трудностей с библиотечными ресурсами они не испытывают. Однако следует заметить, что знаний о книжных интернет-ресурсах им не хватает, поэтому большинство студентов лишены возможности рационально использовать огромное количество информации о книгах, авторах, книжных новинках и т. д.

Особо отметим опыт обращения студентов к семейному «книжному багажу». Мы попытались в разговоре о домашних библиотеках выяснить, пользуются ли студенты в повседневных книжных практиках литературой из домашней библиотеки, какую роль они ей отводят при формировании собственного современного книжного жизненного мира. Итак, было установлено, что домашние библиотеки есть у подавляющего большинства студентов. Их формированием занимались бабушки, они и передавали книги по наследству. Что интересно, дедушек респонденты не упоминали. Состав книжного фонда по авторам и жанрам совпадает практически у всех и соответствует ассортименту советской книжной торговли. В настоящее время пополнения прежних книжных коллекций практически не происходит, кроме серий современного книжного «чтива», представленного однодневными детективами и экземплярами дамской прозы. Отношение студентов к подобному «бабушкиному книжному наследию» достаточно лояльно и позитивно. Таким образом, современные книжники вынуждены довольствоваться книжным опытом, накопленным поколением, которое социализировалось под влиянием жестких идеологических догм, характерных для советского времени. В большинстве случаев поколение родителей не участвовало в формировании книжной культуры исследуемой группы студентов. Получается разрыв, нарушение преемственности в передаче социокультурного и книжного опыта от поколения к поколению.

Наконец, чтобы выяснить, для чего вообще студенты читают, им был задан прямой вопрос: «Зачем Вы читаете?», предполагающий свободный ответ-размышление. Большая часть респондентов тут же начинала отвечать заученными из школы шаб-

лонными фразами типа: *Благодаря чтению я приобретаю жизненный опыт. Удаётся учиться у героев, не повторять ошибки, которые совершили они* (интервью 4); *Мне нравится узнавать, открывать что-то новое для себя. Хочется повышать свой уровень: умственный, познавательный* (интервью 3); *...мне необходимо это в профессии* (интервью 2); *Потому что это необходимо, чтобы сдать экзамены* (интервью 9); *Без чтения нельзя. Все, что черпаешь из чтения, обязательно когда-нибудь пригодится в жизни* (интервью 1). Однако, честно отчеканив то, чему научили, в последних фразах ответов начинали проявляться неосознанные рефлексивные формулировки и интерпретации. Например, встречались высказывания: *Потому что я люблю читать «по факту», мне нравится сам процесс, тем более я люблю книги перечитывать, это приятно* (интервью 5); *...чтобы расслабиться* (интервью 8); *...мне сложно представить, что человек может не читать совсем. Что-то он должен всё же читать* (интервью 2); *...это доставляет удовольствие, особенно когда много свободного времени. Иногда даже бывает, что испытываю какой-то книжный голод* (интервью 7); *Мне просто нравится читать* (интервью 3); *...в книгах всё достаточно приукрашено, слишком идеально, в жизни всё сложнее. Книги — это книги, а реальная жизнь — это другое* (интервью 4); *...чтобы убить время* (интервью 10); *...читаю для души, чтобы расслабиться* (интервью 1). Эти высказывания подтверждают выдвинутую выше гипотезу о том, что для читающего студенчества определяющими конструируемыми ценностями чтения являются интерес и удовольствие.

Выбивается из общего контекста, но видится интересным одно из высказываний, открывающее ещё одну сторону отношения к книге как к репрессии: *У меня есть пример из жизни, как можно отбить любовь к какому-нибудь жанру литературы. Меня в детстве наказывали книгой Чарушина «Друзья». Она про животных. Заставляли всё время читать, а потом пересказывать. Видимо, я плохо запоминал, поэтому родители таким образом пытались развить мою память. Раз плохо запоминал, приходилось учить наизусть. С тех пор я ненавижу не только книжки о животных, но и самих животных* (интервью 10).

Попытаемся создать общий портрет современного городского книжника. Это молодой студент, получающий гуманитар-

ное образование. Является городским жителем во втором поколении, поэтому в своих повседневных практиках не ориентируется на нормы и черты классической городской жизни, характеризующиеся направленностью на потребительские ценности, но стремится к комфорту и удовольствиям. Городскую среду воспринимает как достаточно враждебную, поэтому пытается «укрыться» в узкой группе своих сокурсников, отгораживаясь от сверстников, не вовлечённых в вузовское сообщество. В своей будущей профессиональной деятельности не видит источника высокого социального положения и не имеет представления о сферах деятельности, которые бы привели к нему.

Общение с книгой носит случайный характер. На книжные пристрастия влияют в большей степени «книжные» ценности, транслируемые либо преподавателями, либо членами домашней студенческой группы. Формирования индивидуальных ценностных установок по отношению к книге как продукту книжной культуры не происходит. Поскольку он не считает книгу инструментом достижения успеха в реальном жизненном пространстве, нет стимула к расширению книжного кругозора, к совершенствованию книжных практик — овладению новыми методиками чтения, знакомству с новыми книжными интернет-ресурсами и т. д. В подтверждении этого показателен факт: практически никто из респондентов не может себе позволить покупать не только книги, но и журналы.

В заключение поставим вопросы: «Можно ли считать наших респондентов людьми, освоившими книжную культуру — хотя бы как культуру инструментальную для значимых социальных практик: статусных, профессиональных, карьерных? Обладает ли книжная культура для них символической ценностью?» Судя по результатам интервьюирования студентов Пермского государственного института искусства и культуры, ответы будут отрицательными. Отчего это произошло — тема нашего следующего исследования.

Приложение

Интервью 1. Студентка I курса, специальность — «социально-культурная деятельность», 19 лет, «нижний студенческий слой».

Интервью 2. Студент II курса, специальность — «народное художественное творчество», 21 год, «средний студенческий слой».

Интервью 3. Студентка III курса, специальность — «инструментальное исполнительство», 22 года, «средний студенческий слой».

Интервью 4. Студентка III курса, специальность — «библиотечно-информационная деятельность», 22 года, «нижний студенческий слой».

Интервью 5. Студентка III курса, специальность — «менеджмент организации», 22 года, «нижний студенческий слой».

Интервью 6. Студент III курса, специальность — «менеджмент туризма», 22 года, «нижний студенческий слой».

Интервью 7. Студентка III курса, специальность — «народное художественное творчество», 22 года, «нижний студенческий слой».

Интервью 8. Студент IV курса, специальность — «инструментальное исполнительство», 23 года, «нижний студенческий слой».

Интервью 9. Студентка IV курса, специальность — «библиотечно-информационная деятельность», 23 года, «нижний студенческий слой».

Интервью 10. Студент V курса, специальность — «инструментальное исполнительство», 24 года, «нижний студенческий слой».

Интервью 11. Студентка V курса, специальность — «культурология», 24 года, «нижний студенческий слой».

Примечания

¹ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры : в 3 т. М., 1994. Т. 2, ч. 1 ; Лейбович О. Л. Модернизация в России (к методологии изучения современной отечественной истории). Пермь, 1996.

² Мильграм Б. Пермь как культурная столица России : докл. министра культуры, молодёжной политики и массовых коммуникаций Пермского края на Пятом Пермском экономическом форуме, 12 сентября 2009 г. URL: <http://chirkunov.livejournal.com/163498.html>

³ Иванова Л. Г. Книжная культура, книжность: к определению понятий // Вестн. Перм. гос. техн. у-та. Пермь, 2009. № 2 (23). С. 40—47.

ББК 63.3(2).283.2-74

Н. А. Белова

УЧИТЕЛЬСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В 1920—30-е гг.: ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

В условиях развернувшегося в 1920—30-е гг. социалистического строительства важным показателем социального самочувствия советских людей, в том числе и учителей, была их повседневная жизнь. В последние годы проблема повседневности стала активно разрабатываться¹. Вместе с тем, ценным и недостаточно изученным источником остаются материалы обследований, а также воспоминаний учителей.

В данной статье предпринимается попытка взглянуть на проблему повседневных забот учителей в первые десятилетия советской власти, рассмотреть подробности, чтобы увидеть реальную картину жизни интеллигенции в переломные годы истории нашей страны.

Характер новой власти, «диктатуры пролетариата» в начальный период её истории определялся не только чёткими классовыми приоритетами в управлении, но и затрагивал социальную политику, вопросы снабжения и экономического положения основных категорий служащих, в том числе учителей. Уже в период Гражданской войны и «военного коммунизма» в условиях обесценивания денег, падения их покупательной способности, боль-

---

© Белова Н. А., 2010

Белова Наталья Андреевна — аспирантка сектора этногендерных исследований Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. natale4ka@inbox.ru

шевики вынуждены были компенсировать образовавшиеся проблемы нормированным централизованным снабжением. В 1918 и 1920 гг. появляются декреты о трудовых классовых пайках, по которым вводилась натурализация оплаты труда, а также первоочередное обеспечение красноармейцев и рабочих продовольствием, одеждой, обувью и т. п. Учителя снабжались значительно хуже, по остаточному принципу, и как указывается в обследованиях инспекторов Наркомпроса, «в 2—3 раза меньше необходимого минимума»².

Как показывает положение учителей в Костромской губернии, заработная плата колебалась в пределах 2400—2800 руб. в месяц³. В то же время мука стоила 600 руб. за пуд, картофель — 300—400 руб. за пуд.

В начале 1920-х гг. народный комиссариат просвещения настойчиво ставил вопрос об изменении положения учителей и приравнивании их к наиболее благоприятной категории населения — к красноармейцам. Однако проблема на протяжении всех 1920-х гг. не имела разрешения. По материалам обследований состояния школ, а также положения учителей, повседневное питание учителя состояло в основном из картофеля и чёрного хлеба. Белый хлеб встречался только у семейных учителей, и то в ограниченном количестве. Горячая пища также готовилась исключительно семейными учителями, а одинокие употребляли в основном селедку, треску, хлеб, молоко, редко — мясо и масло⁴.

Многие учителя совершенно не пили чай, заменяя его молоком, разбавленным кипятком, или употребляли вместо чая суррогаты⁵.

Положение учителей ухудшилось в 1922 г., когда промышленные предприятия стали переходить на хозяйственный расчёт. В целом ряде мест учителя не получали зарплату в течение полугода, были вынуждены бросать школу, искать другую работу: давать частные уроки, наниматься подёнщиками к местным кулакам, иногда просить милостыню. По стране в это время прокатилась волна учительских забастовок с требованием улучшить материальное положение. 22 сентября 1922 г. в Макарьеве городской комитет профсоюза работников просвещения постановил: «Не приступать к работе, пока заработная плата не будет полно-

стью выплачена». С большим усилием власти смогли предотвратить выступление учителей⁶.

И только к середине 1920-х гг. положение несколько улучшилось. В 1925 г. учительское жалование продолжало оставаться на уровне 75 % самой низкой ставки промышленного рабочего. В то же время в реальности разница в доходах оставалась кратной: высококвалифицированный учитель зарабатывал 45 руб. в месяц, в то время как рабочие (родители учеников) — 200—250 руб.⁷

В связи с этим интересно взглянуть на бюджет педагога Москвы, приводимый в таблице 1.

Таблица 1

Месячный бюджет педагога в июне 1924 года (43 рубля), %⁸

Жилище, отопление, освещение	7,31
Питание	45,16
Алкоголь/наркотики	2,29
Одежда, обувь	17,76
Хозяйственная продукция	0,05
Культурно-просветительные мероприятия	1,95
Общественно-политические взносы	3,15
Прочее	22,33

Из таблицы видно, что бюджет был скромным. Больше всего из зарплаты в 43 рубля уходило на пропитание (45,16 %).

Немалую долю составляли прочие расходы (22,33 %), куда входили плата за лечение, помощь родным, долги и транспортные расходы. Небольшими были расходы на культурно-просветительские потребности (3,13 %) и мизерными — на хозяйственные нужды (0,05 %). В то же время определённая часть средств (3,13 %) тратилась на партийно-общественные цели, что свидетельствовало о деятельном участии учителей в общественно-политической жизни страны.

Первое упоминание о реальном повышении заработной платы и укреплении авторитета учителя приходится лишь на

1930—1936 гг. В этот период выходит ряд постановлений СНК СССР и УК ВКП (б) «О повышении заработной платы учителей и назначении учителей заведующими и директорами школ». Изменение номинальной заработной платы учителей в 1926—1935 гг.⁹ показано в таблице 2.

Таблица 2

Годы	Среднемесячная заработная плата, руб.	
	город	село
1926/27	50	45
1927/28	55	49
1929/30	60	53
1930/31	73	68
1934/35	110	90

Вместе с тем, в эту картину, казалось бы, улучшения положения учителей вторгались реалии социалистического строительства. Курс на коллективизацию на селе ухудшал снабжение городов. В 1928—1929 гг. в стране была введена карточная система обеспечения городского населения хлебом, а затем и другими продовольственными и промышленными товарами. В партийные комитеты разных уровней стала стекаться информация о невыполнении директив по снабжению учителей карточками, поступали тревожные сообщения о нарушении их материально-правового положения на местах¹⁰.

Вместе с тем, несмотря на директивные указания Наркомпроса в мае 1930 г. о внимании к материальным проблемам учителей, практика полного снятия работников просвещения с пайка продолжалась. Причём в одних случаях снимали с пайка сельского учителя, в других — и семью и самого учителя. Такая информация поступала из округов Нижневолжского края, Ивановской области и других мест.

В Сибири, по сообщениям местных властей, снабжение учителей было также нерегулярным. Учителя здесь вынуждены были сами ездить в поисках хлеба за 40—69 км и платить за пуд 8—10 руб. Местные власти, как следствие, давали официальные

разрешения на закрытие школ на время поездок учителей за хлебом¹¹. И только в декабре 1930 г. профсоюз работников просвещения и Наркомпрос добились перевода учителей на рабочее снабжение, также с этого периода улучшается материальное и служебно-правовое положение учительства. Жилищные условия учителей, по данным обследования московской комиссии врачей, являлись не специфичными, а свойственными для всей средней интеллигенции, которая переживала вместе со страной жилищный общеэкономический кризис¹². В количественном соотношении: 29 % учителей проживали в квартирах, которые предоставляла им школа, 57 % — состояли в жилищных товариществах, 15 % — снимали жильё у арендаторов. «Квартиры все представляют собой новый тип: тёмные коридоры (следствие экономии света), самостоятельно запирающиеся комнаты, тёмные запущенные уборные, такие же кухни. Использовались в быту примусы, от которых появлялась копоть, кругом царит смрад, стирка в кухнях, загромождённость коридоров и комнат вещами»¹³. Как информирует источник, 75 % обследованных квартир не отвечают нормам санитарно-гигиенического контроля, в некоторых семьях стирали даже в комнатах. Вместе с тем сельские учителя, составляя 65 % учительского корпуса, были на 90 % обеспечены жильём, причём 42 % от всесоюзного сельского учительства имели бесплатные квартиры¹⁴.

В 20-е гг. в школах оставалось много других повседневных трудностей. В холодное время помещения плохо отапливались, на уроках ученики сидели в тулупах и шапках. Итоги инспекторских обследований в 1924—1926 гг. показали, что местные власти (исполкомы) обеспечивали школы сырым топливом, да и его заготовливали не своевременно. Забота о дровах зачастую оставалась на плечах самой школы, а точнее — на учителях и родителях. По опросам инспекторов Наркомпроса выяснилось, что местные власти отводили делянку школе в лесу, в 80 верстах, и дрова нельзя было вывезти, пока не будет освоен весь намеченный объём.

Школьная мебель и оборудование также оставляли желать много лучшего. Инспектора сообщали о их крайней изношенности — «парты ветхие, поломаны, разбиты, не пригодны даже к ремонту, требуют замены». В классах стояли многоместные

парты старого «церковно-приходского» типа, сиденья были рассчитаны на 5—6 человек, но сидело за ними вдвое больше. Ученики невысокого роста вынуждены были писать стоя, держа локти на весу. С педагогической точки зрения, по мнению проверяющих, это были расшатавшиеся станки, уродующие организм сельской детворы¹⁵. Учителя жаловались на недостаток школьных досок, а если они и были, то маленькие и старые, не красившиеся с дореволюционных времен. Не хватало также шкафов, столов и стульев для учителей; это приводило к тому, что весь урок приходилось вести стоя. Только к 1938 г. промышленность, производившая типовое учебное оборудование, смогла увеличить его выпуск в 4 раза¹⁶.

Повсеместно в школах остро стоял вопрос о письменных принадлежностях. А. В. Луначарский ещё в годы Гражданской войны сделал пометку в своей записной книжке: «...в 1919—1920 годах в селах и городах Казанской и Вятской губерний вместо карандашей употребляли древесный уголь, в Екатеринбургской и Орловской — свинцовые палочки, в Псковской делали чернила из свёклы, в Ярославской — из клюквы и шишек ольхи, в Вологодской — из сажи; в тех же губерниях писали на дощечках... печных заслонках и листах старого железа... в Архангельской, Орловской и Пермской губерниях тетради делали из старых местных архивов, а “буквари” составляли из газетных заголовков, плакатов и лозунгов»¹⁷. Вопрос о письменных принадлежностях — бумаге, перьях, ручках, карандашах оставался острым и в середине 1920-х гг. Их можно было приобрести на рынке по высокой цене. Так, тетрадь стоила 5 фунтов ржи, карандаш — 10 фунтов, букварь — пуд ржи, а учебник по истории Покровского — 3 пуда ржи. Для многих родителей это было неподъёмным. Поэтому тетради для детей они составляли из остатков налоговых ведомостей, приобретали вскладчину на базаре старые учебники, из расчёта 1 книга на 4 человека¹⁸. Вместо карандашей в сельской школе с успехом применялись деревянные палочки величиной с карандаш, которые связывали в пучок по 10 штук, обмазывали тестом или глиной и обжигали в натопленной печи. Палочки превращались в угольки, которыми и писали как карандашами, в том числе на уже использованной бумаге — газетной, обёрточной, серой и жёлтой¹⁹. Положение со снабжением школы письменны-

ми принадлежностями начинает меняться с 1925/26 учебного года, когда нормы материально-технического обеспечения школ стал определять Госплан. Государство впервые ассигновало 1,5 млн рублей на бесплатное снабжение сельских школ учебниками и около 3,5 млн рублей на письменные принадлежности. Учащемуся полагались 12 тетрадей, 2 чёрных карандаша, 1 ручка, 4 пера. В каждую сельскую школу высылались также 1 линейка на 4 человека, 1 треугольник и 8 цветных карандашей на 8 человек и наглядные пособия: карта СССР, карта полушарий, складной метр, лупа, медный граммовый разновес, термометр Цельсия на одной шкале²⁰. Одновременно из местных бюджетов на письменные принадлежности, наглядные и учебные пособия было запланировано израсходовать 10 % от выделенных средств, остальное закупали родительские комитеты содействия и приобретали сами учащиеся.

Трудности повседневной жизни в конце 1920—30-х гг. не останавливали подавляющее большинство учителей, проникнутых, к тому же, широко распространённой в начале XX века симпатией и любовью к простому народу. Воспоминания О. П. Аристовой передают энтузиазм учителей того времени: «Откуда брались силы? В 2 смены учиться, не пропускать собраний, ходить на завод, в производственно-хозяйственные школы, иметь свою семью, а также уделять время на проверку тетрадей и подготовку к урокам». Помимо этого общественные поручения, выполняемые учителями, состояли из нескольких пунктов:

- 1) ликвидация неграмотности,
- 2) участие в агитационных кампаниях на выборах,
- 3) распространение государственных займов,
- 4) сбор членских взносов.

Сбор членских взносов был очень обременителен, но учителя их сдавали охотно и регулярно. Деньги шли по нескольким направлениям:

- 1) помощь пострадавшим от несчастных случаев,
- 2) подарки новорожденным,
- 3) коллективные выходы в театр,
- 4) экскурсии в столицу и крупные города,
- 5) постановки семейных вечеров в красные дни календаря²¹.

Активная общественная работа устраивалась в уездах губернии. Так, на страницах органа Костромского губкома ВЛКСМ газеты «Смена» распространялся опыт «вечеров самодеятельности», «культурных огоньков», «кооперативного просвещения». В Буйском уезде при Цикалевской избе-читальне удалось организовать кооперативный кружок, который давал разъяснения крестьянам о важности кооперативного строительства. А вот «красный уголок» села Нероново развернул юридическую помощь, жители могли получить необходимую справку, бесплатно составить заявление. Здесь же учителя проводили чтение газет и культурные беседы²².

Сельская учительница М. А. Добровольская, которая проработала 42 года в школе, вспоминает, что наполняемость класса достигала 90 человек, но неутомимость позволяла ей осуществлять и внешкольную работу. К её заслугам можно отнести организацию библиотеки, читальни, проведение народных чтений для крестьян, а летом — организацию детских яслей²³. О. В. Груздева с 18 лет начала работу сельской учительницей и трудилась 47 лет. По её воспоминаниям, состоя на службе, она принимала активное участие во всех мероприятиях советской власти: работала по программе продналог, ликвидации неграмотности, активно пропагандировала политику советской власти в школе и вне школы²⁴.

Учителя, и в этом особенность революционной эпохи, привлекались к антирелигиозной пропаганде, проявляли изобретательность в распространении атеистических знаний среди крестьян и рабочих. Кино в то время было новинкой, поэтому в момент прибытия синемаатографа (передвижки) представления пользовались большим успехом²⁵. Учителя перед началом сеанса проводили политическую агитацию, читали доклады на тему «Религия и быт», «Что такое церковь и государство?», и только после выступлений устраивался просмотр фильмов²⁶.

Иногда учителям приходилось организовывать общественную работу по внедрению культурных нововведений в сельском хозяйстве с участием учащихся средних школ. В деревнях устраивали опытно-показательное кормление скота, а в кружках активно выступали ученики с докладами «Многополье», «Семенные фонды»²⁷.

В источниках упоминается о том, что и в рабочей, и в крестьянской молодёжной среде не было желания просто ходить в партийные и комсомольские кружки и «глотать там одни параграфы и бумажные шпаргалки», а хотелось развлечений. В те места, где организовывались пения и танцы под гармошку, где была возможность узнать интересные новости и в перерыв прочитать газету, молодёжь шла более охотно²⁸.

Влияние комсомола на деревенскую молодёжь увеличивалось, если удавалось организовать кружки с определённым занятием. Так, в деревне Палкино был организован кружок «Кройки и шитья», именно поэтому желающих вступить в комсомол было много. Сохранились крестьянские отзывы о деятельности комсомольских ячеек, организованных учителями: «На кой чёрт нам на комсомольские собрания ходить. У нас нет ни времени, ни желания, а вот организация различных ремесленных кружков это их важнейшая задача»²⁹.

Популярностью у крестьян пользовались различные спектакли. В деревне Погост-Барский А. Капустина, местная комсомолка-учительница, развернула активную работу. Она организовывала постановки школьных спектаклей, с её помощью были открыты сельскохозяйственный кружок и «красный уголок», где проходили громкие читки газет³⁰.

Со стороны руководства союза Рабпроса внимание уделялось созданию различных школьных стенгазет. Между коллективами газет часто устраивались соревнования. В газете «Смена» было напечатано объявление, в котором говорилось, что они организуют конкурс среди стенгазет нашей губернии. В объявлении также указывались правила для участия в конкурсе. Местная газета должна была выходить не реже, чем два раза в месяц. Лучшие газеты поощрялись 10 премиями общей суммой в 100 рублей³¹. Хуже дело обстояло с библиотеками. Плохо поступала новая литература. Количество книг по губернии в расчёте на каждую библиотеку составляло 732 экземпляра, из них беллетристики — 344, научной литературы — 388. В то же время отмечалась низкая посещаемость. В одной из фабричных библиотек, по статистике, ежемесячных посещений среди молодежи — 113, взрослых — 145, количество партийных читателей и комсомольцев —

58, беспартийных — 55. По данным читательских билетов видно, что большим спросом пользовались книги «Цемент» Гладкова, «Неделя» Лебединского, «Железный поток» Серафимовича. Читали и «Анну Каренину», «Воскресенье» Л. Н. Толстого, произведения А. П. Чехова и других классиков. Из научной литературы пользовались спросом книги о происхождении жизни на Земле³².

В 1929 г. Костромская губерния была преобразована в округ в составе Ивановской промышленной области. Учителям, работая в окружном правлении Союза, часто приходилось выезжать в районы на перевыборы низовых профорганов по бездорожью, в любую погоду. Так, по воспоминаниям Е. К. Беляшиной, выужной дорогой до Сусанино «6 км бежали за санями, ехали ещё 6 км, а потом снова бежали, ночевали в прокуренной чайной, где было ужасно холодно, чуть свет снова в путь, да путь в 60 км был мучительным, но жаловаться нельзя нам, надо работать! Нагрузка была очень большой!»³³.

Повседневная история в известной мере восполняет пробел в наших знаниях о прошлом и помогает воссоздать полноту жизни общества изо дня в день. Реалии революционной эпохи советского социалистического строительства в 1920—30-е гг. непосредственно и довольно тяжёлым образом отразились на повседневной жизни всего советского народа, в том числе и учителей. Но вера в светлое будущее, желание вносить реальный вклад в культурное обновление страны помогали учителям справляться с материальными и бытовыми трудностями, способствовали поднятию общего уровня образования населения, преодолению культурной и технологической отсталости страны.

Примечания

¹ *Лебина Н. Б.* Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии, 1920—30-е годы. СПб., 1999; *Пушкарёва Н. Л.* История повседневности и частной жизни глазами историка // Социальная история. 2003. М., 2003. С. 54; *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001.

² Народное просвещение. 1925. № 10/11. С. 104.

- ³ Платёжные ведомости на выдачу заработной платы служащих школ взрослых г. Костромы. 1929. Нояб.
- ⁴ Народное просвещение. 1925. № 10/11. С. 117.
- ⁵ Там же. 1924. № 9/10. С. 15.
- ⁶ *Рябинин А.* Учителство и НЭП: изучая документы // Северная правда. 1991. 1 нояб.
- ⁷ *Рожков А. Ю.* В кругу сверстников : жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х гг. Краснодар, 2002. С. 99.
- ⁸ *Гельман И.* Труд и здоровье педагога. М., 1926. С. 4.
- ⁹ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-5462. Оп. 11. Д. 153. Л. 43 ; Кадры просвещения. М., 1936. С. 210.
- ¹⁰ Государственный архив новейшей истории Костромской области. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 18. Л. 40—44 ; Ф.Р-160. Оп. 1. Д. 4. Л. 8—11.
- ¹¹ Народное просвещение. 1930. № 7/8. С. 9.
- ¹² Там же. С. 5.
- ¹³ Там же. С. 32.
- ¹⁴ Всесоюзная школьная перепись 15 декабря 1927 года : в 3 т. М., 1930. Т. 1. С. XXIX.
- ¹⁵ Народное просвещение. 1924. № 11/13. С. 185.
- ¹⁶ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 70. Л. 2.
- ¹⁷ *Луначарский А. В.* О воспитании и образовании. М., 1976. С. 30—33.
- ¹⁸ Народный учитель. 1924. № 10. С. 9.
- ¹⁹ Там же. С. 126.
- ²⁰ Народное просвещение. 1925. № 10/11. С. 41—42.
- ²¹ Летопись к 50-летию Союза работников просвещения. Кострома, 1969. С. 27—29.
- ²² Смена. Кострома. 1928. № 6. Янв.
- ²³ Летопись к 50-летию Союза работников просвещения. С. 32.
- ²⁴ Там же С. 45.
- ²⁵ Там же. С. 18.
- ²⁶ Смена. Кострома. 1928. № 6. Янв.
- ²⁷ Там же. 1928. № 7. Февр.
- ²⁸ Там же. 1927. № 2. Февр.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же. № 14. Янв.
- ³³ Летопись к 50-летию Союза работников просвещения. С. 32.

А. В. Борзов

**КОНСЕРВАТИВНЫЕ КАТОЛИЧЕСКИЕ
ИНТЕЛЛИГЕНТЫ США В 1970—80-е гг.
И АДМИНИСТРАЦИЯ Р. РЕЙГАНА**

В американском обществе период 1970—80-х гг. характеризуется усилением консервативных настроений. Специфической чертой этой «консервативной волны» стала важность её религиозно-ценностной составляющей. Значительная часть американцев болезненно восприняла послевоенную культурную революцию на Западе, секуляризацию американского общества и усиление морально-этического релятивизма. Эти процессы зачастую поддерживались или даже инициировались федеральным правительством. Многие американцы связывали разгул преступности, дезинтеграцию семей, деградацию морального облика нации, даже экономические и внешнеполитические проблемы именно с отказом от традиционных религиозно-этических ориентиров. Так полагали не только определённые клерикальные круги и жители консервативной и религиозной глубинки, но также некоторые представители интеллигентов. В 1970-х гг. в среде американской академической, религиозной и журналистской интеллигенции активизируется движение культурно-религиозного консерватизма. Особое место в нём заняли интеллигалы католического вероисповедания. Это произошло на фоне усиления голоса католической церкви в общественных дебатах США. Среди наиболее видных культурных консерваторов-католиков — историк и философ, «отец» послевоенного американского консерватизма Рассел Керк (он перешёл из протестантизма в католицизм в 1960-х гг.), военный исследователь Уильям Линд, политический комментатор и священнослужитель — диакон Мелькитской Греко-католической церкви (восточного

© Борзов А. В., 2010

Борзов Алексей Владимирович — аспирант кафедры новой и новейшей истории Владимирского государственного гуманитарного университета. borzovalex@yandex.ru

обряда) Пол Уайрич, политолог Майкл Новак, политический активист Ричард Вигери и некоторые другие. В конце 1970-х гг. данные деятели активизировали взаимоотношения с консервативными политическими кругами.

Так было положено начало движению Новой религиозной правдой, которое сыграло важную роль в приходе республиканской партии к власти в 1980 г. Ещё в конце 1970-х гг. по инициативе Пола Уайрича были созданы общественно-политическая организация «Моральное большинство» и исследовательский центр «Фонд наследия», который стал одним из важнейших консервативных мозговых трестов США. В 1980-е гг. программа культурных консерваторов вошла в морально-религиозную повестку дня деятельности администрации Рейгана и многих консервативных конгрессменов. В общественном мнении и исследовательской литературе консервативная идеология Рейгана в морально-религиозной сфере чаще всего ассоциируется с протестантским фундаментализмом. Вместе с тем, своё влияние на деятельность республиканцев в 1980-х гг. оказала и католическая церковь. Этот аспект не стал предметом достаточно глубокого рассмотрения. Целью данной статьи является характеристика религиозных взглядов культурных консерваторов из среды католической интеллигенции и выявление их влияния на политическую идеологию и программу администрации Р. Рейгана.

Движение культурных консерваторов-католиков провозглашало своим кредо сохранение и возрождение традиционной западной (в частности — американской) культуры. В данном случае под культурой подразумевалась совокупность базовых установок, представлений и ценностей, определяющих бытие общества. В трактовке У. Линда культура — «это образы мышления, жизни и поведения, характеризующие людей и подчёркивающие их достижения. Это коллективный дух нации, её восприятие правоты и неправоты, способ достижения реальности и самоинтерпретации. <...> Это мораль и привычки, которые мы стремимся привить своим детям... наши определения долга, чести и достоинства...»¹. Для консервативных интеллектуалов источником и первоосновой любой культуры как цивилизационной общности являлась религия. Р. Керк отмечает: «Многие культуры человечества возникают из культов. Культ — это совместное собрание людей для поклонения, попытка людей всту-

пить в общение с трансцендентной силой. Из культового сообщества, то есть из сообщества верующих вырастает человеческое сообщество. <...> Объединение людей для соблюдения культа делает возможным сотрудничество, взаимодействие между людьми во многих других сферах»². В этой связи утверждалось, что американская культура, как и любая другая западная культура, содержит в качестве своей активной основы именно христианскую религию. Причём католические интеллигенты в данном случае имели в виду не выхолощенный примитивный протестантизм пилигримов Новой Англии, а тысячелетнюю христианскую традицию Европы и Ближнего Востока: «Американская цивилизация нашей эры имеет свои корни в [религиозных общинах] Палестины, Греции, Италии тысячелетней давности. Огромные материальные достижения нашей цивилизации стали результатами, пусть и отдалёнными, духовных откровений пророков и провидцев»³. Эти строки наводят на следующие выводы. Во-первых, консервативные интеллектуалы-католики США второй половины XX века были уверены в том, что католическая церковь гармонично интегрировалась в северо-американскую цивилизационно-историческую реальность, стала для неё «своей». Во-вторых, они по умолчанию отвергали привилегию новоанглийского протестантизма как единственного религиозного источника американской идентичности и считали, что традиционный ценностно-этический мир США связан с католической религиозностью в такой же степени, как и аналогичный мир Европы.

В соответствии с воззрениями культурных консерваторов, религиозные иудео-христианские ценности жизненно важны для западной цивилизации, так как они формируют чёткое представление о добре и зле, вневременные и непререкаемые табу и ограничители инстинктов несовершенного человека, культивируют самодисциплину, осуждают гедонизм и моральный релятивизм, что необходимо для процветания и свободы отдельного индивида и западного общества в целом. Консервативные философы выдвинули гипотезу о том, что именно христианская система ценностей «способна производить максимальный баланс между индивидуальными правами и властью общества, привнося, таким образом, гармонию в культуру»⁴.

В связи с этими принципами консервативная католическая интеллигенция негативно оценивала изменения, произошедшие в морально-этических и ценностных установках значительной час-

ти западного общества, в том числе и США, в XX веке. По мнению Рассела Керка, культурная революция означала «отказ Запада, Востока и всего человечества от своей многовековой цивилизации»⁵. Данное положение наиболее сильно проявлялось в сфере морали и этики. В Америке и Европе это было сопряжено с усилением этического релятивизма, доминированием на общественном форуме плюрализма и «свободного рынка» применительно к моральным нормам⁶. Социокультурный «дрейф», которому подвергся Запад, был напрямую обусловлен, по мнению консерваторов, кризисом религиозного сознания. Керк пишет, что сегодня «религиозная вера... ослаблена, будучи секуляризованной и превращённой в элемент социальной трансформации. <...> Если культ, религия ослабляется с течением времени, то это приводит ко всеобщему и быстрому распаду культуры»⁷. Так как в данном случае под культурой понимаются все аспекты цивилизационного бытия, то, по мнению католиков-консерваторов, отказ от христианской веры и христианской морали неизбежно вызвал не только кризисные явления в духовной жизни как таковой, но и упадок во всех остальных сферах американского социума — в том числе и в материально-экономической⁸. Кроме того, консерваторы напрямую увязывали, с одной стороны, упадок религиозности, а с другой — рост насилия, преступности, атомизацию общества. По мнению Керка, выхолащивание традиционного религиозного сознания неизбежно ведёт, в частности, к потере морального воображения и «правильно устроенного разума»⁹, необходимого для поддержания социальной толерантности.

Принимая и одобряя достижения социально-экономического и научно-технического прогресса человечества, культурный консерватизм осуждал стремительное следование по пути прогресса в отрыве от духовно-религиозных целей и ориентиров: «Самые серьёзные беды современной цивилизации вызваны... резким отделением внешних атрибутов умудренной цивилизации от питающего её культа, с его проблеском трансцендентного»¹⁰.

Культурная революция и связанное с ней наступление постмодерна, которое сегодня переживает Запад, воспринимались католическими мыслителями в пессимистично-трагических, эсхатологических тонах и совпадали, по их мнению, с началом постхристианской, если не антихристианской, эры. Керк предосте-

регал, что после отказа от христианской культуры возникнет потребность в новой культуре, а следовательно — в новом культе, новой трансцендентной санкции, возможно каком-то «богоявлении», в нечто «более живучем, чем марксистская идеология, которая была жестокой попыткой найти новую веру и новую культуру»¹¹. Керк исходил из той посылки, что человечество неизбежно нуждается в религии и культе, и здесь очевиден намёк на то, что в данных обстоятельствах Америка и весь Запад логически готовят себя к принятию новой религии Антихриста.

Важнейшей мишенью для критики со стороны культурных консерваторов-католиков, как и протестантских фундаменталистов, стал не столько атеизм сам по себе, сколько светский гуманизм, который, однако, трактовался широко и часто служил ярлыком для большинства либералов. Данная идеология рассматривалась как главный источник культурной радикализации американского общества, его отхода от традиционных христианских ценностей. По мнению Рассела Керка, мировоззрение светских гуманистов последней трети XX века носило «воинствующий», нетерпимый характер, и именно с их чаяниями совпадает наступление постхристианской эры и решительный разрыв с культурным прошлым¹².

В качестве выхода из кризисных ситуаций современности консервативная католическая интеллигенция предлагала вновь сделать аксиомой тезис о неразрывной обусловленности культуры религией, возродить традиционную христианскую религиозность и связанные с ней моральные абсолюты: «Только возродив чувство священного, возвратившись к христианскому пониманию человеческой природы и её ограничений, американская нация может противостоять идеологическим шаблонам и восстановить тот... образ жизни, который мы называем “американской культурой”»¹³.

Консервативные католики-интеллектуалы, очевидно, ощущали себя в некоторой изолированности внутри своей собственной социальной прослойки, где в данный период времени преобладали секулярно-прогрессивистские идеи. В этой связи они декларировали свою мировоззренческую близость скорее к простому жителю американской провинции, чем к профессиональным и интеллектуальным собратьям. Католические интеллигенты-консерваторы противопоставляли, с одной стороны, мировоззрение значительной части интеллигенции и высшего общества и, с другой — морально-

этические установки простых американцев, апеллируя к последним как хранителям христианской веры и истинно американских ценностей. Рассел Керк пишет: «Связь между религиозной верой и высокой культурой... была отвергнута или проигнорирована интеллектуалами, но не была забыта простыми людьми»¹⁴.

Признавая ведущих персоналий западного христианства (Христа, Августина Блаженного, Фому Аквинского) своими мировоззренческими авторитетами и провозглашая укоренённость ценностей западной цивилизации в христианском религиозном учении, культурные консерваторы-католики, тем не менее, подчёркивали светский характер своей программы. Все наиболее видные представители данного движения были убеждёнными христианами и в своей индивидуальной церковной жизни, очевидно, делали упор на трансцендентный и «неотмирный» аспект религиозных убеждений, но они избегали признавать самоценность религиозных представлений в публичной платформе своей идеологии. Кредо культурного консерватизма — это не догматические, церковно-канонические или литургические аспекты западного христианства, а хранимые им ценности и этические представления, которые вполне могут быть функциональными и для нерелигиозного человека. Пол Уайрич утверждал, что «человек может быть культурным консерватором на чисто светской основе... как и тот, кто пришёл к своим политическим убеждениям от религии»¹⁵. Данное мнение связано с убеждённостью в том, что христианская ценностно-этическая система настолько глубоко вошла в ткань американской нации, что разделяется подавляющим числом граждан США, независимо от степени их «воцерковлённости» и даже вероисповедания: «...христианство, иногда в выхолащенной форме, — это религия большинства современных американцев. Помимо церковных сообществ, существуют миллионы американцев, не посещающих церкви, но находящихся под сильным влиянием христианской морали; более того, почти каждый, кто долго живёт в Америке, будь это иудей или мусульманин, в значительной степени приспособливается к народным обычаям и традициям Америки, которые являются христианскими по своему происхождению». Данная идея, в целом, разделялась Рейганом, который заявлял, что общие традиционные ценности разделяются большинством американцев, «какое бы ни было их этническое, расовое, религиозное происхождение»¹⁶. Консервативные католиче-

ские интеллектуалы, в том числе наиболее радикальные в своих взглядах, обращали внимание на христианскую религиозность афроамериканцев и латиноамериканских иммигрантов¹⁷. Это связано с тем, что для религиозно-консервативного движения 1970—80-х гг. характерно изживание расизма и стремление к диалогу с национальными и расовыми меньшинствами.

С 1970—80-х гг. американские католики-традиционалисты признали консервативных протестантов в известной степени своими идейными союзниками и, в итоге, выступили с ними единым политическим фронтом в рамках движения «религиозной правдой», поддержавшего Р. Рейгана. Тем не менее, католические интеллигенты — идеологи культурного консерватизма — отчётливо дистанцировались от протестантского фундаментализма и связанных с ним доминионистско-теократических идей, оставаясь в одном с протестантами политическом движении. У. Линд отмечал, что «одним из неверных представлений об американских культурных консерваторах — членах политического движения новой религиозной правдой — является предубеждение, что они будто бы нацелены на создание в США теократии в духе протестантского сектантства, нечто вроде колонии Массачусетского залива, где религиозный примитивизм и протестантский евангелизм будут поддержаны всей мощью и силой государства. Ярлык протестантского фундаментализма для новой религиозной правдой неуместен. Многие из её лидеров — католики»¹⁸. Католические интеллигенты всячески подчёркивали надконфессиональный характер основанного ими движения культурного консерватизма, в котором было много протестантов, а также исповедующих иудаизм.

Принципиально важным во взглядах консервативной католической интеллигенции было то, что она не придерживалась твёрдого антиэтатизма. В планы культурных консерваторов не входило установление теократии, однако они считали необходимым, чтобы государство взяло на себя активные полномочия по морально-религиозному возрождению Америки. У. Линд пишет: «В отличие от прочих консерваторов [культурные консерваторы] рассматривают правительство в качестве позитивной силы, которой принадлежит важная роль в утверждении традиционных ценностей, как посредством их популяризации, так и в некоторых случаях принуждения к их соблюдению»¹⁹.

В то же время, консервативные интеллектуалы-католики отстаивали принцип отделения церкви от государства, оговаривая при этом, что государство должно уважительно относиться ко всем конфессиям, «не оказывая ни на одну из них никакого давления»²⁰. В данном тезисе завуалировано стремление минимизировать вмешательство либерального правительства в те сферы общественной и индивидуальной жизни, которые должны, по мнению культурных консерваторов, регулироваться традиционными религиозно-этическими нормами и представлениями. Фактически, движение культурного консерватизма носило не наступательный, а, скорее, оборонительный характер, так как было связано со стремлением «защитить нашу веру, наши семьи и наши общины от секуляристских радикальных атак»²¹. Принцип уважительного отношения к различным религиозным конфессиям является основой консервативного аккомодационистского подхода к церковно-государственным отношениям.

Влияние консервативных католических интеллектуалов на деятельность администрации Рейгана в сфере церковно-государственных отношений проявилось также и в том, что они, наряду с другими консерваторами, обосновали при помощи религии концепцию «изначального намерения» в интерпретации Конституции. «Идеи относительно того, как человек должен трактовать свою собственную природу, не теряют ценности просто по прошествии какого-то временного периода. Это убеждение ведёт нас не только к традиционным личностным ценностям, но и к таким политическим концепциям, как “изначальное намерение”, — концепции, в соответствии с которой Конституцию следует интерпретировать в свете замыслов и разумения тех, кто её писал»²², — отмечал У. Линд.

Культурные консерваторы, в том числе интеллектуалы-католики, обращали особое внимание на общеобразовательные школы и федеральную судебную систему как на главные агенты дехристианизации социума. Рассел Керк пишет: «Наши общеобразовательные школы, почти всецело секуляризованные, умерщвляют религиозное воображение, федеральные суды часто имеют тенденцию выражать неодобрительное отношение к христианской морали и претензиям церквей на свою независимость»²³. Религиозная политика администрации Рейгана была направлена преимущественно на эти сферы. Одними из важнейших пунктов

морально-религиозной программы президента и республиканской партии были возвращение религии в общеобразовательные школы и назначение в федеральную судебную систему тех судей, которые придерживаются традиционных морально-этических ценностей²⁴ и разделяют консервативные взгляды на церковно-государственные отношения. Показательно, что в кадровой политике Рейгана в отношении судов было очень заметно католическое влияние. Рональд Рейган назначил в федеральные суды больше католиков, чем любой другой президент до него, причём номинируемые судья зачастую были практикующими верующими с традиционалистскими взглядами на мораль и этику.

Одним из болезненных вопросов современной американской жизни, которым консервативная католическая интеллигенция уделила особо пристальное внимание, был вопрос об абортах. Легализация аборт рассматривалась ей как одно из наиболее трагических явлений культурной революции послевоенной Америки. По мнению Рассела Керка, распространённость аборт являлась свидетельством падения христианской веры и христианской морали, «отступления от них в пользу неверия... и атеизма»²⁵. Католические интеллектуалы указывали на то, что движение «Право на жизнь» (общественное движение за отмену легализации аборт) было одним из предшественников культурного консерватизма. По их мнению, «оно привлекло общественное внимание к, возможно, самому острому конфликту между традиционными ценностями и культурным радикализмом: конфликту между уважением к жизни и “новой моралью”, для которой жизнь имеет второстепенное значение»²⁶.

Между взглядами Рейгана в вопросе об абортах и позицией консервативной католической интеллигенции имелось принципиальное отличие. Отрицательное отношение к абортам у последних было интегрировано в более широкую идею священности и ценности жизни невинного человека и не отделялось от стремления предотвратить вооружённые конфликты или материально помочь нуждающимся. Уильям Линд пишет: «Благоговеющее отношение к жизни невинного существа, может быть, самая властная общая норма традиционной западной культуры. Она заложена в сердцевине извечных стремлений обуздать войну, заботиться о бедных и детях, обеспечить старость и улучшить общественное

здоровье и медицинскую науку...»²⁷ Эта позиция схожа с официальной доктриной католической церкви США по данному вопросу, так называемой «последовательной этикой жизни» — религиозно-политической концепцией, выдвинутой Конференцией Епископов США. В этой концепции жёстко завязаны между собой и отрицательное отношение к абортam, и осуждение смертной казни, и необходимость борьбы за ядерное разоружение²⁸. В отличие от культурных консерваторов и официальной католической церкви, Рейган, официально заявляя о приверженности идее «священности человеческой жизни», игнорировал в своей риторике и деятельности остальные, помимо абортov, составляющие данной религиозно-этической доктрины.

Между мировоззрением консервативной католической интеллигенции и идейной позицией администрации Рейгана имелись и другие существенные отличия. Несовпадение взглядов просматривалось в вопросах взаимоотношения религии и политики в Америке. Подчёркивая цивилизационную важность христианства для американской нации, значительная часть католиков-традиционалистов была далека от сакрализации и религиозного обоснования политической системы США, что было характерно для Рейгана и других консервативных политиков. Президент в своих выступлениях часто рассуждал о религиозной вере в политически-утилитарном смысле, заостряя внимание на её важности для американской демократии, республиканских институтов, политической жизни в целом²⁹. Рейган заявлял, что церковь воспитывает смирение, «а только те, кто достаточно смиренны, могут привести в демократию терпимость»³⁰. Рассел Керк, напротив, употреблял слово «демократия» преимущественно в негативном значении, подразумевая, как минимум, частичную несовместимость культурно-религиозного консерватизма и современных демократических ценностей. Однако следует отметить, что большинство культурных консерваторов-католиков не выступали против демократии. Они фокусировали свои идеи на том, что «существует необходимая и причинная связь между традиционными... иудео-христианскими ценностями, представлениями о правильном и неправильном... — параметрами западной культуры — и “мирскими” успехами западных обществ: их процветанием, свободами и возможностями»³¹. Но при этом отношение консервативной като-

лической интеллигенции к религиозной вере отличалось меньшей утилитарностью и политической ангажированностью, чем аналогичная позиция президента Рейгана или неоконсерваторов.

Консервативная католическая интеллигенция, которая на рубеже 1970—80-х гг. активно вошла в политическую жизнь с целью способствовать христианскому возрождению Америки и поддержала республиканцев во главе с Рейганом, стала подвергаться серьёзной критике политический курс Белого Дома и «религиозной правдой» со второй половины 1980-х гг. По мнению П. Уайрича, консервативный политиком 1980-х гг., в первую очередь республиканцы и сам президент, неоправданно ограничили религиозно-этическую повестку дня вопросами о школьной молитве и абортх. Культурные консерваторы признавали безусловную важность данных проблем, но считали, что консервативное движение проигнорировало общий цивилизационный кризис американского социума: «Этих двух вопросов явно недостаточно, чтобы сдвинуть страну. <...> Это не повлияло бы существенным образом на процесс общего культурного упадка нации, отхода от традиционных ценностей. С точки зрения формирования такой программы, которая была бы достаточно широкой и глубокой для того, чтобы предотвратить культурный упадок, мы провалились. <...> [Консерваторы оказались неспособны] осознать решающие проблемы нашего времени: закат Америки и упадок нации»³². Консервативные католические интеллектуалы были недовольны отсутствием реальных успехов в реализации даже ограниченной морально-религиозной программы, принятой Белым Домом и конгрессменами-республиканцами.

Таким образом, в 1960—80-е гг. в среде католической интеллигенции формируется движение культурного консерватизма, что стало реакцией на происходившие в западном обществе процессы секуляризации и радикального изменения ценностно-этических установок в духе контркультуры. Консервативные католики-интеллектуалы, выдвигая в качестве постулата прямую обусловленность культуры и цивилизации религией, призывали восстановить в современном американском обществе влияние традиционных христианских ценностей. На волне усиления присутствия католической церкви в общественно-политической жизни США, они оказали влияние на формирование внутривнутриполитической идеологии и про-

граммы Р. Рейгана. Многие высказывания президента о необходимости усиления роли религии и традиционных ценностей в США напрямую коррелировали с идеями консервативной католической интеллигенции. В то же время, в 1980-е гг. между консервативными политиками и католическими интеллектуалами выявились разногласия как на уровне самих религиозных идей, так и на уровне их реализации. Ведущие представители культурного консерватизма из среды католической интеллигенции — П. Уайрич, Р. Керк, У. Линд — хотя и приняли активное участие в политической жизни США конца 1970—80-х гг., тем не менее, сохранили свою мировоззренческую независимость. Поддержав Рейгана и республиканцев постольку, поскольку те приняли их морально-религиозную программу, они сохраняли дистанцию с Белым Домом и критиковали его политику. Это особенно ярко проявилось уже после ухода Рейгана, когда многие культурные консерваторы католического вероисповедания, в том числе и Пэт Бьюкенен, частично или полностью размежевались с республиканским истеблишментом, который, по причине возрастающего влияния неоконсерваторов, стал цитаделью имперской идеологии, глобализма и внешнеполитического интервенционизма. Движение культурных консерваторов в среде католической интеллигенции в 1970—80-х гг. являет собой пример того, что христианский консерватизм, во-первых, не ассоциирован с обскурантизмом и интеллектуальным примитивизмом, а во-вторых, далеко не всегда сопряжён с ура-патриотическими настроениями и желанием срастить церковь с государственной машиной.

Примечания

¹ Линд У., Маршнер У. Культурный консерватизм. К новой национальной повестке дня // Рахшмир П. Ю. Культурный консерватизм в США. Пермь, 1995. С. 30.

² Kirk R. Civilization without Religion? URL: <http://www.orthodoxytoday.org/articles/KirkCivilization.php> (дата обращения: 30.04.2010).

³ Ibid.

⁴ Kirk R. Renewing a Shaken Culture. URL: <http://www.heritage.org/Research/Lecture/Renewing-a-Shaken-Culture> (дата обращения: 30.04.2010).

⁵ Kirk R. Civilization without Religion?

- ⁶ Линд У., Маршнер У. Указ. соч. С. 31.
- ⁷ Kirk R. Civilization without Religion?
- ⁸ Kirk R. Renewing a Shaken Culture.
- ⁹ Ibid.
- ¹⁰ Ibid.
- ¹¹ Ibid.
- ¹² Kirk R. Civilization without Religion?
- ¹³ Kirk R. Renewing a Shaken Culture.
- ¹⁴ Ibid.
- ¹⁵ См.: Линд У. Что такое культурный консерватизм? // Рахшмир П. Ю. Культурный консерватизм в США. С. 20.
- ¹⁶ Remarks at the Centennial Meeting of the Supreme Council of the Knights of Columbus in Hartford, Connecticut. August 3, 1982. URL: http://www.reagan.utexas.edu/search/speeches/speech_srch.html (дата обращения: 05.03.2006).
- ¹⁷ Kirk R. Renewing a Shaken Culture.
- ¹⁸ Линд У. Указ. соч. С. 19.
- ¹⁹ Там же. С. 25.
- ²⁰ Уайрич П. Культурный консерватизм и консервативное движение // Рахшмир П. Ю. Культурный консерватизм в США. С. 47.
- ²¹ Там же.
- ²² Линд У. Указ. соч. С. 25.
- ²³ Kirk R. Renewing a Shaken Culture.
- ²⁴ 1980 Republican Party Platform. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=25844> (дата обращения: 03.04.2010).
- ²⁵ Kirk R. Renewing a Shaken Culture.
- ²⁶ Линд У., Маршнер У. Указ. соч. С. 36.
- ²⁷ Там же. С. 37.
- ²⁸ McLoughlin M. America's New Civil War // U.S. News and World Report. 1988. October 3. P. 28.
- ²⁹ Radio Address to the Nation on Education. March 12, 1983. URL: <http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1983/31283a.htm> (дата обращения: 05.03.2006); Written Responses to Questions Submitted by Indro Montanelli, Editor of Il Giornale, on Foreign & Domestic Issues. June 1, 1984. URL: http://www.reagan.utexas.edu/spearch/speeches/speech_srch.html (дата обращения: 05.03.2006).
- ³⁰ Remarks at an Ecumenical Prayer Breakfast. August 23, 1984. URL: http://www.reagan.utexas.edu/search/speeches/speech_srch.html (дата обращения: 12.12.2006).
- ³¹ Линд У., Маршнер У. Указ. соч. С. 33.
- ³² Уайрич П. Указ. соч. С. 46—48.

И. С. Борзова

ОППОЗИЦИЯ, ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В ПОСТСОВЕТСКОЙ БЕЛОРУССИИ

Оппозиционное движение в современной Белоруссии зарождалось в непростых условиях кризиса после распада СССР сначала как ответ на политику советских властей, а затем как реакция на политику президента страны Александра Лукашенко. При этом важнейшую роль в процессе осмысления и оценки общественно-политической ситуации в Белоруссии сыграла белорусская интеллигенция. В те годы белорусская интеллигенция, как и интеллигенция других постсоветских государств, стала одной из наиболее активных сил, участвующих в процессе коренных преобразований в белорусском обществе. Она взяла на себя сложнейшую задачу осмысления и определения ориентиров будущего развития общества и государства. «Велика и священна задача белорусской интеллигенции — расшевелить могучие силы своего народа, направлять остановившееся прогрессивное развитие его, дать ему возможность проявить свой национальный гений...»¹, — отмечалось в первом номере журнала «Гомон», издававшемся на рубеже XIX—XX веков. Современная белорусская интеллигенция унаследовала те задачи, которые ставились перед её предшественниками больше века назад, и на современном этапе развития страны пытается решать их совместно с представителями белорусской оппозиции.

Белорусская интеллигенция внесла немалый вклад в создание первых оппозиционных объединений в Белоруссии, которые в конце 1980-х годов выступали в основном с националистическими лозунгами. Растущий в среде белорусских интеллектуалов

© Борзова И. С., 2010

Борзова Ирина Сергеевна — аспирантка кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Ивановского государственного университета. irafor@yandex.ru.

интерес к изучению белорусского языка, истории и культуры вылился в создание первых неформальных национально ориентированных объединений («Галака», «Гутэйшыя», «Майстроуня», «Походня»). Это были организации клубного типа, ставящие перед собой культурно-просветительские, творческие задачи, занимающиеся популяризацией белорусского языка и белорусской общественно-политической мысли конца XIX — начала XX века. В этих объединениях изучалось наследие таких национальных идеологов, как Винцент Дунин-Марцинкевич, Франтишек Богушевич, Кастусь Калиновский, Янка Купала, Якуб Колас, Бронислав Тарашкевич и др.

Подобные кружки объединяли молодёжь, студентов и выпускников высших учебных заведений, представителей творческой и научной интеллигенции. В 1988 году была создана неформальная организация «Мартиролог Беларуси», целью которой было расследование случаев репрессий на территории страны. Руководителем организации стал известный впоследствии белорусский националист Зенон Позняк. Деятельность этих кружков сыграла большую роль в развитии оппозиционного движения в Белоруссии, поскольку именно они стали стартовой площадкой для многих будущих лидеров и активистов белорусской оппозиции.

Представители белорусской оппозиции и интеллигенции, отстаивающие идеи национального возрождения, и тогда, и сегодня стремятся доказать и продемонстрировать то, что национальная идентичность белорусов является древней, отличной от русской, имеющей европейские корни, и настаивают на том, что она была искажена в советский период и замещается чуждым для страны советским вариантом белорусской идентичности.

Белорусские оппозиционеры и представители национальной интеллигенции имеют свой, не совпадающий с официальным, взгляд на историю Белоруссии и по-своему расставляют акценты при оценке исторических событий, конструируя тем самым свой национальный миф о «золотом веке» Белоруссии. Важнейший исторический период относится в Великому княжеству Литовскому, которое сформировалось в XIII веке. Как считают некоторые историки и политики, именно к Великому княжеству Литовскому восходят белорусские политические традиции, основывающиеся на принципах демократии и плюрализма и ориенти-

рованные на Запад². Также к периоду Великого княжества Литовского относятся национальные символы (бело-красно-белый флаг и герб «Пагоня»), без которых не мыслит себя белорусская оппозиция.

Представители белорусской оппозиции имеют свой собственный календарь праздников, не совпадающий с официальным государственным. Важными датами для них являются 25 марта (День провозглашения Белорусской Народной Республики в 1918 году), 15 июля (годовщина Грюнвальдской битвы), 8 сентября (День белорусской военной славы в память о победе войск Великого княжества Литовского над Московским княжеством под Оршей в 1514 году)³.

Сложный процесс развития оппозиционного движения в современной Белоруссии можно подразделить на три основных этапа по проблемно-хронологическому принципу.

На *первом этапе*, в последнем десятилетии XX века, происходило становление оппозиционного движения и формирование многочисленных оппозиционных партий различного толка. Свой эволюционный путь белорусское оппозиционное движение начало с рубежа 1980—90-х годов, когда на политическом горизонте появилась первая весомая оппозиционная партия — Белорусский народный фронт (возглавляемый Зеноном Позняком), который долгое время оставался единственной реальной и структурированной оппозиционной партией.

Белорусский народный фронт был одной из первых организаций в БССР, которая основным акцент в своей деятельности делала на идее белорусской независимости, включив в свои программные документы требования о предоставлении суверенитета для БССР.

На рубеже 1980—90-х годов требования БНФ о придании белорусскому языку статуса единственного государственного, верховенства республиканских законов над союзными, равенстве всех форм собственности, гарантии прав и свобод личности, а также праве выхода союзных республик из состава СССР⁴, несомненно, находили отклик среди белорусского населения.

Существенный прогресс был достигнут в деле возрождения белорусского языка. При активном участии представителей БНФ в Белоруссии был принят Закон о языках, закрепивший за бело-

русским языком статус государственного, а русский официально стал языком межнационального общения.

Не только для представителей националистического крыла оппозиции, но и для других оппозиционеров, а также для белорусской интеллигенции языковой вопрос имеет большое значение — он неразрывно связан с «белорусскостью», независимостью государства и историей белорусского народа. Белорусский язык стал средством общения представителей белорусской оппозиции и части интеллигенции, выражения их несогласия с политикой государственных властей. Языковой вопрос в Белоруссии на сегодняшний день во многом политизирован. Изучение и использование белорусского языка в Белоруссии, где большая часть населения говорит по-русски, — это нередко политический акт несогласия с государственной политикой русификации.

Со временем, после череды расколов и смены лидеров, партия БНФ утратила свою популярность, вступив в полосу затяжного организационного и политического кризиса. Делая ставку на пробуждение слабых национальных чувств, националистическое движение раз за разом проигрывало. Труднопреодолимые и глубинные причины политических неудач БНФ кроются в слабости белорусского национализма в целом, который не нашёл твёрдую почву для своего развития в лице белорусской национальной идентичности.

Вслед за Белорусским народным фронтом в стране в большом количестве начали возникать другие оппозиционные партии различного толка: *правые партии*, выступающие за проведение в Белоруссии радикальных реформ (Национально-демократическая партия, Христианско-демократический союз и др.); *центристские партии*, пропагандирующие социально ориентированную рыночную экономику и выступающие за проведение умеренных реформ при одновременной усиленной поддержке граждан со стороны государства (Белорусская социал-демократическая «Громада», Партия всебелорусского единства и согласия и др.); *партии левого толка*, выступающие с прокоммунистическими лозунгами (Партия коммунистов Белорусская, Коммунистическая партия Белоруссии, Республиканская партия труда и справедливости и др.).

В те годы оппозиционеры начали накапливать опыт борьбы с официальными властями, делались первые попытки отстоять гражданские права и свободы. Середина 1990-х годов стала наивысшей точкой в развитии оппозиции в последнем десятилетии XX века. После этого наступил период спада активности оппозиционного движения, обусловленный тем, что по мере ужесточения режима Лукашенко в стране стали применяться различные репрессивные меры для подавления инакомыслия. Репрессивный процесс против оппозиционно настроенных граждан принимал различные формы: увольнение с работы, исключение из учебных заведений, штрафование, ликвидация бизнеса, избиения противников режима на митингах и демонстрациях. Дело доходило и до исчезновений активных противников политики, проводимой Лукашенко. Широкую известность в стране и за её пределами получило исчезновение Юрия Захаренко, Виктора Гончара, Анатолия Красовского и Дмитрия Завадского. В результате жёстких действий властей темпы эволюции белорусского оппозиционного движения на данном этапе значительно замедлились.

На начальном этапе развития сформировались определённые черты, свойственные белорусской оппозиции, которые негативно влияли на успешность её функционирования в те годы и во многом сохраняются по сей день. Добиться успехов в борьбе с режимом власти оппозиционному движению мешали следующие факторы: многочисленные оппозиционные партии действовали разрозненно, и даже между оппозиционными движениями с близкими программными установками отсутствовало взаимопонимание, стремление к объединению усилий и поиску компромисса; крупные партии неоднократно дробились, образуя гораздо менее авторитетные мелкие партии. Эти тенденции стали труднопреодолимой преградой на пути развития белорусской оппозиции в последнем десятилетии XX века.

Помимо этих причин специфика развития оппозиционного движения в Белоруссии связана с особенностями самого белорусского общества: многие белорусы мало отличают себя от русских, многие не знают белорусского языка, предпочитая разговаривать на русском. Особенно это проявляется в восточных областях Белоруссии, граничащих с Россией. Национальное самосознание более развито у жителей западных областей Белоруссии —

Гродненской и Брестской, которые в большей степени ощущают влияние Польши, нежели России. При этом значительная часть населения западных областей по конфессиональному признаку является католиками или греко-католиками (униатами). Некоторые лидеры белорусской оппозиции (особенно национально ориентированной) также являются католиками или униатами и даже выдвигают тезис о греко-католичестве как национальной религии белорусов в противовес православию. Именно население западных областей Белоруссии в меньшей степени поддерживает официальный курс руководства страны и в большей степени разделяет точку зрения представителей оппозиции, составляя основу их социальной базы.

Можно сделать вывод о том, что складывание национальной идентичности, столь важное для процесса формирования белорусской нации, в целом идёт в Белоруссии довольно медленными темпами. На протяжении истории в Белоруссии существовали различные концепции национальной идентичности.

На сегодняшний день сложились и окончательно оформились две основные модели — советская интерпретация белорусской идентичности, сторонником которой традиционно является белорусская власть (белорусское советское культурное наследство стало доминирующим после Второй мировой войны и превратилось в неотъемлемую часть существующей сегодня белорусской культуры и государственности), и несоветская интерпретация национальной идентичности («белорусскости»), выразителем которой является белорусская оппозиция. Будучи приверженцами «белорусскости» как основы национального самосознания, сторонники оппозиции считают себя самостоятельным европейским народом, не зависимым от России, говорят на белорусском языке, изучают национальную историю и культуру, не воспринимая советскую модель, пропагандируемую государством.

Также подобные настроения свойственны определённой части белорусской интеллигенции. Именно части, потому что специфика белорусской интеллигенции заключается в том, что она не является единой монолитной силой. В Белоруссии (как и в других постсоветских государствах) произошло разделение интеллигенции на две группы: старое поколение и новое. «Старая» интеллигенция имеет сильные позиции в традиционных академи-

ческих учреждениях и творческих объединениях, где ощущается сильное влияние государственной власти (Академия наук, государственные вузы и т. д.). Старое поколение интеллигенции в основном поддерживает президента страны и одобряет его политику. «Новая» белорусская интеллигенция закрепились в негосударственных и оппозиционных структурах. Именно эта часть белорусской интеллигенции стремится не зависеть от государственной власти и в наибольшей степени отзывчива к оппозиционным настроениям. Этот слой белорусской интеллигенции, традиционно имеющий определённую автономию в рамках общества, является резервом белорусской оппозиции и способен выражать несогласие с официальным режимом власти в стране.

К новому поколению белорусской интеллигенции относятся и сами представители белорусской оппозиции, которые так или иначе проявили себя на разных этапах развития белорусского оппозиционного движения: Зенон Позняк — археолог и искусствовед (основатель Белорусского народного фронта и лидер Консервативно-Христианской Партии—БНФ), Винцук Вечёрко — преподаватель и журналист (лидер партии БНФ), Анатолий Лебедько — преподаватель истории (лидер Объединённой гражданской партии), Александр Козулин — бывший ректор Белорусского государственного университета (лидер Белорусской социал-демократической партии «Громада»), Александр Милинкевич — кандидат физико-математических наук (объединенный кандидат от оппозиции на выборах 2006 г.)

Второй этап развития белорусского оппозиционного движения приходится на начало XXI века. Белорусское оппозиционное движение, сохранив многие прежние черты, свойственные начальному этапу становления, претерпело определённую трансформацию. В период с 2000 года до президентских выборов 2006 года в Белоруссии состоялись три крупные избирательные кампании — парламентские выборы 2000 и 2004 годов и президентские выборы 2001 года, — в которых в той или иной степени проявила себя белорусская оппозиция. Отличительной особенностью данного этапа стало осознание оппозиционерами невозможности в одиночку противостоять режиму власти и, как следствие, налаживание кооперации и координации действий в ходе предвыборных кампаний.

Воплощение данной стратегии в жизнь привело к тому, что в ходе президентских выборов 2001 года был выдвинут единый кандидат от оппозиции — Владимир Гончарик. Степень напряжённости предвыборной борьбы в ходе этой кампании была довольно низкой, и в целом единому кандидату от оппозиции не удалось составить достойную конкуренцию А. Г. Лукашенко. У оппозиции не было явных преимуществ перед действующим президентом кроме активно провозглашаемого стремления бороться за права человека, освобождение от государственного давления и демократические ценности, а этих декларативных лозунгов оказалось недостаточно для победы на президентских выборах в 2001 году.

После поражения на выборах 2001 года белорусским оппозиционерам уже через три года нужно было вновь собрать все свои силы для противостояния режиму власти — на этот раз на очередных парламентских выборах, назначенных на 17 октября 2004 года, совмещённых с республиканским референдумом по продлению полномочий нынешнего президента.

На парламентских выборах 2004 года в ходе инициированного оппозиционерами процесса коалиционного строительства было создано три оппозиционных объединения, самым известным из которых стала Народная коалиция «Пятёрка плюс». В адрес новой коалиции в Белоруссии было высказано немало критики: «Невыполнимая задача — придумать единую программу для либералов, нацдемов, коммунистов, социал-демократов, правозащитников и просто представителей гражданского общества — была решена предельно просто: отброшены идеи и идеологии... оставлены только цели — борьба с диктатурой, с “преступным режимом Лукашенко”... Единая программа единой коалиции, уничтожив все идеологические отличия партий, уничтожила и сами партии в глазах избирателей»⁵.

Такого рода критические замечания, конечно, не лишены оснований. Но всё же, действуя совместно, политические партии и объединения, пусть даже с абсолютно разными идеологическими и программными установками, имеют гораздо больше шансов привлечь внимание избирателей, чем тогда, когда каждый выступает сам за себя. Тот факт, что столь разные политические группировки смогли представить общественности еди-

ную программу действий, говорит хоть и о медленном, но всё же продолжающемся процессе согласования мнений и позиций в оппозиционных рядах.

Тем не менее, несмотря на мобилизацию всех возможных ресурсов, на парламентских выборах 2004 года оппозиция потерпела сокрушительное поражение — в законодательный орган не прошёл ни один её кандидат и все 110 депутатских мандатов получили сторонники режима. В итоге президент добился избрания полностью лояльного ему парламента, а в результате успешно проведённого референдума из Конституции Белоруссии была изъята норма, ограничивающая двумя сроками пребывание одного лица на высшем государственном посту.

В ходе данной предвыборной кампании, как и выборов прошлых лет, существенную финансовую и организационно-методическую помощь белорусской оппозиции традиционно оказывали страны Запада. Западный альянс делает это разными способами: выделением финансовых средств в рамках различных программ демократизации, принятием резолюций и заявлений, консультационными встречами с оппозиционерами, проведением различных конференций, семинаров, тренингов, обучением оппозиционных активистов на Западе и т. д. Виды и каналы оказания поддержки оппозиционно настроенным активистам довольно разнообразны, однако, на наш взгляд, не стоит преувеличивать абсолютный масштаб этой помощи. По сути, она лишь частично выравнивает условия для политической конкуренции и позволяет оппозиционерам получить некоторую автономию для своих действий.

Оказывая помощь белорусской оппозиции, страны Европы и США рассчитывают на победу прозападных сил в Белоруссии, преследуя определённые интересы. Помимо очевидных целей — поддержки демократии в стране, соблюдения прав и свобод человека, норм международного права и т. д., западные страны, на наш взгляд, имеют также и другие ориентиры: победа прозападных оппозиционных сил в Белоруссии приведёт к ориентации страны на вступление в НАТО и Евросоюз; усиливая своё влияние в этой стране, Запад может разделить традиционный союз Белоруссии и России, препятствуя тем самым усилению роли России на постсоветском пространстве и уменьшая степень влия-

ния России на Белоруссию; странам Запада в случае установления в Белоруссии демократии по западному образцу будет гораздо удобнее сотрудничать и вести переговоры с прозападным либеральным политиком, чем с «последним диктатором Европы».

В целом, можно сделать вывод о том, что на втором этапе своего развития оппозиция сделала шаг вперёд по сравнению с предыдущим этапом, избрав в качестве основной своей стратегии сотрудничество и координацию действий. Но в итоге, в условиях постоянного нажима со стороны властей, наладить полноценное взаимодействие между оппозиционерами не удалось и процесс формирования единого оппозиционного блока не достиг своего логического завершения. Результаты объединительного процесса, стартовавшего в начале 2000-х годов, проявились в наибольшей степени в ходе последнего этапа развития оппозиционного движения в Белоруссии.

Третий этап формирования белорусской оппозиции включает последнюю президентскую кампанию марта 2006 года, которая явилась пиком активности белорусской оппозиции на сегодняшний день. Этот этап стал наиболее успешным по сравнению с двумя другими для оппонентов Лукашенко, поскольку оппозиции удалось придать предвыборной кампании серьёзный общественный резонанс. В ходе продолжившегося процесса координации действий в оппозиционном лагере, единым кандидатом на президентских выборах от оппозиции был избран выдвиженец БНФ, никому на тот момент не известный политик из города Гродно Александр Милинкевич.

Свою миссию в качестве единого кандидата в одном из интервью он прокомментировал следующим образом: «Выборы единого кандидата — первый шаг, свидетельствующий о реальном объединении практически всех партий. Мне отведена роль собирателя белорусских демократических земель. Предстоит объединить оппонентов Лукашенко, готовых конструктивно решать вопрос смены власти»⁶.

Физик по образованию, Милинкевич уже в годы учёбы и дальнейшей преподавательской деятельности был ориентирован на Запад и завязал там немало контактов. Этот опыт послужил, на наш взгляд, основой для формирования прозападной ориентации Милинкевича как политика. Реализация демократических прав и

свобод человека в стране, за которую выступал единый кандидат от оппозиционных сил, несомненно, нашла отклик за пределами Белоруссии. Так, например, заместитель госсекретаря США по делам Европы и Евразии Дэниэл Фрид неоднократно выражал свою поддержку в адрес белорусских активистов: «Лично я поражён смелостью белорусских оппозиционеров. Они осознают, что сейчас, мягко говоря, участвуют в кампании-фарсе. Но, несмотря на это, они делают всё возможное, чтобы донести свои идеи до белорусского народа»⁷.

От других представителей оппозиции Милинкевича отличало то, что, играя на контрасте с Лукашенко, он позиционировал себя как интеллигентный прозападный политик, лидер команды профессиональных менеджеров международного уровня, патриот Белоруссии, стремящийся вывести страну из изоляции и наладить тесные связи с Западом. Что касается предвыборной программы единого кандидата, то в целом она существенно не отличалась от оппозиционных программ прошлых лет. Центристская по сути, программа Милинкевича имела в своей основе «классические» либеральные ценности, носила декларативный, во многом абстрактный характер. Но, несмотря на эти недостатки, Милинкевич всё же сумел мобилизовать и привлечь на свою сторону часть электората — в основном представителей нового поколения интеллигенции, ориентированную на Запад молодёжь, студентов, представителей бизнеса, жителей Минска и других крупных городов.

Другой кандидат от оппозиции, Александр Козулин, также привлёк к себе немало внимания в ходе данной предвыборной кампании. Козулин восполнял недостаток политического опыта своим резким и зачастую агрессивным поведением. Он в одиночку открыто противостоял режиму власти, призывал президента к ответственности. Широкую известность приобрела попытка Козулина 2 марта 2006 года прорваться в здание Всебелорусского собрания и зарегистрироваться в качестве его участника, в результате чего против кандидата в президенты прокуратура возбудила одно административное и два уголовных дела.

В отличие от Милинкевича, Козулин не делал основную ставку на прозападный курс развития страны, наоборот, он заяв-

лял, что в случае его прихода к власти Белоруссия будет поддерживать тесные взаимовыгодные отношения с Россией. Такой подход также нашёл отклик у многих белорусов. Говоря о поддержке Козулина со стороны избирателей, можно отметить, что он в основном рассчитывал на граждан, не включённых в систему, на голоса недовольных в провинции. Он также опирался на тех, кто ранее голосовал за Лукашенко, но по тем или иным причинам разочаровался в проводимом президентом курсе. Однако и Козулину не удалось в одиночку противостоять существующей машине власти. В итоге, результатом бурной предвыборной кампании Козулина стало тюремное заключение сроком в пять с половиной лет.

В ходе предвыборной кампании решительно политизировать зарождающиеся оппозиционные настроения в белорусском обществе, придать им необходимый протестный масштаб по грузинскому и украинскому сценариям представители белорусской оппозиции оказались не в состоянии. Победа вновь была за Александром Лукашенко. Причина этого, как мы полагаем, заключается не только в недостаточно эффективной деятельности оппозиционеров в условиях чрезмерного давления на них со стороны властей, но и в том, что немалая часть населения, действительно, поддерживает Лукашенко. Основу его электората традиционно составляют жители маленьких городов, деревень, люди преклонного возраста, лица с низким образованием. Лукашенко воспринимается большей частью белорусского общества как самый популярный политик, мудрый государственный деятель и защитник национальных интересов всего государства, и простых граждан в частности. Доверие основной части общества к главе государства и институтам власти пока еще не исчерпано. Большинство белорусов открыто не демонстрируют недовольство политикой Лукашенко (даже если оно на самом деле присутствует), одобряют многочисленные программы социальной поддержки со стороны власти, выступают за твёрдый порядок и государственный контроль.

В стороне от этого большинства стоит новое поколение белорусской интеллигенции, которое имеет смелость высказывать несогласие с политикой Лукашенко. Последние несколько лет в Белоруссии идёт активная работа по консолидации белорусской

интеллигенции и усилению её роли в обществе. Активно проявляет себя общественная инициатива «Рада белорусской интеллигенции», которая во многом разделяет точку зрения белорусских оппозиционеров и выступает за консолидацию оппозиционных усилий и выдвижение единого кандидата в противовес Лукашенко. Среди членов Рады — такие известные представители интеллигенции, как педагог и кинорежиссёр Владимир Колос, народная артистка Белоруссии Зинаида Бондаренко, академик Александр Войтович, поэт Сергей Законников, журналист Анатолий Гуляев, художник Алексей Марочкин и др.

Руководитель «Рады белорусской интеллигенции» Владимир Колос так говорит о роли этой организации: «Задачи, которые мы перед собой ставим, — это осмысление ситуации, в которой находится наше общество... и формулировка предложений по их оптимальному решению, с которыми мы обращаемся к народу, властям и организованной оппозиции. А также — активизация и консолидация нашей интеллигенции, способствование тому, чтобы как можно больше её представителей включались в гражданскую и политическую деятельность, ибо сегодня это жизненно необходимо для Беларуси»⁸.

За всё время своего существования, несмотря на многочисленные неудачи и провалы, белорусская оппозиция к 2006 году накопила серьёзный опыт политической борьбы и потенциал для того, чтобы стать весомой политической силой в стране. Это также сопровождается процессом развития белорусской национальной идентичности, которая постепенно начинает оформляться отдельно от русской. Естественный процесс смены поколений в стране неизбежно приведёт к тому, что старшее поколение, ориентирующееся на советскую модель развития страны и советский вариант национальной идентичности, постепенно будет уступать место новому поколению молодёжи, которая уже не мечтает о Союзном государстве с Россией, а ощущает себя самостоятельным народом, место которого — в семье других европейских народов. Успешное функционирование оппозиции во многом зависит от того, как будет развиваться гражданская активность широких слоёв населения. Здесь особенно важна роль белорусской интеллигенции. Несомненно, что интеллигенция более ясно, чем какая-либо другая социальная

группа, понимает исключительную сложность и зыбкость нынешнего политического, экономического и духовного состояния белорусского государства и общества. Именно интеллигенция в тандеме с белорусской оппозицией могут внести вклад в развитие гражданского общества в современной Белоруссии, оказывая влияние на политику официальных властей.

Примечания

- ¹ Цит. по: *Кохановский А. Г., Яновский О. А.* Самоопределение белорусской интеллигенции и эволюция ее национально-государственных идеалов: история, традиции и задачи историографии // *Интеллигенция и мир.* 2008. № 2.
- ² *Гужон А.* Национализм и идентичность в Белоруссии. URL: <http://www.centre-fr.net/IMG/pdf/Almanach1GoujonRU.pdf> (дата посещения: 21.06.2010).
- ³ Там же.
- ⁴ Политические партии Беларуси — необходимая часть гражданского общества: материалы семинара / авт.-сост. *А. Федута, О. Богущий, В. Мартинович.* URL: http://www.fes.open.by/Publik/Politischw_Parteien_ru.pdf (дата посещения: 20.06.2010).
- ⁵ *Марцев П.* Как стать оппозицией? URL: <http://nmnby.org/pub/0610/16m.html> (дата посещения: 21.06.2010).
- ⁶ *Милинкевич А.* Без уличных акций не обойтись // *Известия.* 2005. 6 окт. С. 6.
- ⁷ *Фрид Д.* Америка и Европа не забудут о Белоруссии // *Независимая газ.* 2006. 14 марта. С. 10—11.
- ⁸ «Белорусский Гавел» Владимир Колос // *Страны СНГ. Русские и русскоязычные в новом зарубежье.* URL: <http://www.materik.ru/upload/iblock/afa/%E2%80%A6.pdf> (дата посещения: 19.06.2010).

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

ББК 63.3(2)6.283.2-94.3

В. А. Порозов

ОБРАЗ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ РОССИЙСКОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА В КНИГАХ СЕРИИ «ПЕРМЬ КАК ТЕКСТ»: МОЛОТОВСКИЙ КОКТЕЙЛЬ. *Статья первая*

В 2009 году в Перми по инициативе популярного ныне в России прозаика Алексея Иванова было предпринято издание серии книг под общей рубрикой «Пермь как текст». Проект не вызвал восторгов в кругах пермской интеллигенции по целому ряду причин, начиная с претенциозности заглавия (для большинства пермяков их город — это все-таки их жизнь, а не чей-то текст) и кончая спецификой круга авторов, в который не попали многие из лидеров, определяющих лицо культуры Перми. Так или иначе, а в серии, к слову сказать так до сих пор и незавершённой, было опубликовано несколько весьма значительных в контексте региональной истории и культуры работ.

Образ пермской интеллигенции наиболее полно, как представляется, отражён в четырёх из них — книгах Олега Лейбовича, Светланы Федотовой, Нины Горлановой и Владимира

© Порозов В. А., 2010

Порозов Владимир Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и социологии Пермского государственного педагогического университета. porozov_va@perm.ru

Киришина¹. Значимость этих публикаций, с точки зрения инициаторов и редакторов проекта, подчёркивается, в частности, тем фактом, что все они изданы уже не в первый раз², их фрагменты воспроизводились в различных вариантах журнальных и газетных публикаций, в Интернете, самым благожелательным образом презентовались и рецензировались³. Размытость критериев отбора авторов позволила объединить в книжной серии рассматриваемые в данном случае труды профессионального учёного (историка и культуролога), журналиста и двух писателей.

Представленная панорама жизни провинциального русского города хронологически открывается очерками Светланы Федотовой. Они посвящены разным людям, но каждый герой — значимая личность не только региональной, но, прямо скажем, российской, отечественной истории. Оставим за скобками политические сражения 1937—1938 годов, которым посвящён достаточно нетривиальный очерк «Враги» (так же назван один из очерков О. Лейбовича, написанный на материале конца 40-х — начала 50-х гг.), обитателей генеральских особняков, построенных на виду у всего народа в тяжелейшие годы Великой Отечественной войны («Отцы и дети»), и несладкую жизнь в прикамской эвакуации великого А. М. Родченко («Судьба авангардиста в Очёре»).

Но вот Вера Макаровна Балкова — это уже не только девочка из бедной крестьянской семьи, ставшая перед войной ведущим специалистом в производстве крупнокалиберных порохов, а в годы войны — изобретателем и организатором-изготовителем начинки снарядов для легендарных «катюш». После войны В. М. Балкова курировала легкую и пищевую промышленность, построив в городе три новых мукомольных завода с элеватором, маргариновый и макаронный заводы, трикотажную фабрику. Как мы знаем, социализм это не спасло: пришло другое время, другие люди. Но Вера Макаровна и дальше делала, что могла: 20 лет работала в комитете народного контроля. Бесплатно! При этом часть пенсии перечисляла в Фонд мира. Оставалась очаровательной женщиной: трижды выходила замуж. Дождалась праправнука. В тяжелейшие 1990-е годы, в возрасте за 90, выписывала и читала четыре газеты. Оставалась предельно скромным человеком: о её выдающемся прошлом почти никто не знал; дом, в котором находилась квартира, десятилетиями стоял без ремонта.

Тему создателей пермских (читай — российских) порохов продолжает очерк «Пермь — родина “катыш”». Действительно, 91 % ракетных зарядов для легендарных установок был произведён в Молотовской области. Как сложилась послевоенная жизнь создателей грозы фашистов? Директор порохового завода Д. Г. Бидинский (в 1941 г. в него влились еще пять заводов) в 1950 году был назначен... заместителем начальника по контролю за соблюдением инструкций по спецрежиму одного из ленинградских комбинатов. Сыгравший первую скрипку в научной разработке проектов, А. С. Бакаев стал скромным преподавателем в подмосковном Дзержинске, жил с семьёй в коммуналке. Вписались в промышленные и научные структуры страны А. Э. Спориус, Ф. М. Хритинин. Очевидно, что сложившаяся в годы войны школа пермских пороховщиков была разгромлена. Но не до конца. И оставшийся в Перми Давид Израилевич Гальперин стал «мировой величиной»: первый профессор и первый доктор наук в работавшем при заводе НИИ. Сегодня его именем названа улица. А в прошлом — работа, работа и работа. На оборону, на войну. Ракеты для подводных лодок, ракеты для авиации, просто ракеты. 28 наименований изделий только для проекта «Буран-Энергия». Товарами народного потребления тоже приходилось заниматься, правда — во вторую очередь. Ведь молотовский коктейль — это горючая, самовоспламеняющаяся смесь для поджога танков, изготавливаемая в годы войны в Перми, называвшейся Молотовым. И ничего о личной жизни, человеческих качествах. Юбилейный банкет в московском «Национале», где в 70 лет станцевал любимое танго. Но — автомобиля не было! Не стеснялся (!) сесть в «запорожец» сотрудника... Маловато для полноценного портрета.

И вновь директор: Циренщиков Клавдий Иванович, с 1949 по 1970 год — Березниковский титано-магниевого комбинат, Герой Социалистического Труда. Пожалуй, и герой войны: синтезировав одно из необходимых для победы веществ, тяжело отравился хлором, всю жизнь болел, в последние годы невыносимо страдал, жил на кислородных подушках, лишился кожи на ногах. Всю жизнь, с рождения, связан с городом Березники, где в той же отрасли трудились дети, внучка, правнучки. Сын всю жизнь работал электрослесарем. Коммунист до мозга костей. Перечень

трудовых подвигов. Всевозможное расширение социальной сферы предприятия. И — настоящая, большая любовь. Сумел полностью отдать ей пенсионные десять лет жизни: лесные рыбалки с родной «Любочкой», домашние вечера с песнями, танцы на природе под патефон... Человек-город (а город-то — второй в области!). Человек-эпоха.

Очерк о Борисе Георгиевиче Изгагине на этом фоне выглядит намного скромнее: тут только работа. Даже в возрасте за 80 — на завод. Но какой завод! Авиационные, вертолётные, ракетные двигатели. С 1973 по 1986 год — генеральный директор. Социальная сфера: 25—30 тыс. кв. м жилья в год, больничный городок, стадион... В молодости сам был спортсменом. Особая забота о среднем управленческом звене завода — начальниках цехов и мастерах, о ветеранах. Звания Героя Социалистического Труда и лауреата Государственной премии. И рядом — второе, после директора, лицо завода, часто остающееся в тени. Легенда Перми — Давид Соломонович Кацнельсон, помощник и заместитель при семи директорах. «Король снабжения», занимавшийся буквально всем — от закупок мороженого до приёма космонавтов. Автор не отвечает на вопрос, почему московская гостиница «Пекин» считалась чуть ли не официальной резиденцией завода в Москве, и считает, что это тайное знание сейчас утеряно.

Наконец — вершина провинциальной пирамиды власти — Борис Всеволодович Коноплев, первый секретарь обкома КПСС с 1972 по 1988 год, прозванный царём Борисом. Окружив себя льстецами и подхалимами (впрочем, в книге об этом ни слова), Б. В. Коноплев на удивление всем жил в типичной «панельке» 70-х годов, что не позволяло пермским бюрократам этого периода «зарываться» в присвоении материальных благ. Не в этом ли одна из причин того, что перестройка в Перми раскачивалась дольше, чем в столице и некоторых других регионах России? Труднее было собрать компромат на номенклатуру — по сути его так и не было. Автор очерков обращает внимание на скромность обстановки квартиры, обилие книг. Б. В. Коноплев был, прежде всего, лидером «времени хозяйственников». Сфера образования и культуры была им отдана специалистам, но каким! Пермь гремела, пережив музыкальный, театральный, хореографический, литературный и прочие художественные бумы. Зато самому, лично,

довелось на вертолёте искать приземлившихся Беляева и Леонова. Нашел, но из Москвы категорически запретили что-нибудь предпринимать: так герои и ночевали в тайге. А Борис Всеволодович во всех креслах продолжал послушно выполнять столичные команды. Выполнил и последнюю, горбачёвскую, подписав заявление о выходе из ЦК.

Не очень удачным, под избранным углом зрения, представляется очерк о военных лётчиках. Посвящён он старшему лейтенанту Сергею Сафронову, погибшему 1 мая 1960 года, в день пресечения шпионского полета Пауэрса. Автор демонстрирует завидную осведомлённость, буквально по минутам фиксируя события того памятного дня. А что за его рамками? Молодая семья, общение с друзьями, праздники — с демонстрацией, песнями под баян и танцами под проигрыватель. Надежды на будущее («Давай только вино пить!» — то есть не водку). Каким оно стало, это будущее? Напарник С. Сафронова, Б. Айвазян, и их дети пополнили ряды столичной интеллигенции и достаточно благополучно пережили смутные 1990-е, до 2001 года по крайней мере (компьютеры, видеотехника, программирование). Холодная война от реалий современной жизни уходит все дальше. Во всяком случае, очень хочется в это верить.

Очерк о Петре Константиновиче Чудинове переносит нас в мир науки. В районе прикамского города Очёра геолог обратил внимание на находки древних костей и, бросив нефтеразведку, посвятил себя рептилиям, став палеонтологом с мировым именем. Научным руководителем П. К. Чудинова был И. А. Ефремов. Пермские находки оказались столь грандиозны, что при раскопках впервые в мире применили бульдозер. Руководил экспедицией (1957—1960 гг.) П. К. Чудинов. Выдающийся учёный оказался не очень удачлив в научной карьере, но ему повезло остаться в исторической памяти: дочери-писательнице удалось создать живой, именно психологический, портрет этого талантливой, гордого, одинокого, но демократичного рыцаря науки. «Петр Чудинов был человеком, — подводит итог С. Федотова, — словно сошедшим со страниц романа Ивана Ефремова, где безупречные мужчины покоряют просторы Вселенной и верят в торжество науки и добра»⁴.

Серию портретов деятелей науки продолжает очерк об отце и сыновьях Париных. Василий Николаевич Парин и его сын и ученик Борис Васильевич Парин — легендарные хирурги Перми и соседней Удмуртии. Другой сын, Василий Васильевич, увлечшись физиологией, избрал собственный путь: Свердловск, затем Москва. Ошеломляющая карьера — заместитель наркома здравоохранения, организация Академии медицинских наук. И неожиданный крах: в 1946—1947 годах оказался в числе главных объектов борьбы с космополитизмом, стал прообразом учёного-предателя в пьесах, художественном фильме. Получил 20 лет заключения. За неделю до ареста — смерть отца. Суды чести по всей стране. Отречение брата. В октябре 1953 года В. В. Парин освобождён, в 1955 году реабилитирован. Приезжал в Пермь, здесь ему помогли «достать» приличную одежду и выйти из состояния «моральной угнетенности». Вскоре В. В. Парин станет учёным с мировым именем, обеспечивая в качестве физиолога первые космические полёты.

Достаточно подробно пишет о Париных в своей книге и Олег Лейбович. Демонстрируя соответствующий званию доктора исторических наук и профессора масштаб мысли, он сразу же, ссылаясь на столичное исследование В. Есакова и Е. Левиной, указывает, что организаторы кампании 1947 года, начавшейся с суда чести над Н. Г. Клюевой и Г. И. Роскиным, имели целью, во-первых, «разорвать все связи между отечественными и зарубежными научными учреждениями», а во-вторых, «проучить и опорочить академическую и вузовскую интеллигенцию, не утратившую былого представления о корпоративной солидарности и профессиональной этике»⁵. В организованном для этого зрелищном действе, выстроенном по законам театра в духе классицизма, В. В. Парину была отведена символическая роль деятеля науки, олицетворявшего «моральное падение, от которого партия и советская общественность спасали несознательных и амбициозных учёных»⁶.

Партийные активисты города Молотова, получив очередное закрытое письмо ЦК, отнеслись к новой кампании равнодушно: все были заняты своими делами; вузы, по причине летнего времени, почти пустовали. Однако в Молотовском медицинском институте ситуация складывалась иначе: ведь В. В. Парин являл-

ся по сути патроном вуза, а первую скрипку в семейном клане играл отец. Связи были не только семейными, но и деловыми, причём двусторонними: в аспирантуре вуза учились дети министерских чиновников и московской профессуры, в том числе дочь Г. И. Роскина. «Старик Парин», интеллигентный хирург старой школы, оказался неплохим политическим бойцом: в конце 30-х годов он выигрывает длительную борьбу за кафедру, клинику и в целом за институт с профессором Моисеем Вольфовичем Шацем. Шла борьба двух «домов» — констатировали современники. В доме-клане Париных оказались сухой и аскетичный Б. В. Парин, блестящий бонвиван А. В. Пшеничнов (лауреат Государственной премии, полученной не без поддержки московского Парина), «несильный и внушаемый» директор института П. П. Сумбаев.

О. Лейбович полагает, что «наскоро сконструированные властью социальные институты» — послереволюционные, а затем и послевоенные партийные, административные, научные и учебные организации — не могли выстроить по единому образцу разнородный профессорско-преподавательский состав провинциального вуза. Состав этот историк характеризует весьма живописно: «выпускники императорских университетов и советских институтов, убеждённые партийцы и люди религиозных взглядов, бывшие “сидельцы” и “сексоты” вездесущих органов, высококвалифицированные медики и малообразованные обществоведы (некоторые из них так и не смогли предъявить диплом о высшем образовании)». Клановость же, по мнению автора, «одомашнивала нормы, придавала им человеческое измерение и выстраивала в соответствии с ними ориентиры социального действия. Дом Париных... культивировал, естественно в ослабленном и отредактированном виде, традиции старого университетского сообщества: манеру поведения... ясные представления о гамбургском счёте, по которому полагается оценивать научные достижения (практическую применимость, публикации в международных и авторитетных зарубежных изданиях, индекс цитирования), некоторую дистанцированность от советской действительности, возможность в собственном кругу называть вещи своими именами или слегка иронизировать над пропагандой, зарабатывать деньги своим трудом, в том числе и частной практикой, и даже организовывать семейную жизнь не по-советски»⁷. Клан

был тесно связан с административно-партийными кругами — и в интересах стабильности управленческой системы, и в интересах сохранения собственного здоровья бюрократов.

Роль главного обличителя дома Париных взяла на себя директор института эпидемиологии и микробиологии А. М. Глебова, прозванная Салтычихой и, не стесняясь в средствах, формирующая свой клан. Имея московским покровителем еще одного выходца из Перми — Г. Н. Белецкого (возглавлявшего республиканское министерство здравоохранения), пытаясь восстановить позиции М. В. Шаца, А. М. Глебова так и не получила признания в научном мире. В конечном счёте ещё один медицинский «дом» был принесён в жертву оттепели и разгромлен местными администраторами.

В деле Парина обком под руководством К. М. Хмелевского (последнему прагматик-сталинисту, в интересах дела прощавшему поразительные «вольности» местной «знати», даётся довольно всесторонняя характеристика в книге) действовал осторожно и гибко. Было сделано всё возможное, чтобы под обломками дома Париных не погибла вся медицинская профессура. В начале 1950 года освобождается от своей должности Хмелевский, сразу же покидает город и Б. В. Парин. Но в целом это был все-таки не 1937 год.

В каждом из разделов книги Олег Лейбович разворачивает подобные сюжеты практически по такой же схеме. Вот партийные и государственные работники во время денежной реформы рискуют своим служебным положением, свободой (возможно, даже жизнью!), чтобы сохранить или приумножить свое благосостояние, уйти от постоянного государственного вмешательства в их личную, частную жизнь, но всё обходится «малой кровью» — уж слишком велик оказался круг вовлечённых в аферы управленцев, да и интеллигенции — вплоть до артистов оперного театра! Вот «немолодой, грамотный» аноним, весь во власти страха и неуверенности, панически пишет в столичные руководящие органы о накрывшей город волне преступности и бандитизма, а реальным молодым бандитам достаточно быть сыновьями начальника цеха, судьи и «инструктора по кадрам геодезических разведок», чтобы вообще избежать наказания за вооружённые ночные разбои. Вот на гребнях волн борьбы с космополитизмом одни

принимают покинувшего Киев легендарного пермского историка, ученика Е. В. Тарле — Л. Е. Кертмана — в Пермский университет, а другие пытаются его уволить и лишить кафедры — к счастью, безуспешно. Вот историк В. В. Пугачев и юрист И. С. Ной, ученики одного из «последних моголан русской гуманитарной традиции», Ю. Г. Оксмана, и их менее способный сторонник В. Ф. Зудин буквально взрывают складывающуюся в университете чиновную атмосферу, под флагом борьбы за чистоту марксистско-ленинского учения отстаивая право личности на выход, в целях самовыражения, из общепринятых рамок.

Все эти драматические действия происходят в поражающих воображение декорациях. Автор приводит, по документам послевоенного времени, ужасающие примеры упадка культуры и хозяйства в области, бесконтрольности промышленяющих полудем местных князьков и работников торговли как «какой-то особой касты», «дикого состояния» и «чудовищного явления» дорог, «узких мест с подковными гвоздями», а также с телегами, хомутами, верёвками, вилами — с чем бы то ни было. Эшелон за эшелоном прибывали сюда в тюрьмы, лагеря, в ссылку, на спецпоселение. По центральным магистралям областного центра по утрам и вечерам гнали на работу колонны экзков: рычали овчарки, конвоиры стволами и прикладами автоматов отталкивали случайных прохожих, брали под прицел даже проезжающих на машинах номенклатурщиков. Город, как и вся область, был превращён в гигантское предприятие по производству боеприпасов, вооружения, стратегических материалов. На заводах — каторжные условия труда и патриархальные нравы, неопределённая продолжительность рабочего дня, бесправие перед заводским начальством. Общежитский быт: менее 3 кв. м на человека, проживание семейных вместе с одиночками. Барачный быт: 3,5 кв. м на человека, проживание родителей в одной комнате с детьми за тонкой перегородкой от всего остального мира. Студенческий быт: приходящие в полную негодность общежития в бараках «каркасно-засыпного типа». Антисанитария — в цехах, на улицах, в столовых — везде. Транспорт: на весь город 42 автобуса и 80 вагонов трамвая, на площадках, подножках, под колесами которого за один только 1953 год пострадало 42 человека и 10 из них умерли. Социальный разрыв между «верхами» и «низами» общества, резко усилившийся в го-

ды войны. Даже в высшей школе — разительный контраст между профессорами и доцентами, с одной стороны, и ассистентами и лаборантами, с другой. Рост влияния церкви как противовес дискредитации коммунистических идеалов.

В центре конгломерата рабочих посёлков с бараками и перенаселёнными частными домами, где держали скот и кормились с собственного огорода, находились несколько кварталов с многоэтажными домами, солидными, двухэтажными усадьбами дореволюционной постройки, и выстроенными для высшего номенклатурного слоя большими магазинами, театрами, садом и скверами. «Мимо измождённых, дурно одетых рабочих проезжали в автомобилях большие начальники — румяные, сытые, под хмельком». Если под машину попадал человек — не всегда останавливались. «Одеты начальники были тоже иначе — в шубы, меховые бурки; выглядели по-другому — рослыми, тучными, здоровыми. Говорили, правда, на том же языке — матерном. Их жёны не стояли в общих очередях...»⁸ За верную службу предоставлялась смягчённая система наказаний за уголовные преступления, а зачастую и вовсе удавалось их избежать. Так что сражаться было за что. За доступ «к телу», а через это — к «благам», к приемлемым условиям для работы и элементарной культурной среды.

В послесталинское десятилетие в соревнование, а точнее — в суровую борьбу за доступ к материальным ценностям, втягиваются более широкие круги трудящихся. Новое неравенство уже не оправдывалось ни государственными заслугами, ни военными доблестями, ни стахановским трудом. Дорогу к жизненному успеху открывали «оборотистость, способность поладить с начальством, цепкость, умение использовать близость к распределительной системе — все эти низменные по отношению к пафосу сотворения нового мира индивидуальные черты, клеймённые в очерках и фельетонах, баснях и пьесах “мещанством”»⁹. Отражением этих процессов становится набирающий силу советский либерализм.

Особый импульс дискуссиям придал, конечно же, XX съезд КПСС и знаменитый доклад Н. С. Хрущёва. Дискуссии, как известно, вскоре прикрыли, антисталинскую кампанию на пять лет приостановили, но некоторые вузовские преподаватели продолжали писать анонимные письма в руководящие инстанции, де-

лясь своими размышлениями о природе культа личности и негативном воздействии на общество «бесчестной, преступной и трусливой бюрократии». Авторов писем вычисляли, исключали из партии и снимали с работы. Но даже на открытых партийных собраниях дело доходило, пусть в качестве провокации, до обвинения в «семейственности и двурушничестве» Президиума ЦК. Раскачивался маятник и на комсомольских собраниях, семинарах по гуманитарным дисциплинам. Чтобы остановить процесс, в наездники друг на друга выбирались жертвы. Так пострадали историк-ассистент С. И. Сметанин, студенты В. Баранов, В. Макаров, Л. Малинский, Ф. Эйфельд. Впрочем, отказавшись от слепой преданности власти, они чаще всего по-прежнему оставались лояльными к ней.

Наиболее радикальными оппозиционерами в Молотове — Перми оказались к 1950 году Михаил Тихонович Данилкин, а к 1958 году — Иван Прокофьевич Шарапов.

Михаил Данилкин — экстравагантный, весьма пьющий, недовоевавший в Великую Отечественную войну политрук, решившийся на открытую схватку с послевоенной партийно-торговой номенклатурой. В сложившейся ситуации он персонифицировал систему первым секретарём обкома партии Кузьмой Михайловичем Хмелевским и беспартийным начальником отдела рабочего снабжения Березниковского азотно-тукового завода Матвеем Зайвелевичем Дугадко. Данилкин представлял собой что-то среднее между начитавшимся рыцарских романов (их заменило полное собрание сочинений В. И. Ленина) Дон Кихотом и третируемым Олегом Лейбовичем сталинским «маленьким человеком» — необходимым для поддержания власти монарха ходяком-жалобщиком из народа. Неугомонный «барабанщик» стал для местных властей даже более опасен, чем без устали разоблачавшая врагов народа в Новгороде, Саранске, Ульяновске и осчастливившая своим появлением пермскую высшую школу языковед А. Н. Руденко (исключить вздорную и истеричную обличительницу из партии удалось лишь в 1953 году). Но если данилкинские статьи в областной газете и его письма в ЦК пригодились для объяснения причин снятия партийного босса, то схватку с Дугадко Данилкин по большому счёту проиграл. Под суд оборотистого снабженца отдать пришлось, но в местах лишения сво-

боды он работал в должности бухгалтера, был комендантом зоны, заведующим производством цеха пищеблока, а через год с небольшим вышел на отработку по вольному найму на предприятиях золотопромышленности. Биографию же М. Т. Данилкина Олег Лейбович заканчивает арестом в 1953 году.

И. П. Шарапов также был исключён из партии, в октябре 1958 года судом, приговорён к десяти годам лишения свободы (затем замененных восемью), из которых три с половиной года отсидел реально. Случай в эти «вегетарианские времена» исключительный. Автору монографии так и не удалось рассеять своё и читательское недоумение по поводу того, «из-за чего собственно». Геолог с широким кругозором и аналитическим умом, встреченный чуть ли не хлебом-солью и поселённый чуть ли не в лучшем в городе «профессорском» здании, Шарапов буквально ошеломил власть и окружающих своим неумным либерализмом, агрессивной напористостью, а затем — непокорностью, нераскаянностью, отрицанием компромиссов, злобным тоном, своим «железным правилом: нечестно быть честным с нечестными. Врагов надо запутывать и компрометировать»¹⁰. Реакция не заставила себя ждать, хотя О. Лейбович находит более глубокие причины в «политических фобиях», переживаемых «кремлёвскими обитателями», искавшими российский аналог «Клуба Пётефи». Перестал ли пермский радикал забрасывать ЦК своими проектами, терроризировать писателей анализом их произведений, выступать против советских космических полётов и самочинно отсылать свои научные работы за рубеж — неизвестно, но докторскую диссертацию он защитил, издал свои монографии, а также книгу воспоминаний, в которой от души воздал своим последователям.

Книга О. Л. Лейбовича — очень жёсткая книга. Авторы предисловий серии — титулованные пермские учёные М. П. Абашева, А. С. Кимерлинг, В. М. Раков — делают всё возможное, чтобы направить внимание читателя в нужном для издателей направлении. Так, Вячеслав Раков предваряет книгу С. Федотовой рассуждениями о мифе и эпосе, недвусмысленно относя героев книги к служителям мифа, который к тому же ещё и «выдохся». Эпических героев, а в высших проявлениях — героев трагических, в советскую эпоху предлагается искать, разумеется, в ГУ-

ЛАГе: где ж ещё... Уж не Иван ли это Денисович Солженицына? А в описанных в данной книге героях предлагается видеть, прежде всего, «маску государственного, затверженного, как таблица умножения, оптимизма», «неподдельный энтузиазм в крови, разбавленный ещё более неподдельным, не всегда осознаваемым, глубинным страхом». В. Раков, предвидя наше очарование тем или иным героем, утешает нас (и себя) тем, что «фанатизм — не всегда плохо». И вообще: Молотов — это не только «инициативная могильная яма», но также инициативное «рождающее лоно»¹¹. Бр-р! Вот и не поймёшь, кто из чего «произошёл».

В более научной «настройке» к книге О. Лейбовича делается акцент на суровой, мрачной живописности региона и на деталях повседневности, при этом принципиально важное прилагательное «политическая» опускается. Анне Кимерлинг хочется, чтобы читатель разглядел на страницах книги «множество безымянных героев — рабочих заводов, крестьян, студентов, мелких служащих»¹². Но сделать это чрезвычайно трудно, потому что книга написана не о них. Речь о повседневности именно политической. В политике же эти люди, по сути составляющие великий, так и не определённый толком учёными социальный феномен под названием Народ, были и есть — лишь средство для достижения или же демонстрации жизненного успеха, а также материал для социальных экспериментов. Как давили безнаказанно машинами людей в 1930—40-е в городе М, так делают это и сегодня в городе П. Профессор Лейбович — человек очень умный и осторожный: он берёт своих главных героев преимущественно из вузовской, научной сферы — т. е. среды более близкой ему (и безопасной), старательно обходя связи с сегодняшней повседневностью (помилуйте, пятьдесят лет прошло!) и не забывая потоптаться на поверженных кумирах-администраторах.

А. Кимерлинг пытается выделить некую специфику Молотова: его закрытость, избрание местом ссылки, оборонную направленность промышленности, жизнь по законам лагеря, соответствующий внешний облик. Но сколько их было таких по России — городов и М, и Н, и АБВГД, — по сути все тех же Н, вступивших на путь сталинского форсажа! Так что выявленная картина представляется для российской провинции достаточно типичной. И все же каждый город в чём-то уникален, неповторим.

Подчеркнём вот что: Пермь — первый университетский город Урала. Может быть, поэтому не каждый российский город имеет пока такие книги.

Но какими бы тяжёлыми ни были условия жизни, скудных ресурсов всегда хватало на то, чтобы обеспечить относительно комфортное существование господствующего класса, формирующегося в любых условиях в самое кратчайшее время. Речь идёт о номенклатуре, названной О. Л. Лейбовичем «советским политическим классом, обживающим привилегированные социальные ниши, восстанавливающим или, вернее сказать, заново устанавливающим разорванные внутренние социальные связи, выстраивающим защитные механизмы по отношению и к верховной власти, и к оспаривающим его притязания массам трудового населения»¹³. Повторялась ситуация 30-х годов, завершившаяся большой чисткой. Призрак террора продолжал владеть умами и социальными инстинктами, но новой войны «алой и белой роз» в эшелонах власти никто больше не хотел.

Другое дело — интеллигенция. «Эта общественная группа, тесно связанная с номенклатурой, переживает сходные процессы: она претендует на социальную автономию, основанную на профессиональных достижениях и культурных традициях, и тем самым бросает вызов одновременно и номенклатуре, и верховной власти, и работникам физического труда, от которых отделена образовательным цензом»¹⁴.

Все это происходит в интересах и рамках кланов, удачно названных современником «домами». Дома формировались на манер средневековых родственных общин — особых социальных институтов, основанных на взаимном доверии, родстве, личных пристрастиях и т. д. Существование домов-кланов в российском провинциальном городе XX века доказывается на огромном фактическом материале, изученном в Молотове—Перми. Единственное, в чём можно не согласиться с автором, так это в том, что дома-кланы «по своей природе были противоположны партийным и государственным учреждениям сталинской системы»¹⁵. Во-первых, этому противоречат многие из приведённых в этой же книге фактов, а во-вторых, исследования с этих позиций партийно-государственных верхов, если они вообще возможны, никто ведь не проводил.

Рассказывая о профессорах Париных, О. Л. Лейбович дает лучшее в книге определение клановой системы: «Происходила непрерывная борьба за ресурсы и символическое признание заслуг между отдельными подразделениями и лицами; сложилась специфическая культура участия в публичной жизни, предполагавшая использование властных акций для отстаивания частных и местных интересов. Особенностью клановой системы являлось тесное переплетение разнородных институциональных образований: публичных и частных, основанных на взаимном родстве, земляческих связях и общности биографий. Клановые отношения имели сугубо иерархический характер, повторявший в своих узловых моментах строение государственных и партийных институтов, в симбиозе с которыми они существовали. В отношениях между кланами также преобладали отношения господства и подчинения»¹⁶. Поневоле подумаешь: уж лучше бы мы писали о «культурных гнездах» — всё было бы как-то мягче, человечнее.

Действительно, главная сфера проявления многогранных функций интеллигентских кланов — политика. А в основе политики, как известно, — борьба за власть. «Номенклатурные и интеллигентские кланы непрерывно борются между собой, вступая в жесточайшие схватки по причинам, которые с исторической дистанции представляются ничтожными. При этом война всегда идёт на уничтожение и в то же время ведётся по правилам, согласно тщательно разработанным ритуалам. В них обязательно присутствуют апелляция к высшему авторитету, заверения в личном и групповом бескорыстии, жонглирование идеологическими формулами»¹⁷. В общем, «какая гадость, эта ваша заливная рыба!»

Также великой заслугой автора является постановка вопроса о влиянии Великой Отечественной войны на утверждение большей самостоятельности местных управленческих инстанций и оборонных предприятий. Военная экономическая политика придавала руководителям-хозяйственникам «статус действительных капитанов индустрии, имеющих право принимать ответственные решения в производственной, технологической и хозяйственной сфере, маневрировать в соответствии с меняющейся конъюнктурой и, что совсем немаловажно, рассчитывать на соответствующее вознаграждение — не только материальное, но и

моральное. После войны верховная власть постепенно оттеснила этих людей с завоеванных ими позиций, возобновила старые регламенты и вводила дополнительные запреты и ограничения, отказывалась признавать былые заслуги и наказывала за малейшие отступления от новой линии. В такой ситуации военная модель хозяйствования в её практическом воплощении приобретает в глазах индустриальных менеджеров идеальные черты. Она рассматривается ими как недостижимый образец правильного управления промышленностью, да и экономикой в целом»¹⁸.

В этой связи интересен также взгляд на совнархозы как на попытку вновь поставить местную экономику под контроль Москвы. Однако предпринятая мера лишь усилила вскрытое противоречие, а не устранила его. Добавим к этому разрушительные для сформировавшейся политической системы процессы: «отчуждение от политической жизни множества молодых людей, протестные акты одиночек, во имя коммунистических принципов отвергающих партийную линию, десакрализацию власти, наконец, глухое недовольство всем и всяческим начальством со стороны городских низов»¹⁹.

Да и номенклатура измучилась: хотелось не только благоустроенного домашнего быта, коммунальных привилегий, хотелось гарантий того, что всё это не исчезнет в одночасье в связи с какой-то административной оплошностью, новыми веяниями или просто сквозняком на политическом олимпе. А самое главное — фактически, а не номинально распоряжаться отданной в её ведение государственной собственностью. Говорить же приходилось «о достоинстве советского человека, о готовности к самопожертвованию, коммунистической скромности, партийной дисциплине и большевистской бдительности». Те же проблемы стояли перед сросшейся с партийным аппаратом и обслуживавшей его интересы интеллигенцией. Не вписавшиеся в систему порой шли ва-банк. Иногда, как явствует из приводимых источников, с ведома и благословения спецслужб, иногда — по своей инициативе. Последнее пресекалось самым строгим образом.

В условиях послевоенного времени власть дозированно использует террористический инструмент и идеологические кампании для удержания интеллигенции в повиновении, и кампании эти пользуются общественным одобрением. С другой стороны,

представители интеллигенции, вольно или невольно, оказываются противниками субъектов реальной власти, отражая настроения тех или иных социальных слоёв. Однако они, как всегда, страшно далеки от народа: их корпоративные интересы не могли вызвать сочувствия широких слоёв населения. К тому же вряд ли население, озабоченное условиями очередного периода выживания, знало что-то определённое об этих интересах. Знали, что ходят в шляпах. Да и то не все и не часто.

Владимир Киршин в своей книге «Частная жизнь» пишет по поводу одной из фотографий: «Это мы на демонстрации. Меня здесь нет, людей этих я не знаю, но это именно — МЫ. Кроме одного — он в шляпе, он не “мы”. Все люди как люди, а он шляпу надел. Ему померещилась оттепель. Вот именно ему — одинокому, зажатому толпой и слегка растерянному — хочется посвятить эту книгу»²⁰. Судя по фотографии, на улице действительно холодно. Но вот рискнул здоровьем — и пожалуйста, индивидуальность. По этому простейшему пути поведут народ к массовой культуре многие интеллигенты. Потом, когда все наденут шляпы, они вновь наденут шапки. Или кепки. Или вообще придут без головного убора. Или без головы. И вновь будут считать себя особой кастой, солью земли. Но это уже новая эпоха и другая история.

С точки же зрения Олега Лейбовича, номенклатура в дальнейшем добьётся своих интересов, упорядочив властные институты и, с увеличением количества вузов и представителей в них рабочей и колхозной молодёжи, растворит интеллигенцию в «толпе дипломированных новобранцев». То, что подобное было уже однажды, в 1930-е годы, а интеллигенция при этом выжила, пополнившись выдающимися выходцами из этих самых новобранцев, историка не смущает: уж сегодня-то, с его точки зрения, её точно не должно быть.

Нищета деревни, репрессивные практики, идеологические погромы — вот фон изученных историком событий. Автор пытается доказать, что и в тех условиях были люди, особенно в среде интеллигенции, «обладающие резко выраженными индивидуальными чертами, меньше всего напоминающие винтики государственной машины с их клишированным сознанием и запрограммированным поведением»²¹. Задача благородная, но в сфере политики, по-видимому, менее всего выполнимая. Другие же сферы

историк почти не затрагивает. Его герои сутками сидят на собраниях и дискутируют в борьбе за чистоту линии партии и правительства. Некоторые читают художественную литературу. Единственный в СССР, существовавший даже не в областном городе, оперный театр упомянут лишь однажды, музеи — вообще ни разу, спорт, художественная самодеятельность, даже любовь — всё за бортом. Зато красной нитью — пьянство, моральное разложение. Ну и высокий профессионализм, конечно, в цене. Ведь именно он и должен обязательно превратить русского интеллигента в прозападного интеллектуала.

Однако книга Светланы Федотовой хорошо показывает, как вся жизнь изумительных профессионалов, славных, интеллигентных людей легко, запросто может быть отдана на службу отрицательно оцениваемому политическому режиму или угрожающей всему человечеству холодной войне.

Бытовая, уличная, неформальная повседневность становится объектом рассмотрения в книгах В. Киришина и Н. Горлановой. В чём-то удачно, в чём-то нет, но они делают взгляд на пермскую интеллигенцию второй половины XX века более панорамным, более объёмным.

Примечания

- ¹ *Федотова С. Л.* Молотовский коктейль // Федотова С. Л. Молотовский коктейль ; Киришин В. А. Частная жизнь. Пермь, 2009 ; *Лейбович О. Л.* В городе М : очерки полит. повседневности сов. провинции в 40—50-х годах XX века. Пермь, 2009 ; *Киришин В. А.* Частная жизнь : очерки частной жизни пермяков, 1955—2001 // Федотова С. Л. Молотовский коктейль ; Киришин В. А. Частная жизнь ; *Горланова Н. В.* Вся Пермь. Пермь, 2009.
- ² *Горланова Н. В.* Вся Пермь. Пермь, 1996 ; *Киришин В. А.* Частная жизнь : очерки частной жизни пермяков, 1955—2001. Пермь, 2003 ; *Лейбович О. Л.* В городе М : очерк полит. повседневности сов. провинции в 40—50-х годах XX века. Пермь, 2005 ; *Федотова С. Л.* Молотовский коктейль. Пермь, 2005.
- ³ См., напр.: *Киришин В. А.* Частная жизнь // Пермский Пресс-Центр. 2001. № 9—12 ; 2002. № 13 ; *Киришин В. А.* Частная жизнь // Лит. Пермь. 2002. № 2 ; *Киришин В. А.* Частная жизнь // Уральская новь. Челябинск, 2002. Вып. 13 ; *Киришин В. А.* Частная жизнь // Ретроспек-

- тива: Перм. ист.-архив. журн. 2008. № 2—3; *Кишин В. А.* Частная жизнь // Russian magazine «FlogiDA»; Профсоюзный курьер. 2002. 19 сент.; 2003. 13 февр.; 2004. 5 февр.; *Зернов А.* «Намедни» по-пермски // Урал. 2004. № 5; и др.
- ⁴ *Федотова С. Л.* Указ. соч. Пермь, 2009. С. 77.
- ⁵ *Лейбович О. Л.* Указ. соч. Пермь, 2009. С. 49.
- ⁶ Там же. С. 51
- ⁷ Там же. С. 62—63.
- ⁸ Там же. С. 44.
- ⁹ Там же. С. 346.
- ¹⁰ Цит. по: *Лейбович О. Л.* Указ. соч. Пермь, 2009. С. 380.
- ¹¹ *Раков В.* Вкус «Молотовского коктейля» // *Федотова С. Л.* Указ. соч. Пермь, 2009. С. 6—7.
- ¹² *Кимерлинг А.* Всё тайное однажды становится явным // *Лейбович О. Л.* Указ. соч. Пермь, 2009. С. 7—8.
- ¹³ *Лейбович О. Л.* Указ. соч. Пермь, 2009. С. 12—13.
- ¹⁴ Там же. С. 13.
- ¹⁵ Там же. С. 16.
- ¹⁶ Там же. С. 79—80.
- ¹⁷ Там же. С. 15.
- ¹⁸ Там же. С. 17—18.
- ¹⁹ Там же. С. 18.
- ²⁰ *Кишин В. А.* Указ. соч. Пермь, 2003. Вкл. ил. 1.
- ²¹ *Лейбович О. Л.* Указ. соч. Пермь, 2009. С. 12.

ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

А. А. Пронин

**Отзыв официального оппонента
на диссертацию К. В. Средняк
«ПИСАТЕЛИ ТРЕТЬЕЙ ВОЛНЫ ЭМИГРАЦИИ:
ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С СОВЕТСКОЙ
И ЗАПАДНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЕЙ В 1960—80-е гг.»**

Диссертация была представлена на соискание учёной степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 «отечественная история». Защита диссертации состоялась 16 апреля 2010 г. на заседании диссертационного совета Д 212.029.02 при Волгоградском государственном университете.

На протяжении последних 20 лет изучение российской эмиграции остаётся одной из актуальных задач отечественной науки. Отправной точкой на этом пути следует признать распоряжение Президиума АН СССР от 16 октября 1987 г. № 0281 «Об изучении процессов, происходящих в среде зарубежных соотечественников». В 1988 г. в Отделении литературы и языка АН СССР была создана группа по изучению наследия российской эмиграции.

Объём и разнообразный характер исследований, осуществлённых в конце XX — начале XXI в., дают нам право говорить о появлении эмигрантоведения как нового общественно значимого направления в отечественной гуманитаристике, развивающегося ускоренными темпами.

© Пронин А. А., 2010

Пронин Александр Алексеевич — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры правового и документационного обеспечения управления Российского государственного профессионально-педагогического университета (Екатеринбург). postdoc@k66.ru

Ажиотаж вокруг темы эмиграции, её культурного наследия, своего рода мода, каковую мы отмечали в начале 1990-х гг., в первом десятилетии XXI в. уступили место спокойной, кропотливой («академичной») исследовательской работе — закономерный этап эволюции любого нового научного направления.

Главный итог всех сделанных за два последних десятилетия научных изысканий состоит в признании российской эмиграции составной частью единой российской культуры — хранительницей её лучших традиций, а истории эмиграции — составной частью социальной истории Российского государства.

Если обратиться к столь репрезентативной группе научных работ, как диссертации, то в их массиве, датированном 1980—2005 гг. и отраженном в «Летописи авторефератов диссертаций», эмиграции третьей послеоктябрьской волны посвящены лишь 52 работы из выявленных нами 903 (5,8 %). Причём исследование этой волны началось фактически лишь в первом десятилетии XXI в. и ведётся главным образом филологами. В названиях диссертаций 1980—2005 гг. присутствуют такие имена писателей и поэтов третьей послеоктябрьской эмиграционной волны, как В. П. Аксёнов (2 диссертации), И. А. Бродский (16), В. Н. Войнович (1), А. А. Галич (1), С. Д. Довлатов (8), В. Е. Максимов (4), В. П. Некрасов (1), Саша Соколов (4), А. И. Солженицын (12 работ) — всего 9 персоналий. В двух работах исторического плана¹ затрагиваются только некоторые аспекты темы.

В условиях абсолютного приоритета интереса исследователей российского зарубежья к эмиграции первой послеоктябрьской волны как наиболее яркой (ей посвящено 79,3 % известных нам диссертаций 1980—2005 гг.) целесообразно устранив эту диспропорцию и обратиться к изучению других эмиграционных волн, что может оказаться не менее интересным. Из сказанного следует также, что назрела задача создания специальной работы обобщающего характера, посвящённой эмиграции писателей из России в 60—80-е гг. XX в. Это может быть сделано только историком, однако междисциплинарный характер подобной работы очевиден. Такой труд подготовлен Ксенией Вячеславовной Средняк.

Исследование К. В. Средняк «Писатели третьей волны эмиграции: проблемы взаимодействия с советской и западной

интеллекцией в 1960—80-е гг.» актуально и характеризуется высокой степенью научной новизны. Автором справедливо подчёркивается неразработанность проблемы в отечественной истории².

Диссертация имеет внутреннее единство. Ее структура представляется продуманной и логичной.

Следует признать удачным введение. При характеристике степени разработанности проблемы автором анализируется не только отечественная, но и эмигрантская литература, зарубежная историография, в том числе труды на иностранных языках. Включение в формулировки объекта и предмета исследования термина «интеллекция» представляется оправданным (российскую эмиграцию часто именуют детищем интеллекции) и автоматически делает решение поставленных автором задач существенным не только для российского эмигрантоведения, но и интеллигентоведения.

В первой из двух глав работы раскрываются предпосылки эмиграции писателей из Советского Союза. Автор начинает исследование с характеристики положения писательской интеллекции в советском обществе в 1960—70-е гг., оценивая возможности для неподцензурного творчества, предоставлявшиеся советским писателям самиздатом и тамиздатом. В следующих параграфах анализируется общественно-политическая активность советских писателей и раскрывается значение национального мотива в их решении эмигрировать; рассматривается степень влияния Запада на взгляды и позиции представителей советской писательской интеллекции; показана реакция советского общества на выезд писателей в эмиграцию. Во второй главе «Культурная и общественно-политическая деятельность писателей-эмигрантов в Западной Европе и США» освещена проблема адаптации литераторов за рубежом, изменения в их юридическом и профессиональном статусе; выявлены особенности взаимоотношений представителей третьей волны с западной интеллекцией и средой российского зарубежья; изучены формы взаимодействия писателей-эмигрантов и советской интеллекции в 1970—80-е гг. Выбор территориальных рамок предмета исследования второй главы убедительно подкреплён приводимыми диссертантом статистическими данными рассеяния писателей-эмигрантов³.

По каждому рассмотренному вопросу соискателем сделаны выводы, достоверность которых основывается на богатой источниковой базе исследования, насчитывающей семь видов источников, среди которых — официальные документы (нормативные, партийные, делопроизводственные), материалы центральной, эмигрантской и иностранной периодической печати, опубликованные и неопубликованные документы личного происхождения (мемуары, дневники, частная переписка), литературно-публицистические источники (открытые письма, публичные речи, выступления на радио, художественные произведения), интервью, материалы самиздата. Автор хорошо поработала в архивах, благодаря чему в научный оборот введен ряд неопубликованных источников.

В заключении подведены основные итоги исследования.

Впечатляет подготовленный диссертантом именной указатель «Писатели третьей волны эмиграции», насчитывающий 193 персоналии и оформленный как приложение к работе. В нём указаны имя писателя-эмигранта, даты и место его рождения и смерти, деятельность до эмиграции, дата и место эмиграции, деятельность в эмиграции. Столь масштабная систематизация биографического материала применительно к персоналиям третьей послеоктябрьской эмиграционной волны осуществлена впервые, хотя и имеет своих предшественников⁴.

К числу достоинств работы К. В. Средняк следует отнести ясный язык.

Вместе с тем в работе имеются положения, которые кажутся нам небесспорными.

Так, в отношении самых разных волн эмиграции из России К. В. Средняк использует термины «русская эмиграция» и «русское зарубежье». При этом прилагательное «российский» в сочетании со словами «эмиграция» и «зарубежье» не использовано даже в качестве синонима, что, по всей видимости, является принципиальной позицией автора. Между тем, называя всю эмиграцию из России русской, исследователь тем самым изображает её как мононациональную⁵. В связи с тем, что далеко не каждый представитель проживающих в России диаспоральных этносов согласится именоваться русским, непродуманное применение научных терминов может приобрести нежелательную политическую окраску⁶.

В 1993 г. историком и этнографом В. А. Александровым было высказано мнение, что для России был бы полезен опыт США, где принадлежность к нации определяется только по признаку гражданства⁷. Таким образом, всех жителей России было бы уместно именовать россиянами, в том числе и бывших выходцев из нашей страны, находящихся в эмиграции⁸.

Следует заметить, что на долю этнических русских, оставивших Россию до 1917 г., приходилось немногим более 4 % от общего числа выехавших⁹. Среди 270 тыс. так называемых перемещённых лиц, не вернувшихся в СССР после Второй мировой войны, русских было около половины. В 1960—80-е гг. из Советского Союза выезжали преимущественно евреи, немцы, греки, армяне, а русские чаще всего покидали страну в браках с представителями названных национальностей¹⁰. Согласно официальным статистическим данным, русские не составляли большинства и среди выбывших из России в зарубежные страны (за исключением стран СНГ и Балтии) в 1990-е и 2000—2005 гг.; правда, доля их в эмиграционном потоке с незначительными колебаниями росла: от 21,7 % в 1992 г. до 45,6 % в 2004 г.¹¹ Собственно русским был лишь поток первой послеоктябрьской волны эмиграции, поэтому говорить о русской эмиграции, русском зарубежье можно лишь применительно к нему. В остальных случаях правильнее оперировать термином «российская эмиграция», так как это понятие объединяет всех подданных (граждан) России, покинувших свою родину, вне зависимости от национальности. Нами термином «*российская эмиграция*» обозначаются все оставившие страну подданные и граждане Российского государства, в разные периоды его истории (Российская империя, РСФСР, Союз ССР, Российская Федерация) уехавшие за рубеж на постоянное жительство либо оказавшиеся за пределами родины по политическим, экономическим и другим причинам на более или менее длительный срок. В трактовке термина «*российское зарубежье*» мы солидарны с К. А. Мазиным¹² и подразумеваем всю совокупность деятельности и пребывания наших соотечественников за рубежом. Таким образом, термин «российское зарубежье» предполагает изучение не только эмиграционных процессов, что позволяет существенно увеличить формат исследований. Оба названных термина — «российская эмигра-

ция» и «российское зарубежье» — значительно шире любых иных и потому универсальны.

Вместе с тем мы не станем возражать К. В. Средняк в том, что определение третьей волны как еврейской эмиграции не является исчерпывающим применительно к деятелям литературы. Их повышенное внимание к проблемам еврейства, наблюдавшееся в 1960-е — начале 1970-х гг., было связано с протестом против имевших место проявлений антисемитизма. В условиях отсутствия эмиграционного законодательства получение вызова из Израиля было также способом выезда из СССР, которым воспользовались многие писатели — как евреи, так и русские.

Подводя итог сказанному, мы считаем: диссертация «Писатели третьей волны эмиграции: проблемы взаимодействия с советской и западной интеллигенцией в 1960—80-е гг.» вносит значимый вклад в науку, соответствует критериям, предъявляемым к содержанию диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, а также паспорту специальности 07.00.02 «отечественная история». Автор диссертации, Ксения Вячеславовна Средняк, заслуживает присуждения ей искомой степени кандидата исторических наук по названной специальности.

Примечания

¹ *Базанов П. Н.* Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917—1988) : дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2005 ; *Гуревич А. Л.* Культурно-религиозная деятельность русской эмиграции: по материалам истории Русского студенческого христианского движения : дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.

² *Средняк К. В.* Писатели третьей волны эмиграции: проблемы взаимодействия с советской и западной интеллигенцией в 1960—80-е гг. : дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2010. С. 3.

³ Там же. С. 120—122.

⁴ См., напр.: Писатели-диссиденты: библиографические статьи // Новое лит. обозрение. 2004. № 2.

⁵ *Тарле Г. Я.* История адаптации российских эмигрантов в литературе 1990-х гг.: эволюция понятий // Адаптация российских эмигрантов (конец XIX—XX в.) : ист. очерки. М., 2006. С. 58.

⁶ Там же. С. 60.

- ⁷ Александров В. А. Русскоязычные, русские, россияне... // Столица. 1993. № 26 (136). С. 10—12.
- ⁸ Тарле Г. Я. Указ. соч. С. 60.
- ⁹ Нитобург Э. Л. У истоков русской диаспоры в Америке // США: Экономика. Политика. Идеология. 1996. № 7. С. 86.
- ¹⁰ Брук С. И. Миграции населения: российское зарубежье // Народы России : энцикл. / гл. ред. В. А. Тишков. М., 1994. С. 62 ; Федотов А. С. Российская эмиграция и русское зарубежье: к вопросу о дефинициях // Роль русского зарубежья в сохранении и развитии отечественной культуры : тез. докл. науч. конф., Москва, 13—15 апреля 1993 г. / отв. ред. Ю. С. Борисов. М., 1993. С. 5.
- ¹¹ Об эмиграции россиян в страны дальнего зарубежья в 1992 г. : стат. бюл. М., 1993. С. 12 ; Численность и миграция населения Российской Федерации в 1993 г. : стат. бюл. М., 1994. С. 88 ; Численность и миграция населения Российской Федерации в 1994 г. : стат. бюл. М., 1995. С. 94 ; Численность и миграция населения Российской Федерации в 1995 г. : стат. бюл. М., 1996. С. 92 ; Численность и миграция населения Российской Федерации в 1996 г. : стат. бюл. М., 1997. С. 92 ; Численность и миграция населения Российской Федерации в 1997 г. : стат. бюл. М., 1998. С. 74—75 ; Численность и миграция населения Российской Федерации в 1998 г. : стат. бюл. М., 1999. С. 91—92 ; Численность и миграция населения Российской Федерации в 1999 г. : стат. бюл. М., 2000. С. 101—102 ; Численность и миграция населения Российской Федерации в 2000 г. : стат. бюл. М., 2001. С. 104—105 ; Численность и миграция населения Российской Федерации в 2001 г. : стат. бюл. М., 2002. С. 95—96 ; Численность и миграция населения Российской Федерации в 2002 г. : стат. бюл. М., 2003. С. 84—85 ; Численность и миграция населения Российской Федерации в 2003 г. : стат. бюл. М., 2004. С. 96—97 ; Численность и миграция населения Российской Федерации в 2004 г. : стат. бюл. М., 2005. С. 94—95 ; Численность и миграция населения Российской Федерации в 2005 г. : стат. бюл. М., 2006. С. 97—98.
- ¹² Мазин К. А. Некоторые тенденции развития историографии дореволюционного российского зарубежья за последнее десятилетие XX в. // История российского зарубежья. Проблемы историографии (конец XIX—XX в.) : сб. ст. / под ред. Ю. А. Полякова и Г. Я. Тарле. М., 2004. С. 89.

Д. И. Польшиванный

О КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКОЙ ТРАДИЦИИ И «ДЕГЕНЕРАЦИИ СМЫСЛОФОРМ»

Жанр текста, подписанного В. П. и Ж. Л. Океанскими¹, трудно определим. В примечании он назван статьёй, что предполагает постановку конкретной научной проблемы, верифицируемый путь её разрешения и научную новизну результатов. Последнее тем более важно, т. к. публикация в журнале, как следует из примечания, призвана подтвердить результативность научно-исследовательской работы «Герменевтические исследования макрокультурного кризиса и антикризисного потенциала русской словесной культуры», осуществляемой Шуйским государственным педагогическим университетом «в русле» (так в тексте. — *Д. П.*) федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (2009—2013 гг.)».

Первая часть «статьи» (с. 135—137) с незначительными изменениями воспроизводит отрывок из текста, опубликованного три года тому назад². Авторы лишь сняли ссылку на Рене Генона и добавили общие рассуждения о «софийности», а также выделенную курсивом цитату из русского перевода Пространного жития св. Кирилла (Константина Философа). Далее со с. 139 и до конца «статьи» практически буквально повторён ещё один текст, размещённый на сайте В. П. Океанского 6 февраля 2008 г. под названием «Пресвятая Троица и софийность времени: антикризисный потенциал православной традиции»³. Среди немногих отличий воспроизведения — переименование «Хомяковско-Булгаковских» начинаний в «Кирилло-Мефодиевские» и снятие ещё одной ссылки на Генона. Наконец, связывает оба отрывка двухстраничный экскурс об А. С. Хомякове (с. 137—138), где В. П. Океанский представляет своего героя продолжателем ки-

---

© Польшиванный Д. И., 2010

Польшиванный Дмитрий Игоревич — доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе Ивановского государственного университета, зам. главного редактора журнала «Личность. Культура. Общество». dipol53@mail.ru

рилло-мефодиевской традиции и предтечей всей «будущей интеллектуальной культуры Европы — Ницше, Дильтея, Бергсона, Шпенглера, Генона» (прорвался-таки крамольный евромусульманин!), а также «хайдеггеровско-дерриданской проблематики». Текст помещён под рубрикой «Дискуссия», но в нём нет ни выносимых на обсуждение тезисов, ни предложений о дисциплинарных рамках диспута, его категориальном аппарате, целях дискуссии и пр. Приведённые примеры достаточны, чтобы уверенно констатировать в опубликованном материале отсутствие признаков научной статьи. Тем более, данная компиляция не может быть показателем выполнения научно-исследовательской работы, начатой в 2009 г.

Дальнейшее не является рецензией на публикацию Океанских. Я не считаю себя сведущим ни в «метафизической отечественности бытия», ни в «философском имяславии», ни в «дегенерации смыслоформ». В то же время как историка православной славянской культуры меня не могло не задеть крайне небрежное обращение авторов с кирилло-мефодиевской традицией. Я нередко участвую в компетентных дискуссиях о кирилло-мефодиевской традиции со специалистами. Это — филологи, текстуально знающие древнецерковнославянскую книжность; историки, изучающие по сохранившимся свидетельствам роль кирилло-мефодиевского наследия в культурах славянских обществ Средневековья и Нового времени; богословы, отыскивающие в творчестве славянских просветителей продолжение апостольской и святоотеческой традиций. Изучать традицию можно лишь при условии знания по аутентичным свидетельствам хотя бы одной из её главных составляющих, и вольные рефлексии, построенные на случайных ассоциациях, в научных дискуссиях не поощряются.

Что понимается в этих дискуссиях под кирилло-мефодиевской традицией? Святые равноапостольные братья Кирилл (Константин Философ) и Мефодий действительно заложили основы традиции, лежащей в основании культур многих славянских народов. Целью византийской миссии в крупнейшее из современных Константину Философу и Мефодию славянских государств — Великую Моравию — было обращение к восточному христианству славян, ещё остававшихся вне сферы византийского

влияния. Составление сакрального славянского алфавита (как предполагает большинство учёных, им была т. н. глаголица) стало лишь предпосылкой главной культурной деятельности святых братьев. Готовясь к миссии, они создали на основе хорошо известных им с детства южнославянских наречий точное подобие греческого языка Св. Писания, перевели на него Евангелие с апостольскими деяниями и некоторые богослужебные, святоотеческие и канонические книги. Древнецерковнославянский язык священных книг христианства стал тем духовным истоком, от которого проросла вслед за латинской и греческой третья ветвь культуры средневековой Европы — славянская. Её ответвлением стала книжная культура христианской Древней Руси.

Между официальными целями кирилло-мефодиевской миссии, определявшейся политикой императора Михаила III и патриарха Фотия, и её реальными результатами учёные находят разительные расхождения. Константин Философ, посланный Фотием в Моравию по существу с антизападной миссией, добился у папы Адриана II признания славянских переводов Писания каноническими, умер и был с почётом погребён в Риме. Его брат Мефодий был рукоположён папой во епископа Паннонии (современной Венгрии), в то время населённой славянами, и, таким образом, привёл их в каноническое подчинение Риму. Созданную братьями письменность в славянской книжности вскоре сменило усовершенствованное греческое письмо, за которым впоследствии утвердилось название «кириллица», а глаголица много веков использовалась как тайная священная письменность в католической Хорватии. После смерти св. Мефодия (885 г.) ученики славянских просветителей оказались в Болгарии, входившей в диоцез Константинопольского патриархата. Именно здесь, в условиях т. н. «золотого века» славянской книжности, был создан путём переложения с греческого основной корпус церковных текстов, ставший первообразом и основой, по выражению итальянского слависта Рикардо Пиккио, «литературной цивилизации православного славянства» (выделено нами. — Д. П.)⁴.

Если политическим и церковным центром византийского мира, культурную периферию которого составляли славянские земли Болгарии, Сербии и Руси, был Константинополь-Царьград,

то книжную культуру православного славянства питали многочисленные монастыри, расположенные и в византийской столице, и на Святой горе Афон, и в самих славянских землях. Распространяясь вместе с христианством греческого обряда, кирилло-мефодиевская традиция несла с собой великий дар церковнославянского языка, способного адекватно выразить всё многообразие восточнохристианской библейской, литургической, житийной, богословской книжности. Этот язык, не принадлежа ни одному из славянских народов в отдельности, стал основой литературных языков многих из них. Однако, дополняя первооснову и приспособивая её к нуждам своих обществ, средневековые славянские народы неизбежно сужали поле древнецерковнославянской традиции и тем самым создавали центробежные тенденции внутри самой «литературной цивилизации». Иными словами, кирилло-мефодиевская традиция, достигнув высшей точки развития в Болгарии X в., была изначально обречена на нисходящую траекторию дальнейшего бытия и, в конечном счёте, будучи усвоенной в Болгарии, Сербии и на Руси, растворилась в их книжности и языке, передав им многие свои качества.

О духовном содержании традиции позволяют судить, во-первых, немногочисленные произведения ближайших учеников свв. Кирилла (Константина) и Мефодия и, во-вторых, объём славянской выборки из гораздо более обширной и богатой византийской традиции, которая складывалась в течение всего «христианского тысячелетия» Восточного Рима. То, что мы знаем о святых братьях, позволяет видеть в них искренних сторонников христианского единства Европы (это дало папе Льву XIII основания причислить свв. Кирилла и Мефодия к лику святых Римско-католической Церкви в 1880 г., а Иоанну Павлу II в 1980 г. провозгласить их покровителями Европы). Политическим идеалом равноапостольных братьев была мировая христианская империя, «Царство Христово», прообразом которого они видели современную им Византию.

В философском и богословском отношении учителя славянства, во-первых, особенно почитали традиции каппадокийской школы, прежде всего св. Григория Богослова и св. Иоанна Златоуста, и, во-вторых, были весьма привержены мистическому

богословию св. Дионисия Ареопагита. Безусловно, переводы, компиляции и сочинения святых братьев и их славянских учеников охватывали многие важнейшие составляющие восточнохристианского духовного наследия, включавшего, помимо Св. Писания и литургической книжности, философские и богословские труды, жития и службы, учительные и полемические сочинения, исторические труды и канонические книги и пр. Но славянские переводы и аналоги византийских произведений при всей их многочисленности и объёме не представляли всего многообразия своего византийского инварианта. Кирилло-мефодиевская традиция предпочитала компактные подборки византийского духовного наследия в виде сборников из произведений многих авторов или обобщающих трудов, например «Точного изложения православной веры» Иоанна Дамаскина. Кроме того, она продолжала зависеть от творческого потенциала византийских центров. Поэтому упадок Византии в конце XII и первой половине XIII столетия, а затем её гибель в середине XV в. лишили кирилло-мефодиевскую традицию дальнейшей культурной подпитки и обусловили её угасание в целостном виде. Но последним парадоксом стало воистину метафизическое, духовное продолжение традиций, заложенных святыми братьями, в языках, словесности и культуре многих славянских народов. Ф. И. Тютчев в стихах к 1000-летию Успения св. Кирилла (1869) писал, откликаясь на предсмертные слова Учителя словенского:

Причастные его труду,
Чрез целый ряд веков, чрез столько поколений,
И мы, и мы его тянули борозду
Среди соблазнов и сомнений⁵.

Эти строки прекрасно выражают роль кирилло-мефодиевской традиции в отечественной словесности. Однако об этой традиции из «статьи» читатель, увы, ничего не узнает. Что же касается немногих сообщаемых Океанскими, «согласно агиографическим источникам», сведений о св. Кирилле (Константине Философе), то они изобилуют ошибками. Будущий просветитель славян Константин родился около 827 г. в Фессалониках и не был, как и его брат, «македонцем». В Пространном житии св. Мефодия приводятся слова императора Михаила III: «Вы ведь

солуняне, а солуняне чисто говорят по-славянски»⁶. Учитывая высокое положение отца семейства Льва, учёные предполагают, что Константин и его старший брат Мефодий (всего в семье было семеро детей) принадлежали либо к греческой, либо к эллинизированной славянской среде юга Балкан. Приехав учиться в Царьград, Константин не мог сидеть «за одной партией» с уже возведённым на престол малолетним византийским императором Михаилом III хотя бы потому, что был намного старше царственного отрока (и по отсутствию в то время парт). Не мог принять не достигший ещё и двадцати лет Константин «сан иерея», видимо, будучи первоначально посвящён во диаконы. Гора Олимп, на которой находился монастырь старшего брата Константина — Мефодия — это не Олимп в Фессалии, который назван нашими православными культурологами «местом проживания прежних языческих богов», а одноимённая гора в Малой Азии. Константин не уступал в филологической подготовке своему старшему брату. Он прибыл к Мефодию уже опытным полемистом и дипломатом, знающим несколько языков. Иноческий постриг Константин принял, как и имя Кирилл, за пятьдесят дней до смерти. Отдельные палеослависты толкуют слова Пространного жития св. Мефодия «приимъ свет к свету» как свидетельство принятия высшей степени монашества — схимы; другие считают, что речь идёт о «повторном крещении» — принятии монашеского сана.

Перелицовывая свои обрывки, авторы легко заменили «Хомяковско-Булгаковские начинания» на «Кирилло-Мефодиевские».

В Новое время многие средневековые культурные традиции переживают «второе рождение» путем «изобретения традиции», как выразился Эрик Хобсбаум⁷. В условиях поиска российской культурной идентичности наследие свв. Кирилла и Мефодия также было символически востребовано. Имел ли к этому отношение А. С. Хомяков? При всей своей огромной начитанности он не проявлял интереса к славянским первоучителям, хотя уже при его жизни в России о них знали многое. Жития святых братьев были включены в собрание св. Димитрия Ростовского, их напечатал ещё в 1825 г. М. П. Погодин. Его журнал «Москвитянин» с 1841 по 1856 г. постоянно публиковал материалы по кирилло-мефодиевской тематике. Кирилло-мефодиевская традиция была особенно

активно востребована чешским национальным движением, одного из вдохновителей которого, Вацлава Ганку, основатель славянофильства знал лично. Лишь единственный раз в стихотворении «Беззвёздная полночь дышала прохладой» (1847) Хомяков, описывая своё сновидение (в златоверхий православный храм в Праге входит епископ «в старой одежде святого Кирилла»⁸), упоминает одного из первоучителей славянства. На самом деле епископом был не св. Кирилл, а его брат, но сон есть сон. Церковнославянский язык Хомяков считал «болгаро-славянским»⁹, «полумёртвым»¹⁰ и пагубным для «брахманов Запада»¹¹ — славян.

Общественным настроениям 40—50-х гг. XIX в. в России также не был свойственен интерес к кирилло-мефодиевской традиции. Печальная ли судьба Кирилло-Мефодиевского общества или далёкие от идеалов солунских братьев национальные выступления западных и южных славян в 1846—1848 гг. были тому виной, но большого общественного резонанса не вызвали ни продолжавшиеся публикации учёных о свв. Кирилле и Мефодии, ни передача из Праги в храм при Московском университете в 1851 г. частицы мощей св. Кирилла. Только вокруг тысячелетия моравской миссии (1863) начинается деятельность по «возрождению» кирилло-мефодиевской традиции, первым общественно значимым свидетельством которой стал «Кирилло-Мефодиевский сборник», изданный Обществом любителей российской словесности через три года после смерти своего председателя — А. С. Хомякова.

* * *

К сожалению, по явному недосмотру редколлегии невнятная и полная ошибок и несуразностей компиляция из обрывков старых текстов опубликована в журнале с прочной академической репутацией и под грифом Ивановского государственного университета. Журнал «Интеллигенция и мир» включён в Перечень ВАК. Помимо распространяемой по подписке печатной версии его материалы пользуются спросом в Национальной электронной библиотеке РФ и в Центрально-Европейской электронной библиотеке (CEEOL), о чём говорит растущий индекс цити-

рования журнала. Если авторы «статьи» считают возможным компрометировать свой университет подобными опусами, — это их дело и дело их корпорации. Я же от имени Ивановского государственного университета обязан принести наши извинения читателям, не ожидавшим встретить в рецензируемом издании случайную нарезку из того, что бессмертный директор Пробирной Палатки деликатно называл французским словом «inachevé».

Примечания

- ¹ *Океанский В. П., Океанская Ж. Л.* Антикризисный потенциал православной традиции: к проблеме осмысления метафизических оснований отечественной интеллигенции в истории // *Интеллигенция и мир.* 2010. № 3. С. 135—144.
- ² URL: <http://ocean.ucoz.ru/publ/15-1-0-122> (дата обращения: 15.11.2010). Текст опубликован: *Океанская Ж. Л., Океанский В. П.* Имя «всей этой швали»: ленинский образ С. Н. Булгакова, или о культурологических причинах редукции Кирилло-Мефодиевской традиции в России // *Мир и язык в наследии отца Сергия Булгакова : сб. материалов науч.-практ. конф., 6—7 октября 2007 г. / сост. В. П. Океанский, Ж. Л. Океанская.* Шуя, 2008. С. 196—218.
- ³ URL: <http://ocean.ucoz.ru/publ/16-1-0-148> (дата обращения: 15.11.2010).
- ⁴ *Пиккио Р.* История древнерусской литературы. М., 2003. С. 13—17.
- ⁵ *Тютчев Ф. И.* Сочинения : в 2 т. М., 1984. Т. 1. С. 370. Поэт имеет в виду VII главу Пространного жития св. Мефодия: «Философ, уходя на суд [Божий], сказал Мефодию, брату своему: “Вот, брат, были мы с тобой парой в одной упряжке и пахали одну борозду, и я на поле падаю, окончив день свой”» (см.: *Сказания о начале славянской письменности.* М., 1981. С. 97). Эти слова св. Кирилла заимствованы из произведения особенно любимого им св. Григория Богослова, посвященного св. Василию Великому.
- ⁶ *Сказания о начале славянской письменности.* С. 97.
- ⁷ *The Invention of Tradition / E. Hobsbawm.* Cambridge University Press, 2003.
- ⁸ *Хомяков А. С.* Полное собрание сочинений : в 8 т. М., 1900—1906. Т. 4. С. 251.
- ⁹ Там же. Т. 5. С. 411.
- ¹⁰ Там же. С. 419.
- ¹¹ Там же. С. 508.

Информация для авторов

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству как ведущих специалистов, так и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. Журнал уже получил регистрацию в Комитете по печати РФ. С 2010 года наш журнал включен в список ВАК. Мы будем рады видеть Ваши публикации на страницах журнала «Интеллигенция и мир».

Предполагается публиковать статьи по следующим **актуальным проблемам** современной науки:

- **Актуальные проблемы современного интеллигентоведения;**
- **Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции;**
- **Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран;**
- **Интеллигенция и общество в современных условиях;**
- **Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории;**
- **Международные отношения и личность;**
- **Роль религии в развитии мировой культуры;**
- **Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла;**
- **Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни;**
- **Из архивных фондов: публикация исторических источников.**

Редколлегия также рассмотрит и другие Ваши предложения.

Требования к оформлению статей

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать фамилию, имя, отчество автора, полный почтовый адрес, телефон, ученую степень, звание, должность и место работы, контактную информацию (e-mail или телефон). Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

9. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

АННОТАЦИИ

Филипповская Т. В. Перспективный тупик или новое качество интеллигенции?

Ключевые понятия: интеллигенция, регрессивная мобильность интеллигенции, отторжение знаний, отказ от знаний, отчуждение знаний, антидериваты, функциональная неграмотность, фрагментаризация процесса мыслительной деятельности (дискретность мышления), потребительское сопротивление.

Представлен инновационный аспект осмысления актуального состояния и перспектив позиционирования интеллигенции в социуме в ракурсе регрессивной мобильности интеллигенции. Определены понятия «антидеривация» и «отторжение знаний», структурными составляющими которых являются отказ от знаний и отчуждение знаний.

Кочешков Г. Н., Сараева Е. Л. Исторические корни западной интеллигенции

Ключевые понятия: русское западничество, модернизация русского общества, русская интеллигенция, российская цивилизация.

Авторы изучают основные проблемы формирования интеллигенции западного направления в России первой половины XIX в. Значительное место в статье занимает анализ исторических корней и условий развития западных идей и ценностей в среде русской интеллигенции. Особое внимание исследователи уделяют историографическим и методологическим вопросам избранной проблематики.

Золотарёв О. В. Первое объединение коми интеллигенции

Ключевые понятия: коми национальная интеллигенция, национальное самосознание, государственная политика по отношению к интеллигенции, научная деятельность.

Предпринята попытка анализа деятельности первого объединения коми национальной интеллигенции — Общества изучения Коми края.

Гилевская Л. П. Социологический анализ состояния социального самочувствия белорусской интеллигенции

Ключевые понятия: белорусская интеллигенция, социальное самочувствие, поведенческие стратегии.

Исследуется состояние социального самочувствия интеллигенции современной Беларуси. Представлена обширная теоретическая часть, обосновывающая необходимость проведения исследования и актуальность данной темы. Статью сопровождают таблицы, схемы и рисунки, способствующие более глубокому пониманию выводов автора относительно возможных поведенческих стратегий современной белорусской интеллигенции.

Иванова Л. Г. Книжная культура современного студенчества

Ключевые понятия: студенчество, культура чтения, книжная культура, городская культура, глубинное интервью.

Статья посвящена месту и роли книги и чтения в жизни современного студенчества, работа основана на данных опроса, в ходе которого получены интересные и оригинальные результаты.

Белова Н. А. Учительская интеллигенция в 1920—30-е гг.: повседневная жизнь в условиях социалистического строительства

Ключевые понятия: учителя, повседневность, уровень жизни, условия работы, образ жизни.

Анализируется повседневная жизнь советского учительства в условиях развернувшегося социалистического строительства, зарплата, жилищно-бытовые условия, а также общественная работа учителей в 1920—30-е гг.

Борзов А. В. Консервативные католические интеллигенты США в 1970—80-е гг. и администрация Р. Рейгана

Ключевые понятия: католическая интеллигенция, культурный консерватизм, западная цивилизация, кризис американского общества, религия, мораль, администрация Р. Рейгана.

Освещаются взгляды католических интеллигентов США — представителей течения «культурного консерватизма» 1970—80-х гг. и анализируется их влияние на религиозный аспект внутривластной деятельности администрации Р. Рейгана. Особое внимание уделяется разногласиям между культурными консерваторами и республиканским

Белым Домом и ставится вопрос о степени идейной независимости католических интеллектуалов-традиционалистов от консервативного политического класса.

Борзова И. С. Оппозиция, интеллигенция и политическая борьба в постсоветской Белоруссии

Ключевые понятия: Белоруссия, оппозиция, интеллигенция, политическая борьба, власть, национальная идентичность.

Рассматривается роль белорусской оппозиции и интеллигенции в политических трансформациях, происходящих в постсоветской Белоруссии. Выделяются этапы развития белорусской оппозиции и анализируются особенности борьбы её представителей за власть на каждом из этих этапов.

Порозов В. А. Образ интеллигенции российского провинциального города второй половины XX века в книгах серии «Пермь как текст»: молотовский коктейль. Статья первая

Ключевые понятия: интеллигенция, провинция, город, холодная война, интеллигенция во власти, вузовская интеллигенция, оппозиционность интеллигенции, условия жизнедеятельности, политическая повседневность, номенклатурные и интеллигентские кланы.

Воспроизводятся образы интеллигентов во власти в среде российского провинциального города времен послевоенного сталинизма, «оттепели» и «застоя», подчёркиваются черты интеллигентности ряда профессиональных номенклатурщиков и показывается политическая борьба и духовное противостояние интеллигенции, находящейся в оппозиции режиму и его функционерам. Анализируется понятие номенклатурного и интеллигентского клана.

Philippovskaya T. V. Perspective impasse or the new quality of intelligentsia?

Key notions: intelligentsia, regressive mobility of intelligentsia, tearing away of knowledge, rejection of knowledge, estrangement of knowledge, anti-derivatives, functional illiteracy, fragmentation of the process of mental activity (discreetness of thinking), consumer resistance.

Innovative aspect of interpretation of actual state and positioning perspectives of intelligentsia in society from the position of regressive mobility of intelligentsia is represented in the article. The notions “anti-derivation” and “tearing away of knowledge”, structural component of which is rejection of knowledge and estrangement of knowledge are given by the author.

Kocheshkov G. N., Saraeva E. L. Historic roots of Westernist intelligentsia

Key notions: Russian Westernism, Russian society modernization , Russian intelligentsia, civilization of Russia.

The authors learn the basic problems of intelligentsia formation of Westernist type in Russia in the first half of the 19th century. Much attention is paid to the analysis of the historic roots and conditions of Westernist ideas and values development in the sphere of Russian intelligentsia. Special attention is paid to historiography and methodological problems of the given subject.

Zolotaryov O. V. The first unification of Komi intelligentsia

Key notions: Komi national intelligentsia, national self-consciousness, state policy with respect to intelligentsia, scientific activity.

An attempt to analyze the activity of the first unification of Komi national intelligentsia – society of Komi region research is made in the article.

Gilevskaya L. P. Sociological analysis of conditions of social general state of Belorussian intelligentsia

Key notions: Belorussian intelligentsia, social general state, behavior strategies.

The article deals with research of conditions of social general state of the present-day Belorussian intelligentsia. The results of this research are prefaced with large theoretical part substantiating the necessity of this research and topicality of the given subject.

The article is supplied with tables, schemes and pictures that help to understand the conclusions of the author more deeply about possible behavior strategies of the present-day Belorussian intelligentsia.

Ivanova L. G. The book culture of contemporary students

Key notions: students, culture of reading, book culture, city culture, deep interview.

The article deals with the place and role of a book and reading in the life of contemporary students. The research is based on the data of the interrogation of contemporary students, during which many interesting and original results were achieved.

Belova N. A. Teachers' intelligentsia in 1920—1930: everyday life in the conditions of socialistic building

Key notions: teachers, everyday life, level of life, working conditions, type of life.

The article studies everyday life of Soviet teachers in the conditions of socialistic building, analyses the wage, life conditions and social work of teachers in 1920—1930.

Borzov A. V. Conservative catholic intelligentsia members in the USA in 1970—1980 and administration of R. Reagan

Key notions: catholic intelligentsia, cultural conservatism, Western civilization, crisis of American society, religion, moral, administration of R. Reagan.

The article shows the thoughts of catholic intelligentsia members of the USA — representatives of the trend “cultural conservatism” of 1970—1980 and analyses their influence on religious aspect of inner-political activity of R. Reagan's administration. The author pays special attention to the developed disagreement between cultural conservatives and the republican

White House and asks the question about the degree of idea-independence of catholic intellectuals-traditionalists and conservative political class.

Borzova I. S. Opposition, intelligentsia and political struggle in the post-Soviet Belorussia

Key notions: Belorussia, opposition, intelligentsia, political struggle, authority, national identity.

The article analyses the role of Belorussian opposition and intelligentsia in the political transformations taking place in the post-Soviet Belorussia. The author shows the stages of development of Belorussian opposition and learns the peculiarities of the struggle of opposition representatives for authority on each of these stages.

Porozov V. A. The image of intelligentsia of a Russian provincial town in the second half of the 20th century in the books of the series “Perm as a text”: molotov’s cocktail. Article number one

Key notions: intelligentsia, province, town, cold war, intelligentsia in authority, university intelligentsia, intelligentsia’s opposition, conditions of life and activity, political everyday life, nomenclature and intelligentsia clans.

Analyzing from the position of intelligentsia studies the series of books “Perm as a text” (Perm, 2009), first of all the collection of essays by S. L. Fedotova “Molotov’s cocktail” and the monograph by O. L. Leibovich “In the Town of M: Essays of political everyday life of a Soviet province in the 40s—50s of the 20th century”, the author of the article represents the images of intelligentsia members in authority in the sphere of a Russian provincial town in the years of the post-war Stalinism, “thaw” and “stagnation”, underlines the features of intelligence of a number of professional nomenclature members and shows the political struggle or the spiritual resistance of intelligentsia that was in the opposition to the regime and its members. After O. L. Leibovich the notion of the nomenclature and intelligentsia clan is analyzed in the article.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР
Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук

2010 № 4

Над номером работали:

Директор издательства *Л. В. Михеева*

Редактор *М. Б. Балябина*

Технический редактор *И. С. Сибирева*

Компьютерная верстка *Н. Г. Юркин, Т. Б. Земскова*

Подписано в печать 17.12.2010 г.

Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.

Усл. печ. л. 9,53. Уч.-изд. л. 7,7. Тираж 300 экз.

Адрес редакции: 153025 Иваново, ул. Ермака, 39

Факс: (4932) 32-66-00 E-mail: vs_memetov@mail.ru

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41 E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Типография ГОУ СПО «Ивановский энергетический колледж»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 41

☎ (4932) 32-50-89 Адрес в Интернете www.tip1.ru

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2010 г.

Автор, наименование статьи	№
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ	
<i>Колпакова С. П.</i> Креативный труд в условиях социально-экономической модернизации России	1
<i>Меметов В. С., Будник Г. А.</i> Формирование интеллигенции в высшей школе: от теории к практике	2
<i>Смирнов Д. А.</i> «Деструктивный характер» интеллигенции в понимании Вальтера Беньямина	2
<i>Соловьёв А. А.</i> Путь веры и знания: антиномии «Вех»	1
<i>Филипповская Т. В.</i> Перспективный тупик или новое качество интеллигенции?	4
ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ	
<i>Золотарёв О. В.</i> Советское учительство в 1930-е годы	1
<i>Золотарёв О. В.</i> Первое объединение коми интеллигенции	4
<i>Зябликов А. В.</i> Партия демократических реформ и художественная интеллигенция в 1905—1907 гг.	2
<i>Игумен Феодосий (Иванников).</i> Евразийцы как представители русской интеллигенции первой половины XX века	1
<i>Комиссаров В. В.</i> Клубы любителей фантастики как проявление общественной активности советской интеллигенции 1960—80-х гг.: к проблеме изучения	2
<i>Кочешков Г. Н., Сараева Е. Л.</i> Исторические корни западнической интеллигенции	4
<i>Околотин В. С.</i> Роль научной интеллигенции в разработке налоговой политики советского государства (первое полугодие 1928 года)	3

Автор, наименование статьи	№
<i>Раскатова Е. М.</i> Главное управление по охране государственных тайн в печати при СМ СССР (Главлит) и новые реалии художественной жизни в конце 1960-х — начале 1980-х гг.	2
<i>Чередникова А. Ю.</i> Особенности взаимоотношений властей и лужицких общественных организаций. 1918—1949 гг.	1
<i>Шевчук И. И.</i> Социальный и партийный состав учёных БССР (1920—30-е годы)	2
<i>Яновский О. А.</i> Тернистая дорога к марксизму, или российская интеллигенция в белорусских реалиях 1920-х гг.	1
ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ	
<i>Попов А. В.</i> Генезис древнерусской военной интеллигенции	1
ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	
<i>Гилевская Л. П.</i> Социологический анализ состояния социального самочувствия белорусской интеллигенции	4
<i>Масленникова О. Н., Садина С. С.</i> Прагматизм в высшем образовании: pro et contra	3
<i>Шушунова Т. Н.</i> Особенности самосохранительного поведения белорусской интеллигенции	3
ИСТОРИОГРАФИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ	
<i>Пронин А. А.</i> Историография историографии российской эмиграции	2
ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ	
<i>Соловьёв А. А.</i> Обретённое время русской интеллигенции	3
<i>Федотов А. А.</i> Русская Православная Церковь и религиозная интеллигенция в 1970-х — начале 1990-х гг.	3

РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ

- Ревин И. А.* Формирование сельской интеллигенции области Войска Донского выходцами из крестьянского сословия 1

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Брагина Н. Н.* Бюрократическое скерцо глазами музыканта (о перипетиях духовной жизни индивидуума на фоне картины мирового порядка в городе Градове, придуманном Андреем Платоновым: смешное и несмешное) 1
- Варакина Г. В.* Личность А. Скрябина в среде художественной интеллигенции Серебряного века 3
- Репников А. А.* С. Н. Сыромятников: штрихи к портрету 3
- Юркина О. А.* Беатрис Вебб и Женская фабианская группа 2

ДИСКУССИЯ

- Иванова Л. Г.* Книжная культура современного студенчества 4
- Океанский В. П., Океанская Ж. Л.* Антикризисный потенциал православной традиции: к проблеме осмысления метафизических оснований отечественной интеллигенции в истории 3

ДЕБЮТ

- Белова Н. А.* Учительская интеллигенция в 1920—30 гг.: повседневная жизнь в условиях социалистического строительства 4
- Борзов А. В.* Консервативные католические интеллигенты США в 1970—80-е годы и администрация Р. Рейгана 4
- Борзова И. С.* Оппозиция, интеллигенция и политическая борьба в постсоветской Белоруссии 4

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

- Порозов В. А.* Образ интеллигенции российского провинциального города второй половины XX века в книгах серии «Пермь как текст»: молотовский коктейль. Статья первая 4

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Жизнь по гамбургскому счёту (интервью *Т. Строгановой* с *С. Загребиным*) 2
- Порозов В. А.* Двадцатая, юбилейная Международная интеллигентоведческая научно-теоретическая конференция в Иваново, 24—26 сентября 2009 г. 1

ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

- Будник Г. А.* Некоторые размышления по поводу монографии Е. М. Раскатовой 2
- Полывянный Д. И.* О кирилло-мефодиевской традиции и «дегенерации смыслоформ» 4
- Пронин А. А.* Отзыв официального оппонента на диссертацию К. В. Средняк «Писатели третьей волны эмиграции: проблемы взаимодействия с советской и западной интеллигенцией в 1960—80-е гг.» 4
- Самарцева Е. И.* «Монография, к которой будут обращаться не одно десятилетие...» 2